

Роберт ГОВАРД
ЧЕРНАЯ КНИГА

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Роберт ГОВАРД
ЧЕРНАЯ КНИГА

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Роберт Говард

Черная книга

Хозяин Судьбы

Глава 1. Лицо в тумане

Мы только призраки неясные в тени: мелькнут – и вмиг исчезнут вновь они.

Омар Хайям

Впервые ужас принял совершенно кошмарные очертания посреди самого расплывчатого из состояний – грез, внушенных гашишем.

Я отправился в путешествие вне времени и пространства, посещая неведомые страны, принадлежащие этому состоянию бытия, за миллионы миль от нашей земли и от привычной обстановки; и все же смутно осознал, как что-то безжалостно разрывает нависшую надо мной вуаль иллюзий и тянется за мной сквозь неизведанные пустоты, вторгаясь в мои видения.

Полностью я еще не очнулся от грез, но уже понял, что вижу и ощущаю нечто неприятное, находящееся вроде бы в границах сна, которым я наслаждался.

Тому, кто ни разу не испытал даримых гашишем радостей, мои объяснения могут показаться бессвязными и неправдоподобными. Но все-таки я ясно ощущал, как меня вырывают из тумана и в поле моего зрения вторглось это лицо.

Сначала мне привиделся только череп, потом я разглядел черты лица – не белого, а ужасающе желтого, и какая-то жуткая форма жизни угадывалась в нем. Глубоко в глазницах поблескивали глаза, а челюсти двигались, как будто существо говорило. Туловище было расплывчатым, словно не в фокусе, я различал только высокие узкие плечи, а еще руки, плывущие в тумане перед черепом, – они выглядели до ужаса живыми, у меня даже мурашки пошли по спине. Руки, точно у мумии, – длинные, тонкие и желтые, с узловатыми суставами и страшными кривыми когтями.

Затем, довершая смутный ужас, который быстро овладевал мною, раздался голос: представьте себе человека, который так долго был покойником, что весь его голосовой аппарат застоялся и утратил дар членораздельной людской речи.

Меня поразила именно эта мысль, и волосы у меня на затылке встали дыбом, когда я услышал:

– Силен, скотина, но может пригодиться. Прогляди, чтобы он получал вволю гашиша.

Затем лицо начало таять в воздухе, но я уже понял – это говорят обо мне, и тут снова поднялся туман, чтобы сомкнуться вокруг меня. И все же в течение одного-единственного мгновения происшедшее стояло перед глазами с удивительной четкостью.

Я задержал дыхание – во всяком случае, попытался это сделать. Потому что за высокими плечами призрака ненадолго явилось другое лицо – так ясно, будто обладательница его внимательно посмотрела на меня. Полураскрытые алые губы, длинные темные ресницы, затеняющие живые глаза, сверкающее облако волос. Из-за плеча Кошмара смотрела на меня захватывающая дух Красота.

Лицо-череп явилось мне в тот обычно ни с чем не пересекающийся отрезок времени, который лежит между погружением в наркотические грезы и обыденной реальностью. Я сидел, скрестив ноги, на циновке в Храме Грез Юн Шату и пытался собрать жалкие остатки разрушающегося разума, чтобы припомнить события и лица.

Это последнее видение настолько разительно не походило на любое из тех, какие у меня бывали прежде, что мой охлаждающий интерес вновь проснулся и заинтересовался его происхождением. Когда я впервые баловался гашишем, я пытался найти физиологическую или физическую основу для дикого разгула иллюзий, свойственных подобным случаям, но в последнее время довольствовался тем, что просто наслаждался, не ища ни причины, ни следствия.

Откуда же безотчетное ощущение, будто в том видении промелькнуло что-то знакомое? Я обхватил руками пульсирующую голову и упорно искал разгадку. Оживший мертвец и девушка редкой красоты, которая смотрела из-за его плеча... И тут я все вспомнил.

Далеко-далеко позади, за туманами дней и ночей, которые окутывают поврежденную наркотиками память... Как-то раз у меня кончились деньги. Несмотря на это, я, как обычно, явился в отвратительное заведение Юн Шату, и меня вышвырнул оттуда громадный негр Хассим, как только выяснилось, что в кармане у меня пусто.

Вселенная вокруг меня с грохотом разваливалась на куски, нервы гудели, точно туго натянутые струны рояля, – так необходимо было мне удовлетворить свою потребность. Я присел в канаве и что-то невнятно лепетал, пока Хассим не вышел вразвалочку на улицу и не заставил меня умолкнуть сокрушительным ударом.

Через некоторое время, почти оглушенный, я поднялся и стоял пошатываясь, не замечая ничего, думая только о прохладной воде, которая журчала так близко от меня, – и тут легкая, точно прикосновение розы, рука дотронулась до моего плеча. В испуге я вздрогнул, обернулся – и застыл очарованный прекрасным пилением. Темные ясные глаза с жалостью взглянули на меня, и маленькая рука за изодранный рукав повлекла меня к дверям Храма Грез. Я отшатнулся было, но низкий, мягкий и мелодичный голос убеждал идти, и, вопреки всякой логике полный доверия, я поплелся за своей милой проводницей.

У дверей нас встретил Хассим, его жестокие кулаки поднялись, а на низком, точно у обезьяны, лбу прорезалась глубокая морщина. Но, когда я съезжился в ожидании удара, негра остановила вздетая рука девушки и властная интонация ее голоса.

Я не разобрал ее слов, но смутно, будто в тумане, увидел, что Хассим получил от нее деньги. Она привела меня к кушетке, помогла лечь поудобнее и расправила подушки, словно

я был египетским фараоном, а не оборванным и грязным выродком, живущим только ради дурмана. На мгновение я почувствовал на лбу прохладу ее тонкой руки, а потом девушка удалилась, и тут же пришел Юсеф Али и принес порошок, о котором отчаянным криком молила моя душа, – и вскоре я опять бродил по неизведанным и экзотическим странам, доступным только пленникам гашиша.

Ныне, сидя на циновке и вспоминая мертвую голову, я удивляюсь еще больше. С тех пор как юная незнакомка привела меня в притон, я приходил туда, когда хотел, даже не имея денег. Безусловно, кто-то расплачивался с Юн Шату за меня, и хотя подсознание говорило мне, что деньги дает та самая девушка, помраченный разум не мог полностью осознать этот факт и отказывался размышлять о причине. Что проку в размышлениях? Раз кто-то платит и мои грезы, так похожие на явь, продолжают, какая мне забота? Но на этот раз я крепко задумался. Потому что девушка, которая тогда защитила меня от Хассима и помогла получить гашиш, была та самая красавица, которую я видел в грезе о мертвой голове.

Пусть я погряз в пороке и деградировал, ее обаяние поразило меня, точно нож пронзил самое мое сердце, и странным образом ожила память о тех днях, когда я был таким же человеком, как другие, а не угрюмым и покорным рабом дурмана. Ах, как они были далеки и туманны, мерцающие островки в дымке лет, и какое огромное темное море пролегло между прошлым и настоящим!

Я посмотрел на свой изорванный рукав, на грязную, с неопрятными, точно кривые когти, ногтями руку, торчащую из обшлага, взглянул на густой дым, повисший в мерзком помещении, на низкие скамьи вдоль стен, где валялось отребье вроде меня – любители грез с пустыми глазами, потребители гашиша и опиума. Посмотрел на вертящего китайца, неслышно скользящего взад и вперед в комнатных туфлях, – он разносил трубки или горящие шаррики очищенного опия, мерцающие, как светлячки.

Посмотрел на Хассима, стоящего, сложив руки на груди, возле двери, словно огромная статуя из черного базальта.

И я содрогнулся и спрятал лицо в ладонях, потому что теперь, когда мое мужество возвращалось по капле, я понял, что это последнее и самое жестокое сновидение бесполезно: я уже пересек океан и никогда больше не вернусь по его водам, я навсегда отрезал себя от мира нормальных мужчин и женщин. Ничего более не оставалось, как погрузиться в это сновидение, как я уже проделывал много раз – быстро, в надежде вскоре достигнуть Последнего Океана, который лежит за пределами всех грез.

Таковы бывают эти миги прояснения, острой тоски, которые временами прорываются сквозь туман в сознании всех жертв наркотиков – необъяснимые и недостижимые...

Итак, я вернулся к своим бессмысленным грезам, к фантазмагии иллюзий; но время от времени, точно острие меча, вспарывающее туманную завесу, сквозь высокие горы, низкие долины и глубокие моря проникал блеск темных глаз и гладких волос, точно полузабытая музыка.

Вы спросите, каким образом я, Стивен Костиген, американец с разносторонними знаниями и не чуждый культуре, дошел до того, что валяюсь в грязном Притоне лондонского Лаймхауза? Ответ прост: нет, никогда я не предавался изнуряющим оргиям и не искал новых ощущений на таинственном Востоке. Ответ заключается в одном коротком слове: Аргонн! Боже, что за бездны и высочайшие пики ужаса скрываются в этом словечке! Контужен разрывом снаряда, ранен осколками.

Бесчисленные дни и ночи, не имеющие конца, ревушая адская красная пропасть над

ничейной землей, где я лежал, простреленный и пронзенный штыком, и моя искромсанная плоть сочилась кровью. Тело мое исцелилось – не знаю уж, каким чудом, но мозг так и не пришел в порядок.

И скачущие языки пламени вместе с тенями, колышущимися в измученном сознании, заставляли меня опускаться все ниже и ниже по ступеням деградации, и я превращался в жалкое ничтожество, пока не оказался наконец в Храме Грез Юн Шату, где утопил свои алые видения в других снах... которые позволяют опускаться в самые глубокие ямы ада или подниматься на безымянные вершины, где звезды превращаются в блистающие алмазы.

Нет, мои видения не были животным бредом пьяницы. Я достигал недостижимого, стоял лицом к лицу с неизведанным и познавал неразгаданное в космическом покое. И был до известной степени доволен, пока отполированные до блеска волосы и алые губы не отшвырнули прочь мою вселенную грез и не заставили меня содрогаться над ее развалинами.

Глава 2. Хозяин судьбы

*Тот, Кто тебя швырнул на это Поле,
Он знает все об этом! Знает! Знает!*

Омар Хайям

Чья-то рука грубо тряхнула меня, когда я в истоме расставался со своими последними видениями. – Тебя Хозяин требует! Поднимайся, свинья!

– Пошел он ко всем чертям, твой хозяин! – Хассима я ненавижу и боялся.

– Вставай, не то больше не получишь гашиша. – Эта угроза заставила меня содрогнуться и вскочить на ноги.

Я следовал за громадным негром по комнатам в задней части здания, где на полу валялись жалкие одурманенные люди; он едва не наступал на них.

– Свистать всех наверх! – рявкнул какой-то матрос на койке. – Всех наверх!

Хассим распахнул очередную дверь и жестом велел войти. Никогда прежде я не проходил через эту дверь, однако всегда полагал, что она ведет в личные покои самого Юн Шату. Но меблировка этой комнаты состояла только из простой кровати, бронзового идола, перед которым курились благовония, и массивного стола.

Хассим бросил на меня зловещий взгляд и ухватился за стол, как будто собирался сдвинуть его с места. Стол легко повернулся, и вместе с ним повернулась секция пола, и открылся потайной люк. Вниз, в темноту, вели ступени.

Хассим зажег свечу и властным жестом приказал мне спускаться. С равнодушной покорностью наркомана я так и поступил, а он двинулся следом, плотно закрыв за нами люк при помощи железного рычага. Мы спускались в полутьме по шатким ступеням, я насчитал их девять, а может десять. Затем мы очутились в узком коридоре.

Здесь Хассим снова пошел впереди, держа свечу в поднятой руке. Я с трудом различал стены этого пещерообразного тоннеля, но понял, что он неширок. Мерцающий свет показывал, что в коридоре нет никакой мебели, кроме ряда странных на вид сундуков, стоявших у стены. Я предположил, что в них хранят опиум и другие наркотики.

Непрерывно слышались какие-то шорохи и постукивание, как будто кругом двигались

живые существа, а в тених то и дело посверкивали красные глазки, – в этом Притоне кишмя кишели огромные крысы, которые, как известно, наводняют весь портовый район Лондона.

Внезапно мы приблизились к концу коридора, и перед нами из темноты снова возникли ступеньки. Хассим повел меня наверх, а там четыре раза стукнул в деревянный молоток. Открылась потайная дверь, на нас устремился поток неяркого света.

Хассим вытолкнул меня наверх, и вот я стою, помаргивая от изумления. Подобной обстановки я не видал даже в самых неистовых полетах фантазии. Я оказался в джунглях, кругом росли пальмы, в их ветвях извивались мириады совершенно живых на вид драконов. Когда мои глаза привыкли к свету, я понял, что не перенесся на другую планету, как мне показалось сперва. Искусственные деревья стояли в больших кадках, а драконы были изображены на тяжелых коврах, покрывающих стены.

Сама комната показалась невероятно громадной. Густой дым, желтоватый и похожий на туман тропического леса, висел кругом и не давал разглядеть потолок. Присмотревшись, я понял, что дым идет от алтаря, расположенного слева от меня, у стены. Я невольно вздрогнул. Сквозь колыхания шафранового тумана на меня в упор смотрели два огромных сверкающих неживых глаза. С трудом угадывались туманные очертания чудовищного идола. Я в тревоге огляделся, заметил восточные диваны, кушетки и непонятную утварь, а затем мой взгляд перестал блуждать и остановился на деревянной ширме, находившейся прямо передо мной.

Я не мог проникнуть взором сквозь нее, но ощущал, как сквозь лакированное дерево мое сознание опаляют глаза, которые, казалось, вонзились мне в самую душу. От этой странной ширмы, украшенной непонятной резьбой и омерзительными рисунками, исходила загадочная злая аура.

Хассим склонился перед ширмой в глубоком поклоне, затем, не произнося ни слова, отступил и скрестил руки на груди, застыл подобно статуе.

Внезапно гнетущее молчание нарушил голос:

– Ты, превратившийся в свинью! Хотел бы снова стать человеком?

Я содрогнулся. Голос звучал не по-человечески холодно, более того, он как будто исходил от речевых органов, долгое время бездействовавших. Этот самый голос я слышал в своих видениях!

– Да, – ответил я, точно в трансе, – я хотел бы снова стать человеком.

Тут кругом воцарилось молчание, затем опять зазвучал нечеловеческий голос. Я услышал зловеющий шепот, словно летучие мыши вылетали из пещеры.

– Я сделаю тебя человеком, потому что я друг всем сломленным и опустившимся. Я совершу это не за плату и не за благодарность. И я отмечу тебя особым знаком, дабы скрепить им, как печатью, мое обещание. Просунь руку через ширму.

Внимая этим странным и малопонятным словам, я стоял в недоумении. Когда же голос невидимого повелителя повторил требование, я шагнул вперед и просунул руку в щель, которая вдруг беззвучно образовалась в ширме. И почувствовал, как мое запястье словно железные клещи сдавили, и что-то холодное, в несколько раз холоднее льда, дотронулось до ладони. Тут же мою руку освободили, и я, выдернув ее из ширмы, увидел голубоватый рисунок возле основания большого пальца – нечто вроде скорпиона.

Снова зазвучал голос. Я не понимал этого языка, только слышал, что он изобилует шипящими. Хассим почтительно шагнул вперед. Он потянулся к ширме, потом повернулся ко мне, держа в руках бокал, наполненный жидкостью янтарного цвета. С ироническим

поклоном Хассим подал бокал мне. Я смотрел на сосуд, колеблясь.

– Пей, не бойся, – приказал невидимка. – Это всего лишь египетское вино, оно обладает свойством поддерживать жизнь.

Я поднял и осушил бокал. Вкус оказался довольно приятным; более того, когда я вернул сосуд Хассиму, мне показалось, что жизненная энергия и бодрость так и струятся по изнуренным венам.

– Оставайся в доме Юн Шату, – продолжал невидимка. – Здесь у тебя будут пища и кров, пока ты не наберешься сил, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Гашиш ты отныне получать не будешь, да он и не понадобится. Ступай!

Как во сне, и проделал за Хассимом обратный путь: через потайную дверь, вниз по ступенькам, по темному коридору и наверх, через другую дверь, назад в Храм Грез. Когда мы попали в зал, где лежали грезящие, я удивленно повернулся к негру.

– Хозяин? Хозяин чего? Жизни? – Хассим зло и язвительно расхохотался.

– Хозяин Судьбы!

Глава 3. Паук и муха

Не отыскал ключа и к тем дверям,

Вуаль туманно трепыхалась там.

Омар Хайям

Я сидел на подушках Юн Шату и размышлял с непривычной ясностью рассудка. Вообще все мои ощущения обновились и казались странными. Как будто я проснулся после чудовищно долгого сна, и, хотя мысли путались, чудилось, что с меня смели львиную долю налипшей паутины.

Я дотронулся до лба рукой и заметил, что она дрожит. Меня одолевала слабость, и каждое движение давалось с трудом, напоминал о себе голод. Нет, не наркотик мне был нужен, а самая обычная пища. Что же это я подавил в себе, пока находился в том таинственном помещении? И почему из самых убогих посетителей заведения Юн Шату «Хозяин» избрал именно меня и захотел вернуть к полноценной жизни?

И кто он такой, этот Хозяин? Было в этом слове что-то знакомое. Я тщетно напрягал память. Да, конечно, раньше, когда я в полудреме лежал на полу, это слово мрачно шептали то Юн Шату, то Хассим, то мавр Юсеф Али, и всегда вместе с этим словом звучали другие, которых я не понимал. Значит ли это, что Юн Шату вовсе не владелец Храма Грез? Я, как и другие наркоманы, считал, что старый китаец с увядшей физиономией безраздельно владеет этим грязным королевством, а Хассим и Юсеф Али – его слуги. А четверо юных китайцев, которые жгут опиум наряду с Юн Шату, и афганец Яр-хан, и гаитянин Сантьяго, и сикх-вероотступник Ганра Сингх – все они, как мы полагали, на жаловании у Юн Шату, служат ему за золото или под страхом расправы.

Потому что Юн Шату обладал большой властью в Китайском квартале Лондона, и я слышал, что его щупальца тянутся за далекие моря, в высшие сферы могущества и таинственных языков. Так не сидел ли за той лакированной ширмой Юн Шату? Нет: голос китаец я знал, кроме того, видел, как он слонялся перед входом в Храм как раз в ту минуту, когда я проходил через заднюю дверь.

Мне пришло в голову другое. Частенько, лежа в полуоцепенении поздно ночью или в часы серого рассвета, я замечал, как в Храм украдкой проскальзывают мужчины и женщины, которые, судя по их одежде и манере держаться, не особенно вязались с этим злачным местом. Высокие, атлетически сложенные мужчины в вечерних костюмах и надвинутых на самые брови шляпах, красивые дамы в шелках и мехах, прикрывающие лица вуалями, — никогда они не входили парами, всегда поодиночке, и, стараясь спрятать лицо, спешили к двери задней комнаты, а через некоторое время показывались снова, иной раз пробыв в Храме целые часы. Я знал, что иногда и высокопоставленные персоны не прочь побаловаться наркотиками, а потому нисколько не удивлялся. Я принимал этих посетителей за людей из высшего общества, ставших жертвами пагубных желаний; наверно, в глубине здания для таких лиц предназначалась особая комната. Но, подумав, я удивился: ведь иногда такие гости проводили в Храме считанные минуты, неужели они действительно приходили ради опиума? Может, они тоже пробирались тем странным коридором, а потом беседовали с Сидящим-за-Ширмой?

Затем мне пришло в голову: а может, эти богачи посещают крупного специалиста, чтобы с его помощью излечиться от порока? Но ведь странно было бы, если бы такой специалист расположился в настоящем гнезде наркомании.

Не менее странно, что владелец этого заведения, по всей видимости, относился к нему весьма почтительно.

От этих мыслей у меня разболелась голова, я оставил их и крикнул, чтобы мне дали поесть. С удивительной быстротой явился Юсеф Али с целым подносом еды. Более того, уходя, он поклонился мне и оставил раздумывать о странной перемене моего положения в Храме Грез.

Я ел и размышлял, чего же хочет от меня Сидящий-за-Ширмой. Ни на мгновение я не допускал, что он был откровенен насчет своих мотивов; жизнь среди низов общества убедила меня, что никто из здешних обитатели не склонен к филантропии. А та таинственная комната все-таки принадлежит миру низменному, при всей ее необычности. И где же она расположена? Далеко ли я прошел по тому коридору? Я пожал плечами: а может, это все были только сны под воздействием гашиша? Я поднес к глазам ладонь. Скорпион все еще был на ней.

— Свистать всех наверх! — рявкнул матрос на койке. — Всех наверх!

Я воздержусь от подробного рассказа о том, как прошли следующие несколько дней, чтобы не докучать тем счастливицам, кто не побывал в страшном рабстве у наркотика. Я ждал, когда же страстное желание снова одолеет меня, ждал с безнадежной уверенностью. Весь день, всю ночь, еще один день — и тогда наконец расщепившийся разум осознал настоящее чудо. Вопреки научным теориям и фактам, вопреки здравому смыслу, жажда наркотика оставила меня внезапно и полностью, точно дурной сон! Сначала я просто не верил собственным ощущениям, рассудил, что все еще нахожусь в состоянии наркотического бреда. Но это была правда. С того момента, как я осушил бокал в таинственной комнате, я не испытывал ни малейшего желания получить вещество, которое сделалось для меня источником жизни.

Я догадался: тут кроется что-то сатанинское, определенно противоречащее всем законам природы. Если то жуткое создание, Сидящий-за-Ширмой, открыл средство против ужасной власти гашиша, какие еще чудовищные тайны ему известны и каково его невообразимое могущество? В мое сознание змеей вползло предположение, что тут кроется некое зло.

Я по-прежнему ночевал в доме Юн Шату на койке или на разложенных на полу подушках, ел и пил вволю и помаленьку становился нормальным человеком; окружающая обстановка уже вызывала отвращение, а бедняги, корчащиеся во сне, неприятным образом напоминали, кем недавно был ясам.

И вот однажды, когда никто за мной не наблюдал, я встал, вышел на улицу и прогулялся по набережной порта. В легкие проникал морской воздух, я ощущал его непривычную свежесть, хотя он и был наполнен дымом и нечистотами. Во мне поднималась волна энергии, и я вновь почувствовал былые силы. Меня опять интересовал портовый гул, а когда я увидел судно, разгружаемое возле пристани, эта картина прямо-таки потрясла меня. Вскоре я оказался среди сильных и грубых грузчиков, пытался поднимать и нести какие-то тяжести. Хотя пот так и струился по лицу, а руки и ноги дрожали, я бурно радовался тому, что наконец-то снова в состоянии работать и зарабатывать, как ни черна и презираема эта работа.

И тот вечер я вернулся к дверям заведения Юн Шату невероятно усталый, но крайне довольный собой – сильный мужчина, потрудившийся на совесть. На пороге меня встретил Хассим.

– Ты где шляешься? – спросил он неприветливо.

– В доках, – бросил я.

– Нечего тебе в доках вкалывать, – проворчал негр. – У Хозяина есть для тебя работа.

И опять я спустился по неосвещенным ступенькам в подземный коридор. На этот раз я был в трезвом уме и определил, что весь этот путь не длиннее тридцати – сорока футов. Снова я очутился перед лакированной ширмой и снова услышал нечеловеческий голос ожившего мертвеца.

– Я могу дать тебе работу, – произнес он. Я тотчас согласился. Пускай этот голос наводил на меня жуть, я был многим обязан его обладателю.

– Ладно. Возьми. Я вздрогнул, но тут прозвучал резкий приказ, а Хассим выступил вперед, протянул руку за ширму и взял то, что предлагали мне. Пачку фотографий и бумаг.

– Изучи как следует, – приказал Сидящий-за-Ширмой, – и узнай, что только сможешь, о человеке на фотографиях. Юн Шату даст тебе денег, купи одежду моряка. Можешь занять любую комнату в передней части Храма. Через два дня Хассим опять приведет тебя ко мне. Ступай!

Последнее, что я увидел перед тем, как потайная дверь хлопнула надо мной, это глаза идола, мигающие в вечном дыму. В них светилась насмешка.

Комнаты передней части Храма Грез сдавались внаем – для маскировки истинного предназначения этого здания, якобы портовой гостиницы-пансиона. Не однажды в заведение Юн Шату навевывалась полиция, но так и не нашла никаких веских улик против него.

Итак, я поселился в одной из комнат и приступил к изучению выданных мне материалов.

На всех снимках был изображен один и тот же дородный человек, телосложением и чертами лица похожий на меня. Но он носил густую бороду и был блондином, тогда как я темноволос. В бумагах я нашел его имя – майор Фэрлан Морли, уполномоченный по особо важным делам в Натале и Трансваале. Мне ничего не сказали ни должность, ни имя, и я задумался, какая может быть связь между уполномоченным по африканским странам и притоном наркоманов в порту на берегу Темзы.

Документы содержали обширные сведения, очевидно, взятые из достоверных

источников. Все они имели отношение к деятельности майора Морли, а в других бумагах подробно освещалась личная жизнь этого джентльмена.

Многое из исчерпывающего описания внешности и привычек этого человека показалось мне весьма малозначительным. Я никак не мог понять, в чем же цель Сидящего-за-Ширмой и каким образом он завладел документами столь интимного свойства.

Нет, я не мог найти ответа на этот вопрос, но вознамерился отдать все силы выполнению задания. Я понимал, что в большом долгу и должен быть благодарен человеку, который требовал этого от меня. Конечно, я расплачусь с ним, если смогу.

В это время еще ничто не предвещало мне западни.

Глава 4. Человек на кушетке

*И прислал тебя сюда на рассвете
Со Смертью шутить?*

Киплинг

Через два дня, когда я сидел в комнате для курения опиума, меня поманил Хассим. Я приблизился к нему упругой походкой, уверенный, что вполне разобрался в бумагах Морли. Я стал другим человеком, быстрота мышления и готовность к действию удивляли меня самого, а иной раз казались неестественными. Хассим бросил на меня тяжелый взгляд исподлобья и, как всегда, дал знак следовать за ним. Мы вошли в комнату, он затворил дверь и потянулся к столу, но тот сдвинулся сам по себе, и чей-то силуэт загородил весь люк. Оттуда выбрался Ганра Сингх и направился к двери, ведущей в комнату для курения опиума. На пороге он остановился и подождал, пока мы спустимся, и опустил крышку люка.

И снова я очутился среди колеблющегося дыма, и снова внимал нечеловеческому голосу.

– Считаешь ли ты, что знаешь о майоре Морли достаточно и сможешь ли успешно сыграть его роль?

Вздвогнув от неожиданности, я ответил:

– Конечно, если не встречу кого-нибудь из его близких знакомых.

– Об этом позабочусь я. Слушай меня внимательно. Завтра ты сядешь на первый же пароход, идущий в Кале. Там будет ждать мой агент, он представится, как только ты сойдешь на пристань, и даст дальнейшие инструкции. Поедешь вторым классом и будешь избегать разговоров с незнакомцами. Документы возьмешь с собой. Агент поможет тебе загримироваться, и в Кале начнется твоя жизнь под чужим именем. Все. Ступай.

Я отправился назад, мое удивление возрастало. Очевидно, все это имело какой-то смысл, но мне казалось совершеннейшим вздором. Когда мы снова очутились в помещении для курения опиума, Хассим велел мне сесть на подушки и ждать его возвращения. Я попытался его расспросить, но он выругался и объявил, что идет в город, как приказано, купить билет на пароход. Он ушел, а я присел и оперся на стену. И задумался. Вдруг мне показалось, будто на меня устремлен пристальный взор. Я по спешно поднял голову, но никто вроде бы на меня не смотрел. В душной комнате курился дым, как всегда, Юсеф Али с китайцем бесшумно скользили взад и вперед, обслуживали дремлющих клиентов.

Внезапно отворилась дверь, и из соседнего помещения вывалился громадный человек. В заднюю комнату Юн Шату были вхожи не только аристократы. Этот субъект представлял

собой как раз одно из исключений. Я частенько замечал, как он входил и исчезал за той дверью: высокий, поджарый, одетый в немыслимое рванье, лицо полностью закутано. Это хорошо, что он прячет лицо, подумал я, тряпки наверняка скрывают ужасное зрелище. Без сомнения, это был прокаженный, ухитрившийся скрыться от стражей общественного порядка; время от времени его видели в населенных отбросами общества кварталах Ист-Энда; он был загадкой даже для самых презренных нищих, ютящихся в Лаймхаузе.

Внезапно благодаря своей сверхчувствительности я уловил молниеносное движение где-то рядом. Прокаженный затворил за собой дверь. Взор мой инстинктивно перебрался к кушетке, где лежал мужчина, который еще раньше вызвал у меня подозрения. Я готов был поклясться, что его холодные глаза цвета стали угрожающе сверкнули, прежде чем зажмуриться. Одним прыжком я подскочил к кушетке и наклонился над распростертым на ней человеком. Что-то в его лице показалось мне неестественным – под нарочитой бледностью скрывался оттенок здорового загара.

– Юн Шату! – закричал я. – В доме шпион!

И тут события развернулись с ошеломляющей быстротой. Мужчина одним тигриным движением вскочил с кушетки и выпрямился, и в руке у него блеснул пистолет. Я готов был схватиться с ним, но мускулистая рука отшвырнула меня в сторону, и резкий, решительный голос перекрыл обычный для этой комнаты гул:

– Эй, ты! Стой! Стой!

Пистолет в руке незнакомца повернулся к прокаженному, который прыжками устремился к выходу!

Все тотчас пришло в движение: Юн Шату пронзительно затараторил по-китайски, а четверо юных китайцев вместе с Юсефом Али бестолково засновали вокруг, в руках у них сверкнули ножи.

Все это я видел с противоестественной четкостью, даже когда разглядывал лицо незнакомца. Я заметил что прокаженный, убегая, нисколько не хромал, а глаза незнакомца сузились до размера булавочных головок, палец застыл на спусковом крючке, выражение лица выдавало цель – убить. Прокаженный уже почти достиг входной двери, но смерть неизбежно остановила бы его.

И тут я бросился вперед, и мой правый кулак врезался в подбородок незнакомца. Убийца рухнул, будто угодил под паровой молот, пистолет разрядился в воздух.

И в тот же миг, в ослепительной вспышке прозрения, какая иной раз осеняет каждого, я понял, что прокаженный – не кто иной, как Сидящий-за-Ширмой!

Я склонился над упавшим. Хоть он и не потерял сознания, но был в ту минуту беспомощен, как новорожденный. Снова и снова он пытался встать, но я опять мощным ударом опрокинул его на пол, схватил за фальшивую бороду и оторвал ее. И увидел сухошавое бронзовокожее лицо с волевыми чертами, которых не мог изменить даже слой грязи и грима.

Над ним склонился Юсеф Али, не выпуская из рук кинжала; в щелочках глаз я прочитал смертный приговор неудавшемуся убийце. Темнокожая мускулистая рука поднялась, но я поймал ее за запястье.

– Не спеши, черт черномазый! Ты что затеял?

– Это же Джон Гордон! – прошипел он. – Самый главный враг Хозяина! Он должен умереть! Пусти, будь ты проклят!

Джон Гордон! Почему-то это имя было мне знакомо, однако я не прослеживал связи с

лондонской полицией. Должно быть, не по указке фараонов он появился в притоне Юн Шату. Как бы то ни было, в одном я был твердо уверен.

– Нет, ты его не убьешь! Ни за что! Вставай! – Последнее слово я адресовал Гордону, который с моей помощью не без труда поднялся на ноги. Очевидно, у него кружилась голова.

– Таким ударом быка можно свалить! – удивился я. – Даже не подозревал, что во мне столько силы.

Лжепрокаженный уже исчез. Юн Шату неподвижно, словно идол, глядел на меня, пряча руки в широких рукавах, а Юсеф Али отступил, злобно бормоча и вода большим пальцем по острию кинжала. Я вывел Гордона из комнаты для курения опиума и повлек дальше, через бар вполне невинного вида, который располагался между этим помещением и выходом на улицу.

Когда мы вышли из здания, я сказал:

– Понятия не имею, кто вы такой и что тут делаете, но вы сами видите, что вам тут не рады. Послушайтесь доброго совета, держитесь подальше отсюда.

Единственным ответом был изучающий взгляд, а затем он круто повернулся и не совсем уверенной походкой двинулся прочь.

Глава 5. Девушка из грез

*Ночь, верша свои дела,
эти дебри повернула
Из туманной Фулы.*

Эдгар По

В коридоре раздались легкие шаги. Дверная ручка осторожно и медленно повернулась, дверь моей комнаты отворилась. Затаив дыхание, я вскочил и выпрямился. Алые полураскрытые губы, глаза, точно невиданные темные моря, каскад блестящих волос – в грязном дверном проеме, точно картина в раме, девушка моих грез! Она вошла, грациозно повернулась и затворила за собой дверь. Я шагнул вперед, мои руки потянулись ей навстречу, но замерли, потому что она прижала палец к губам.

– Нельзя говорить громко, – шепнула она. – Он не запрещал мне приходить, но...

У нее был мягкий и мелодичный голос с легким иностранным акцентом, который я нашел восхитительным. Что касается самой девушки, каждая ее интонация, каждое движение говорило о благоухающем Востоке. Она была его воплощением. Черные, как ночь, волосы ниспадали до самых ног, обутых в домашние туфельки на высоком каблуке, с заостренными носами; она являла собой высший идеал азиатской красоты, и впечатление это скорее усиливалось оттого, что она носило английские юбку и блузку.

– Как вы прекрасны! – произнес я ошеломленно. – Кто вы?

– Зулейка. – Она застенчиво улыбнулась. – Я... я рада, что понравилась вам. И что вы больше не в рабстве у гашиша.

Странно – такое крошечное существо, а заставляет мое сердце неистово подпрыгивать!

– Зулейка, всем этим я обязан вам, – произнес я сипло – Если бы я не мечтал о вас каждую минуту с тех пор, как вы подняли меня из канавы, не хватило бы сил избавиться от моего проклятия.

Она мило покраснела, ее пальцы нервно переплелись.

– Завтра вы покидаете Англию? – неожиданно спросила она.

– Да. Хассим еще не вернулся с моим билетом... – Я впервые заколебался, вспомнив приказание молчать.

– Да, я знаю, знаю! – поспешно прошептала Зулейка, и ее зрачки расширились. – А Джон Гордон был здесь! И он вас видел!

– Да!

Изящным движением она приблизилась ко мне.

– Вы должны изображать одного человека! Послушайте, когда вы это будете проделывать, нельзя допустить, чтобы вас увидел Гордон! Он вас узнает, даже загримированного! Он ужасный человек.

– Не понимаю. – Я был совершенно сбит с толку. – Каким образом Хозяин помог мне преодолеть привычку к гашишу? Кто такой этот Гордон и зачем он сюда приходил? Почему Хозяин прикидывается прокаженным? Кто он на самом деле? И больше всего меня интересует, зачем я должен изображать человека, которого никогда не видел и даже никогда не слышал о нем?

– Я не могу... Не смею вам сказать! – прошептала она, бледнея. – Я...

Где-то в доме слабо ударили в китайский гонг. Девушка вздрогнула, точно напуганная газель.

– Я должна идти! Он меня вызывает! Она распахнула дверь, рванулась было туда, но задержалась на мгновение, чтобы, как электрическим током, пронзить меня страстным восклицанием:

– О, будьте осторожны! Будьте благоразумны, сагиб!

И исчезла.

Глава 6. Сидящий-за-Ширмой

Что за горн пред ним пылал?

Что за млат тебя ковал?

Кто впервые сжал клещами

Гневный мозг, метавший пламя?

Блейк.

Несколько минут после того, как исчезла моя прекрасная таинственная посетительница, я сидел, погружившись в раздумья. Я понимал, что наконец-то наткнулся на разгадку, по крайней мере частичную. Я пришел к следующему заключению: Юн Шату, якобы хозяин притона, на самом деле просто агент или прислужник какой-то организации или частного лица, чья работа заключается отнюдь не только в снабжении наркотиками посетителей Храма Грез.

Этот человек или эти люди нуждаются в помощниках среди всех классов общества, иными словами, я связался с торговцами наркотиками, с бандой гигантского масштаба. Гордон, стало быть, расследует это дело, само по себе его присутствие показывало, что оно вовсе не ординарное. Ведь, как я понял, он занимает высокое положение в английском

правительстве, хоть и неизвестно, какое именно.

Опиум – это, конечно, скверно, но я должен выполнить свои обязательства перед Хозяином. Я ступил на скользкую дорожку, и мои представления о морали размылись, и мысль о том, что я принимаю участие в гнусном преступлении, даже не приходила в голову. Я и в самом деле ожесточился. Более того, сам долг благодарности тысячекратно увеличивали воспоминания о девушке. Я обязан Хозяину тем, что способен стоять на ногах и смотреть в ее ясные глаза, как подобает мужчине. Так что, если он нуждается в услугах торговца контрабандными наркотиками, он их получит. Как пить дать, мне поручено изображать высокопоставленного правительственного чиновника, из тех, кого не принято обыскивать на таможне. Наверное, моя задача – привезти в Англию редкий источник грез.

К тому времени, когда я выходил из своей комнаты, эти мысли уже оставили меня, но в голове зароились другие более увлекательные предположения: что держит эту девушку здесь, в притоне зла? Кто она, эта роза на мусорной свалке?

Я спустился в бар, и тут явился Хассим, его брови сошлись в грозной гримасе, и мне показалось, что на физиономии написан страх. В руке он держал сложенную газету.

– Я тебе велел ждать там, где курят опиум, – рявкнул он.

– Тебя так долго не было, что я вернулся к себе в комнату. Билет принес?

В ответ он только выругался и отпихнул меня с дороги. Стоя в дверях комнаты для курения опиума, я увидел, как он прошел в ее заднюю часть. Я все не двигался, мое удивление возрастало. Потому что, когда Хассим протискивался мимо меня, я успел заметить на первой странице газеты заголовок, на который он положил черный палец, желая, видимо, отметить эту колонку особо важных новостей.

И с чрезвычайным проворством действия и осознания, которое было присуще мне в те дни, в это краткое мгновение я успел прочитать:

Уполномоченный по особо важным делам черной Африки найден мертвым! Вчера в трюме полусгнившего парохода в Бордо было обнаружено тело майора Фэрлана Морли...

Больше я не успел прочесть ничего, но хватило этой единственной новости, чтобы задуматься! Дело приобретало нехороший оборот. И все же...

Прошел еще день. В ответ на мои расспросы Хассим проворчал, что планы изменились и мне не придется ехать во Францию. А поздно вечером он явился и велел снова сопровождать его в таинственную комнату.

Я стоял перед лакированной ширмой, от желтого дыма щипало в ноздрях, на коврах извивались изображения драконов, а густые пальмы на заднем плане приобрели угрожающий вид.

– Наши планы изменились, – сообщил голос из-за ширмы. – Ты не поедешь во Францию, как было договорено. Но для тебя есть другая работа. Возможно, она тебе больше подойдет, и ты сможешь принести нам пользу, а то я, признаться, несколько разочаровался в тебе. Ты плохо соображаешь. Позавчера ты вмешался не в свое дело, и если это повторится, я буду очень недоволен.

Я ничего не ответил, но во мне зашевелилось негодование.

– Даже после того как один из моих самых верных слуг пытался тебя предостеречь, – в невыразительном голосе не прозвучало никаких эмоций, разве что он чуточку поднялся, – даже после этого ты настоял на освобождении моего самого заклятого врага. В будущем тебе надо быть предусмотрительнее.

– Я спас вам жизнь! – зло напомнил я.

– И единственно по этой причине я не замечаю твоей оплошности. В этот раз.

Во мне медленно поднялась волна ярости:

– Ах, в этот раз! Так используйте же эту встречу получше, потому что, уверяю вас, второго раза не будет. Конечно, я у вас в громадном долгу и вряд ли могу надеяться на расплату, но это еще не делает меня вашим рабом. Я спас вам жизнь, долг почти оплачен, так что давайте поступим по-мужски. Ступайте своим путем, а я пойду своим.

Мне ответил жуткий тихий смех, похожий на змеиное шипение.

– Дурак! Ты не расплатишься со мной до конца жизни! Говоришь, ты мне не раб? А я говорю – раб, такой же раб, как черный Хассим, вон он, стоит у тебя за спиной, такой же раб, как моя Зулейка – девица, которая околдовала тебя своей красотой!

От этих слов горячая волна крови ударила мне в голову, слепая ярость на секунду затмила сознание. Все мои мысли и чувства на протяжении этих дней казались обостренными, и теперь ярость превосходила самый сильный гнев, какой я когда-либо испытывал.

– Гнусная чертовщина! – завопил я. – Дьявол, кто ты такой и чем меня держишь? Я должен тебя увидеть – или умереть!

Хассим бросился на меня, но я его отшвырнул, одним прыжком достиг ширмы и опрокинул ее ударом неистовой силы. И тут же с криком отступил, руки мои повисли плетями. Передо мной стояло высокое тощее существо, нелепо выраженное в шелковое, достающее до пола одеяние с парчовой отделкой.

Из рукавов этого наряда торчали руки, при виде которых я испытал липкий ползучий страх, наполнивший все мое существо, – длинные хищные руки с тонкими костлявыми пальцами и кривыми когтями; кожа напоминала желто-бурый пергамент, будто она принадлежала давно умершему.

Боже, а лицо! На голом черепе не осталось, кажется, и следа живой плоти, только желто-бурая кожа туго обтягивала его, и на ней как бы отпечатались каждая деталь жуткой головы мертвеца. Лоб был высоким и даже аристократическим, но расстояние между висками – до странного узким, а под выступающими карнизом бровями поблескивали громадные глаза, похожие на озера желтого огня. Нос был очень узкий, с высокой переносицей, а рот – бесцветная дыра между тонкими жесткими губами. Длинная костлявая шея поддерживала всю эту уродливую конструкцию и завершала сходство с демоном-рептилией из средневекового ада.

Я лицом к лицу оказался с человеком из моего сна!

Глава 7. Черная мудрость

Под впечатлением ужасного зрелища я отбросил всякую мысль о бунте. Кровь застыла в жилах, я стоял, не в силах пошевелиться. Я слышал у себя за спиной зловещий хохот Хассима. Глаза в мертвой голове бросали дьявольские отблески в мою сторону, а я бледнел под натиском сосредоточенной в них сатанинской ярости.

Затем это кошмарное существо расхохоталось.

– Мистер Костиген, я вам оказываю громадную честь: даже среди моих собственных слуг очень немногие видели мое лицо и не отправились на тот свет.

Я считаю, что живой вы принесете мне больше пользы, чем мертвый.

Совершенно обессиленный, я молчал. Трудно было поверить, что передо мной живое существо.

Сидящий-за-Ширмой напоминал мумию. И все-таки губы его шевелились, когда он говорил, а в глазах светился чудовищный разум.

– Выполнишь мой приказ. – В голосе прозвучали властные нотки. – Ты, конечно, знаешь сэра Холдред Френтона или хотя бы слышал о нем?

– Да.

В Европе и Америке каждый культурный человек знаком с книгами о путешествиях сэра Холдред Френтона, писателя и воина.

– Сегодня ночью отправишься в поместье сэра Холдред...

– И?

– И убьешь его!

Подо мной подкосились ноги – в самом буквальном смысле. Невероятный, несообразный приказ! Да, я опустился очень низко, до контрабандной торговли опиумом, но добровольно убить человека, которого никогда не видел, человека, известного добрыми делами!

Это слишком чудовищно, даже в голове не укладывается.

– Ты не отказываешься? – Насмешливый тон был отвратителен, точно змеиное шипение.

– Отказываюсь?! – воскликнул я, обретая наконец дар речи. – Отказываюсь?! Ах ты, воплощенный дьявол! Конечно же, я отказываюсь. А ты...

Его холодная уверенность заставила меня осечься, кровь застыла у меня в жилах, а вокруг нависло многозначительное молчание.

– Ну и дурак же ты! – проговорил он спокойно. – Знаешь, как я разорвал цепь, приковавшую тебя к гашишу? Ровно через четыре минуты ты это поймешь и проклянешь тот день, когда родился! Неужели тебя не удивляет твоя сообразительность, физическая подвижность и гибкость тела? А ведь человек, столько лет злоупотреблявший наркотиком, должен быть медлительным и вялым. Помнишь, как ты свалил с ног Джона Гордона? Ты что же, совсем не удивился силе своего удара? А легкость, с которой ты запомнил сведения о майоре Морли, – неужели она тебя не поразила? Дурак этакий, ты же связан со мной сталью, кровью и огнем! Я сохранил тебе жизнь, я исцелил тебя – это только моя заслуга. Вместе с вином тебе ежедневно давали жизненный эликсир. Без него ты не выжил бы и не сохранил разум. А рецепт эликсира знаю я, один я на всем белом свете!

Он глянул на часы необычной формы, стоявшие на столе у его локтя.

– На этот раз я велел Юн Шату не давать тебе эликсира, я предвидел твой бунт. Час приближается... ага, он бьет!

Он еще что-то говорил, но я не слышал. Я ничего не видел, ничего не чувствовал в

обычном смысле этих слов. Я корчился у его ног, вскрикивая и нечленораздельно лопоча; меня сжигало адское пламя, какое не снилось ни одному человеку.

Теперь-то я понял! Просто он давал мне наркотик, настолько сильный, что в нем тонула моя потребность в гашише. Теперь-то я мог объяснить мои сверхъестественные способности: я находился под воздействием стимулятора, в котором соединились все силы ада. Это нечто вроде героина, но жертва не замечает его воздействия. Что это за снадобье, я не имел никакого понятия, да и сомневался, известно ли оно кому-нибудь, кроме этого адского создания, которое наблюдало за мной с угрюмой радостью. Но это вещество действует на мозг, вызывая во всех органах нужду в нем. И вот ужасная жажда наркотика разрывает на части мою душу!

Никогда, ни в самые страшные моменты после контузии, ни во время зависимости от гашиша, не испытывал я подобного. Я весь горел, меня сжигали тысячи адских костров, и одновременно я испытывал холодное прикосновение льда – нет, это было холоднее любого льда! В сто раз холоднее. Я проваливался в бездны нечеловеческих страданий и поднимался на высочайшие утесы мук; миллионы воющих дьяволов с криками окружали меня и наносили удары. Косточка за косточкой, вена за веной, клетка за клеткой, мое тело как будто распадалось и витало среди кровавых атомов где-то за пределами атмосферы – и каждая отдельная клетка была единой цельной системой мятущихся, кричащих нервов. И они собирались в далеких пустотах и вновь соединялись, чтобы претерпеть еще худшие пытки.

В багровом тумане я слышал собственный голос; я кричал, повторяя единственную монотонную ноту. А затем мои выпученные от боли глаза увидели золотой бокал, я схватил его жадной, неуклюжей, точно клешня, рукой, и он всплыл в пределы моего зрения – бокал, наполненный янтарной жидкостью.

Со звериным криком я вцепился в него обеими руками, смутно сознавая, что металлическая ножка гнется под нажимом моим пальцев, и поднес к губам. Я осушил его в несколько стремительных глотков, залив себе всю грудь.

И ВОТ ОН, Сидящий-за-Ширмой, с брезгливой и высокомерной ухмылкой смотрел на меня, а я, совершенно обессиленный, лоя ртом воздух, опустился на кушетку. Он взял кубок и внимательно рассмотрел изуродованную моими пальцами золотую ножку.

– Сверхчеловеческая сила, – заключил он совершенно бесстрастно. – Сомневаюсь, что сам Хассим на такое способен. Значит, теперь ты готов выполнить мое поручение?

Будучи не в состоянии сказать ни слова, я кивнул.

Дьявольская энергия эликсира уже струилась по моим венам, возвращая ушедшую было из меня силу.

Интересно, подумал я, долго ли живет человек, которого, как меня, постоянно подогревают и искусственно перестраивают?

– Тебе дадут маскировочный костюм, и ты отправишься в поместье Френтона один. Никто не подозревает злого умысла против сэра Холдредра, и тебе будет относительно легко проникнуть в его дом. Костюм совершенно уникальный, ты его не надевай, пока не окажешься у самого имения. Затем проберешься в комнату сэра Холдредра и убьешь его. Сломаешь ему шею голыми руками, что крайне существенно...

Сидящий-за-Ширмой нудно бубнил, небрежно, как само собою разумеющееся, отдавая жуткие приказания. У меня на лбу выступил холодный пот.

– После этого уйдешь из поместья, но позаботься оставить побольше отпечатков пальцев.

Поблизости, в безопасном месте, тебя будет ждать автомобиль. Вернувшись сюда, ты первым делом снимешь костюм. Если вдруг возникнут осложнения, у меня найдутся люди, которые поклянутся, что ты всю ночь провел в Храме Грез и ни разу не покидал его. Но смотри, чтобы тебя не заметили. Ступай же, будь осторожен и сделай дело, а иначе, тебе известно, что будет!

Я не вернулся в зал для курения опиума, вместо этого меня повели извилистыми коридорами, увешанными тяжелыми коврами, в комнатку, где стояла только восточная кушетка. Хассим дал мне понять, что я должен оставаться там до позднего вечера, и ушел. Дверь он затворил, но я не пытался проверить, заперта ли она. Сидящий-за-Ширмой сковал меня куда более прочными кандалами, чем какие-то замки или засовы.

Сидя на кушетке в этой причудливой комнатке, которая оказалась бы уместной в женской половине индийского дома, я обдумывал факты, как они мне представлялись, и мысленно разыгрывал сражение. Во мне еще осталось кое-что от мужчины – больше, чем догадывался этот дьявол; а к ним добавлялись безысходное отчаяние и безнадежность. Я упорно искал выход из поистине тупиковой ситуации.

Внезапно дверь тихо отворилась. Интуиция подсказала мне, кого следует ожидать, и я не разочаровался. Передо мной блистательным видением стояла Зулейка, и это видение дразнило меня, усугубляя отчаяние, и вместе с тем вызывало беспричинную радость.

Она принесла поднос с ужином. Поставила его рядом со мной, потом села на кушетку, и громадные глаза посмотрели мне прямо в лицо. Она казалась цветком в змеином логове, и ее прекрасный взгляд проникал в самую глубину моего сердца.

– Стивен!

Я весь затрепетал, ведь она впервые произнесла мое имя.

В глазах внезапно блеснули слезы, она положила маленькую ладонь на мою. Я схватил эту руку грубыми пальцами.

– Ты получил задание, которого боишься, оно ненавистно тебе? – неуверенно прошептала она.

– Да. – Я чуть не засмеялся в ответ. – Но я их все-таки надую! Зулейка, скажи, что все это значит?

Она испуганно огляделась.

– Всего я не знаю, – робко произнесла девушка. – Ты попал в эту беду исключительно по моей вине, но я... я надеялась, Стивен, я много месяцев наблюдала за тобой, всякий раз, когда ты приходил к Юн Шату. Ты меня не замечал, но я-то тебя сразу заметила, и я видела в тебе... нет, не сломленного, отупевшего наркомана, хоть ты и носил грязные лохмотья; нет, я угадала в тебе израненную душу. И я тебя жалела от всего сердца. А потом, в тот день, когда Хассим с тобой так скверно обошелся...

Опять потекли слезы.

– Я не могла этого вынести, я понимала, как ты страдаешь без гашиша. Вот и заплатила Юн Шату, а после пошла к Хозяину. Я... я... О, ты имеешь право меня ненавидеть! – всхлипнула она.

– Нет, нет, никогда!

– Я внушила ему, что ты можешь пригодиться, и умолила распорядиться, чтоб Юн Шату давал тебе гашиш. Хозяин уже и сам заметил тебя, ведь он на все смотрит, как собственник, весь мир для него – только невольничий рынок. Вот он и приказал Юн Шату оделять тебя наркотиком, а теперь... ах, уж лучше бы ты оставался там, где был раньше, друг мой!

– Нет! Нет! – воскликнул я. – Зато я испытал исцеление, пусть оно и было поддельным. Я стал для тебя мужчиной, а это стоит всего остального!

Должно быть, в моем взгляде отразилось все, что я чувствовал к ней, потому что она опустила глаза и покраснела. Не спрашивайте меня, как приходит к человеку любовь, но я полюбил эту таинственную восточную девушку в ту минуту, когда впервые ее увидел. Интуиция подсказывала, что она отвечает на мои чувства. Когда я это осознал, избранный мною путь сделался еще более мрачным и губительным; но поскольку истинная любовь призвана сделать мужчину сильнее, я решил окончательно.

– Зулейка, – проговорил я, – время летит, а мне еще нужно кое-что узнать. Скажи, кто ты такая и почему живешь в этом ужасном логове?

– Мне известно только, что я Зулейка. По крови и рождению – черкешенка, совсем маленькой меня захватили в плен турки во время набега и поместили в гарем в Стамбуле. Я была еще слишком молода для замужества, и вскоре мой хозяин подарил меня ему.

– Кто же он, этот человек с голым черепом?

– Катулос из Египта, это все, что мне известно, мой господин.

– Египтянин? Тогда что же он делает в Лондоне и зачем все эти тайны?

Нервным движением она сплела пальцы.

– Стивен, пожалуйста, говори тише: всегда и всюду кто-нибудь подслушивает. Не знаю я, кто такой Хозяин, зачем он здесь и для чего все это проделывает. Клянусь Аллахом! Знала бы – обязательно сказала бы тебе. Иногда сюда приходят знатные на вид люди, в комнату, где их принимает Хозяин – это не та комната, где ты виделся с ним, – и я обязана танцевать перед гостями, а потом слегка с ними флиртовать. А потом – повторять ему, что они говорили мне. Не важно, по-турецки ли они говорят, по-египетски, или на языке варварских стран, или по-французски, или по-английски. Хозяин выучил меня французскому и английскому, и еще много чему. Он величайший чародей мира, он владеет всей древней магией и вообще всем не свете.

– Зулейка, – обратился я к ней, – скоро моя песенка будет спета, но разреши тебя отсюда вытащить. Пойдем со мной, и я клянусь, ты освободишься от этого дьявола! Я вызволю тебя отсюда!

Она содрогнулась и закрыла лицо руками.

– Нет, нет, не могу!

– Зулейка, – произнес я нежно, – чем он тебя удерживает, дитя? Тоже наркотиком?

– Нет, нет! – всхлипнула она. – Не знаю... не знаю... Но я не могу... Я никогда не смогу от него освободиться!

В полном недоумении я просидел еще несколько секунд, потом решил спросить:

– Зулейка, а где мы сейчас находимся?

– Это здание – пустой склад на задворках Храма Грез.

– Я так и думал. А что хранится в сундуках в туннеле?

– Не знаю.

Неожиданно она тихонько заплакала.

– Ты тоже раб, как и я... Ты, такой сильный и добрый... О, Стивен, я этого не вынесу! – Я улыбнулся.

– Слушай внимательно, Зулейка. Я тебе расскажу, как намерен одурачить Катулоса. – Она опасливо оглянулась на дверь.

– Только говори тихо. Я буду лежать в твоих объятиях, ты меня ласкай и шепчи.

Она скользнула ко мне, и тут, на кушетке в форме дракона, я впервые познал сладость стройного тела Зулейки, прикорнувшей у меня в руках, мягкость щеки Зулейки, прижатой к моей груди. Ее благоухание щекотало мне ноздри. Ее волосы, глаза – все помчалось в неистовом вихре; и тогда, спрятав губы в шелковистых волосах, я скороговоркой зашептал:

– Первым делом я предупрежу сэра Холдред Френтона, а потом найду Джона Гордона и расскажу ему правду об этом притоне. Я приведу сюда полицию, а ты внимательно следи за происходящим и прячься от Катулоса, пока мы не вернемся и не убьем его, а может, скрутим. И тогда ты получишь свободу.

– Но как же ты? – выдохнула она. – Тебе ведь нужен эликсир, и только он...

– У меня есть способ одолеть Катулоса, малышка, – ответил я.

Она побледнела, страх за меня и женская интуиция помогли ей прийти к правильному выводу.

– Ты погубишь себя!

Как ни тяжело было следить за ее чувствами, я все же ощутил мучительную радость. Эта девушка переживала за меня, сострадала мне! Ее руки сомкнулись вокруг моей шеи.

– Не надо, Стивен! – взмолилась она. – Ведь лучше жить, даже...

– Нет, только не такой ценой. Лучше выйти из игры чистым, пока во мне еще осталось мужество.

Зулейка на мгновение задержала на моем лице полный страсти взгляд, затем неожиданно прижала свои губы к моим, а потом вскочила и бросилась вон.

До чего же неисповедимы бывают пути любви! Жизнь столкнула нас друг с другом, точно два корабля, севшие на мель возле берегов.

Хотя ни слова любви не сорвалось с наших уст, каждый из нас познал сердце другого, несмотря на грязь и лохмотья, несмотря на обличье рабов, и с самого начала мы любили друг друга с теми естественностью и чистотой, какие даны людям еще в Начале Времен.

Я словно заново родился – и тут же встал на порог смерти. Ведь я проклят, и, как только выполню свою задачу, снова испытаю нечеловеческие муки. А любовь, жизнь, красота и страдание – все унесет пуля, которая неизбежно разорвет на куски мой гниющий мозг. Лучше умереть незапятнанным, чем...

Снова отворилась дверь, вошел Юсеф Али.

– Пора идти, – коротко напомнил он. – Вставай и следуй за мной.

Я, разумеется, не имел ни малейшего представления о времени. В комнате, где я находился, не было ни одного окна – я не сумел найти даже крошечного отверстия, позволявшего выглянуть наружу. С потолка свисали люстры со свечами – единственный источник света. Когда я поднялся, юный стройный мавр искоса окинул меня злобным взглядом.

– Это только между мною и тобой, – прошипел он. – Мы слуги одного господина, но то, что я скажу, касается только нас двоих. Держись подальше от Зулейки! Хозяин обещал ее мне, когда настанут Дни Империи.

Я сощурил глаза и посмотрел в красивое мрачное лицо этого уроженца Востока, и такая ненависть поднялась во мне – не передать словами. У меня непроизвольно разжались и сжались пальцы, и мавр, заметив это движение, отступил, сунул руку за кушак.

– Не сейчас... сначала мы должны выполнить свою работу... Может быть, позже, – вымолвил он и тут же добавил с ледяной ненавистью: – Свинья! Ты не человек, ты обезьяна! Как только станешь не нужен Хозяину, получишь кинжал прямо в сердце!

Я расхохотался.

– Так поспеши, змея пустыни, иначе я сломаю тебе хребет голыми руками!

Глава 8. Темный дом

Я шел за Юсефом Али по извилистым коридорам, вниз по ступенькам, – в комнате с идолом Катулоса не оказалось, и по туннелю; потом через комнаты Храма Грез, и очутился на улице, где в легкой туманной дымке тускло мерцали уличные фонари. На середине улицы стоял автомобиль с занавесками на окнах.

– Это для тебя, – объяснил подошедший к нам Хассим. – Поезжай не спеша, будто просто катаешься. И не вздумай шутки шутить! За домом могут наблюдать. Шофер знает, что делать.

Тут они с Юсефом Али ушли в бар, а я успел сделать один шаг к краю тротуара, и тут услышал голос, заставивший мое сердце подскочить.

– Стивен!

Белая рука манила меня в сумрак дверного проема.

– Зулейка!

Она схватила меня за руку, что-то скользнуло в мою ладонь, я с трудом разглядел небольшую золотую фляжку.

– Спрячь, живей! – нетерпеливо зашептала Зулейка. – После не возвращайся, убеги и спрячься! Фляжка полна эликсира, а я попробую достать еще. Ты должен придумать, как связаться со мной.

– Где же ты его взяла? – Я был потрясен.

– У Хозяина украла! А теперь мне надо идти, пока он меня не хватился.

Она исчезла за дверью. Я стоял в нерешительности. Конечно, идя на воровство, она рисковала жизнью, и меня разрывал на части страх при мысли о том, что способен сделать с ней Катулос, если узнает о ее преступлении. Но если я сейчас вернусь в таинственный дом, это неизбежно вызовет подозрения. Вероятно, я успею выполнить свой план и вернуться сюда до того, как Сидящий-за-Ширмой узнает о предательстве служанки.

Рассудив таким образом, я пошел по мостовой к ожидающей машине. Шофером был негр, я никогда прежде не видел этого тощего мужчину среднего роста. Я пригляделся к нему – похоже, он ничего не заметил и не заподозрил. Если даже и разглядел, как я шагнул назад, в тень, все равно не мог узнать девушку и понять, что происходит.

Шофер только кивнул, когда я взгромоздился на заднее сиденье, и мгновение спустя мы неслись по безлюдным туманным улицам. У меня за спиной оказался узел, я понял, что это и есть упомянутый египтянином «маскировочный костюм».

Невозможно описать ощущения, испытанные мною, когда я мчался сквозь ту дождливую, туманную ночь. Казалось, будто я уже умер, и пустые мрачные улицы обернулись дорогами смерти, по которым моему призраку суждено скитаться веки вечные. В моем сердце соседствовали мучительная радость и безысходное отчаяние приговоренного. Нет, сама смерть не казалась мне отталкивающей, ведь жертва наркотика много раз умирает, – но тяжело уходить именно тогда, когда в твою погубленную жизнь вошла любовь. И ведь я еще молод!

У меня на губах мелькнула саркастическая усмешка: ведь те, кто умер рядом со мной на ничейной земле, тоже были молоды. Я закатал рукав и сжал кулак, напряг бицепс. Ни унции жира, большинство мышц давным-давно исчезло, но крупные бицепсы все еще грозно выступали выпуклыми железными шарами. Сам-то я знал, что моя сила лишь показная, а на самом деле я только изношенная внешняя оболочка человека. Не гори во мне искусственное

пламя эликсира, меня бы могла свалить с ног хрупкая девчонка.

Машина остановилась под деревьями. Мы находились в окрестностях поместья, полночь давно миновала. На фоне далеких огней ночного Лондона выделялся темный силуэт большого дома.

– Я подожду здесь, – сказал негр. – Ни с дороги, ни из дома машину не видно.

Я зажег спичку, держа ее так, чтобы свет невозможно было заметить за пределами машины, и развернул «маскировочный костюм». С большим трудом я удержался от хохота. Неповрежденная шкура гориллы! Зажав узел под мышкой, я поплелся к стене, окружающей имение во французском стиле. Всего несколько шагов – и деревья, где спрятался негр с машиной, превратились в темное пятно. Вряд ли шофер мог меня видеть, но на всякий случай я двинулся не к высоким железным воротам, а к глухому участку.

Ни в одном окне не горел свет. Я знал, что сэр Холдред холостяк, и был убежден, что все слуги давным-давно легли спать. Я легко перелез через стену и крадучись прошел по темной лужайке к черному ходу, все еще неся отвратительный «маскировочный костюм» под мышкой. Как я и ожидал, дверь оказалась заперта, а я не хотел никого будить раньше времени. Обеими руками я ухватился за круглую дверную ручку и налег на нее с нечеловеческой силой. Ручка повернулась, щелкнул замок – скорее это напоминало пушечный выстрел. Еще секунда – и я внутри. Разумеется, я не забыл затворить за собой дверь.

В темноте я успел сделать только шаг в предполагаемом направлении лестницы и сразу остановился, потому что мне на лицо упал луч света. Рядом с фонарем блеснуло дуло пистолета. В тени качнулось узкое лицо.

– Ни с места! Руки вверх! – Я поднял руки. Однажды я уже слышал этот голос и тотчас его узнал: Джон Гордон!

– Сколько с тобой людей? – прозвучало резко и властно.

– Я один. Отведите меня в комнату, откуда свет не проникает наружу, и я вам расскажу кое-что интересное.

Он помолчал и жестом приказал следовать за ним в соседнюю комнату. Оттуда он вывел меня на лестницу, отворил дверь на площадке и зажег свет.

Окна в этой комнате были плотно зашторены. Пока мы шли, Гордон держал меня под прицелом; он и теперь не опустил пистолет. Гордон был худощав, но жилист и выше меня ростом, правда, не такой плотный. Одет он был в штатский костюм. Его серые глаза блестели, как сталь; черты лица были волевыми. Что-то в этом человеке мне нравилось. Я заметил синяк на его челюсти в том месте, куда приложился мой кулак при нашей последней встрече.

– Не могу поверить, – сказал он насмешливо, – будто подобные неуклюжесть и непредусмотрительность – настоящие. Несомненно, у вас есть свои причины заманить меня в столь поздний час в удаленную комнату, но сэра Холдред надежно охраняют даже сейчас. Не шевелитесь.

Пистолетное дуло уперлось мне в грудь. Гордон провел рукой по моему телу в поисках оружия и явно удивился, когда ничего не обнаружил.

– И все же, – тихо проговорил он, словно рассуждая вслух, – человек, способный голыми руками выломать железный замок, вряд ли нуждается в оружии.

– Вы тратите драгоценное время, – перебил я. – Мне поручено убить сэра Холдред Френтона...

– Кем поручено? – вопрос прозвучал, словно выстрел, направленный мне в лицо.

– Человеком, который иногда прикидывается прокаженным.

Гордон кивнул, в его серых глазах мелькнула искорка.

– Значит, мои подозрения оправдались.

– Без сомнения. Выслушайте меня внимательно. Вы хотите убить или арестовать этого человека?

Гордон мрачно расхохотался.

– Ответ того, кто носит на ладони знак скорпиона, но может оказаться для вас неожиданным.

– Тогда выслушайте мои объяснения, и глядишь, ваше желание сбудется.

Он подозрительно сощурил глаза.

– Значит, вот в чем смысл вашего дерзкого появления здесь, вот почему вы не оказали сопротивления, – медленно проговорил он. – Выходит, наркотик, от которого так расширились ваши зрачки, настолько въелся в мозг, что вы вообразили, будто сможете заманить меня в ловушку?

Я сжал ладонями виски. Мы теряем драгоценное время. Как же убедить этого человека в моей честности?

– Послушайте, меня зовут Стивен Костиген, я американец. Был завсегдатаем притона Юн Шату и потреблял гашиш, как вы уже догадались, но теперь завишу от более сильного наркотика. При помощи этого наркотика лжепрокаженный – тот, кого Юн Шату и его друзья называют Хозяином – приобрел надо мной власть и отправил меня сюда, чтобы убить сэра Холдредра, а зачем, одному только Богу известно. Но я получил небольшую передышку, завладев небольшим количеством этого вещества. Без него мне не выжить, а Хозяина я ненавижу и боюсь. Выслушайте меня, и клянусь всем на свете, праведным и неправедным, что тот, кто притворяется прокаженным, попадет в ваши руки еще до восхода солнца!

Могу похвастать, что произвел впечатление на Гордона, хотя он и сопротивлялся этому.

– Говорите! – приказал он. – Живей! – И все-таки я чувствовал его недоверие. Неужели все мои старания – вотще?

– Если не хотите действовать со мной заодно, – с трудом вымолвил я, – отпустите, и я сам найду способ добраться до Хозяина и убить его. Мои часы сочтены, а ведь месть должна свершиться.

– Излагайте свой план, и короче, – велел Гордон.

– План достаточно прост. Я вернусь к Хозяину и доложу, что выполнил приказ. Вы с вашими людьми следуйте за мной по пятам и, пока я буду заговаривать Хозяину зубы, окружите дом. А потом, по сигналу, ворветесь и убьете его, или схватите.

Гордон нахмурился.

– Где этот дом?

– Складское помещение сразу за притоном Юн Шату. Внутри – настоящий восточный дворец.

– Складское помещение? – не поверил Гордон. – Что за чушь? Я сам сначала так и подумал, но внимательно осмотрел его снаружи. Окна прочно зарешечены и давно покрылись паутиной. Двери крепко заколочены гвоздями, на них старые нетронутые печати. Склады давным-давно заброшены.

– Там подземный ход, – пояснил я. – Он прямиком соединяет Храм Грез со складом.

– Но я изучил проход между зданиями, – удивился Гордон. – Двери склада, выходящие на

эту дорожку, забиты еще прежними владельцами. Совершенно ясно, что никакого потайного выхода из Храма Грез не существует.

– Здания соединяются туннелем, а в него ведет дверь из комнаты рядом с курительной.

Этот подземный ход заканчивается на складе, в комнате с идолом.

– Я побывал в комнате рядом с курительной и никакой двери там не нашел.

– Это люк. Помните громоздкий стол посреди комнаты? Если его повернуть, в полу появится отверстие. Так вот вам мой план: я возвращаюсь в Храм Грез и встречаюсь с Хозяином в комнате с идолом. Ваши люди заранее незаметно оцепят склад, другая группа незаметно расположится на соседней улице, перед фасадом Храма Грез. Притон Юн Шату, как вам известно, обращен фасадом к набережной, а склад – в другую сторону и примыкает к узкому переулку, идущему параллельно реке. Пусть люди, дежурящие на улице, по сигналу ворвутся в склад с фасада и бегут вперед, а вторая группа ринется через Храм Грез. Они должны добежать до комнаты за курительной и открыть потайной люк, как я объяснил. И пусть стреляют в каждого, кто встанет на пути. Насколько мне известно, другого выхода из логова Хозяина нет, так что он и его слуги будут вынуждены спасаться через туннель. И попадут в ловушку.

Гордон раздумывал, а я, затаив дыхание, вглядывался в его лицо.

– Возможно, тут какой-то подвох, – произнес он, – или попытка отвлечь меня от охраны сэра Холдредра, но... По натуре я игрок, – неохотно признался он. – Попробую прислушаться к тому, что вы, американцы, называете интуицией. Но только господь Бог вам поможет, если лжете. Я вскочил и выпрямился.

– Слава Богу! А теперь помогите нацепить этот наряд, потому что именно в нем я должен вернуться к машине.

Глаза Гордона превратились в узкие щелочки, когда я вытащил маскарадную шкуру гориллы.

– Несомненно, это стиль Хозяина! Вам, разумеется, велели оставить отпечатки пальцев, вернее, этих чудовищных перчаток?

– Да, хотя не понимаю, для чего.

– Кажется, я понимаю. Хозяин славится тем, что никогда не оставляет настоящих следов своих преступлений... Так вот, сегодня вечером из соседнего зоопарка сбежала крупная человекообразная обезьяна. Посмотрите только на эту шкуру, и сразу поймете, в чем тут фокус. В смерти сэра Холдредра мы бы обвинили ни в чем не повинного примата.

У меня будто глаза открылись, и я содрогнулся.

– Уже два часа ночи, – напомнил Гордон. – Учтем время, которое вам понадобится на возвращение в Лаймхауз, и мне – на сбор моих людей у Храма Грез. Обещаю, что к половине пятого дом будет в плотном кольце. Дайте мне фору – подождите здесь, пока я не выйду из этого дома, и тогда я прибуду на место одновременно с вами.

– Идет! – Я порывисто сжал его руку. – Там, вне всякого сомнения, окажется девушка по имени Зулейка. Учтите, она никоим образом не связана с дурными делами Хозяина, она всего лишь жертва обстоятельств, такая же, как и я. Обойдитесь с ней по-хорошему.

– Будет сделано. А какого сигнала мне ждать?

– Сигнала? Как я его подам, по-вашему? Сомневаюсь, что самый громкий шум в доме будет слышен на улице. Пусть ваши люди ждут, когда пробьет пять.

Я повернулся, чтобы идти.

– Вас ждет человек с машиной, я правильно понял? А вдруг он что-то заподозрит?

– У меня есть верный способ развеять его подозрения, – мрачно ответила. – В крайнем случае, вернусь в Храм Грез один.

Глава 9. Четыре тридцать пять

*Сомневаясь, лелея мечты,
Что смертные прежде не смели иметь*

Дверь тихонько хлопнула за мной, громоздкий темный дом выделялся теперь еще резче, чем раньше. Ссутулившись, я пересек мокрую лужайку бегом, выглядя, вероятно, гротескно до жути. Не сомневаюсь: если бы кто-то сейчас меня увидел, он бы сразу поверил, что это не человек, а гигантская обезьяна. Ну и выдумщик этот Хозяин!

Я вскарабкался на стену, спрыгнул с другой стороны и побежал сквозь тьму и туман к купе деревьев, скрывающей машину.

Негр откинулся на спинку переднего сиденья. Я делал вид, что пытаюсь отдышаться, и всевозможными способами изображал злодея, который минуту назад хладнокровно пустил кому-то кровь и удачно сбежал с места преступления.

– Ты ничего не слышал? Ни звука? – с подозрением прошипел я, хватая его за руку.

– Никакого шума, только легкий скрип, когда вы входили, – ответил шофер. – Вы хорошо справились. Окажись тут прохожий, он бы ничего не заметил.

– А ты все время сидел в машине? – поинтересовался я.

Он ответил утвердительно, но я на всякий случай схватил его за лодыжку и пощупал подошву его ботинка: она была абсолютно сухая, как и край штанины. Это меня устраивало, и я взгромоздился на заднее сиденье. Если бы он сделал по земле хоть шаг, мокрые ботинки и брюки выдали бы его.

Я приказал ему не заводить мотор, пока не освобожусь от обезьяньей шкуры, а потом мы помчались в ночи.

Меня мучили сомнения.

С какой стати Гордон должен верить незнакомому человеку, да вдобавок еще и бывшему слуге Хозяина?

Не логичней ли отнести мой рассказ к бреду безумного наркомана? Или считать его ложью, выдуманной с целью запутать и одурачить его?

Но если он мне не поверил – почему отпустил?

В моих силах было только положиться на него. Во всяком случае, что бы ни сделал Гордон, даже если предпочтет бездействовать, это вряд ли теперь как-то повлияет на мою судьбу. Ничего не изменится и в том случае, если Зулейка добудет эликсир, способный продлить мои дни.

Я задумался о ней. Громче, чем жажда мести Катулосу, во мне заговорила надежда. Гордону, возможно, удастся спасти мою возлюбленную от когтей дьявола. Во всяком случае, мрачно думал я, если Гордон предаст, у меня останутся мои руки, и если они дотянутся до горла чудовища...

Я вспомнил о Юсефе Али, о его странных словах. Странными они мне показались только сейчас. «Хозяин обещал ее мне, когда настанут Дни Империи...»

Дни Империи – что это может означать?

Наконец машина притормозила перед темным и притихшим Храмом Грез. Поездка казалась бесконечной. Выходя из автомобиля, я посмотрел на приборную доску. Сердце так и подпрыгнуло: на часах четыре тридцать четыре. Если зрение не обманывало, при свете уличного фонаря на противоположной стороне улицы двигались неясные тени. В такое время ночи это могло означать только одно из двух: или слуги Хозяина наблюдают за моим возвращением, или Гордон держит слово.

Негр уехал, а я открыл дверь, прошел через опустевший бар в курительную. На койках и на полу валялось множество грезящих; ведь здесь не знают смены дня и ночи. В густом дыму едва мерцали лампы, а тишина, подобно туману, нависла надо всем.

Глава 10. Пробило пять

*Он видел гигантские смерти пути
И воплощения судьбы.*

Честертон

Двое молодых китайцев сидели на корточках среди чадающих огней, они не мигая уставились на меня, когда я двинулся к двери задней комнаты между лежащими телами. Впервые я шел по коридору в одиночестве и снова гадал, что же спрятано в странной формы сундуках, подпирающих стены.

Я негромко постучал четыре раза в потолок и через мгновение стоял в комнате с идолом. И вскрикнул от удивления, но вовсе не Катулос, сидящий по другую сторону стола, вовсе не его ужасная внешность были причинами этого восклицания. Кроме стола, стула, на котором восседало существо с костяным лицом, да еще алтаря, где в этот раз не курились благовония, комната была абсолютно пуста! Вместо роскошных ковров, которые я привык здесь видеть, — неопрятные стены давно заброшенного складского помещения. Пальмы, идол, лакированная ширма — все исчезло.

— Мистер Костиген? Вы, без сомнения, удивлены.

Омертвелый голос Хозяина ударил мне в голову, оборвав мысли. Его змеиные глаза сверкали ненавистью. Длинные желтые пальцы с силой переплетались на поверхности стола.

— Ты, конечно, принимаешь меня за доверчивого дурачка! — выкрикнул он. — Уж не вообразил ли, что я не додумался никого послать, чтобы за тобой проследили? Ну и дурак же ты! За тобой неотступно следовал Юсеф Али!

Секунду я простоял неподвижно: оцепенел от этих слов. Но как только их смысл дошел до меня, я с ревом бросился вперед. И в ту же секунду, прежде чем мои пальцы успели сомкнуться на горле усмехающегося кошмарного существа, со всех сторон на меня кинулись люди. Я повернулся. Из круга надвигающихся на меня лиц ненависть четко выделила одно — Юсефа Али. Я со всей силы врезал ему в висок. Он упал, но Хассим тут же дал мне подсечку под колени, а китаец накинул мне на плечи сеть, которой ловят людей. Я пытался выпрямиться, разрывая крепкие веревки, точно обыкновенные тесемки, но тут дубинка Ганра Сингха свалила меня, ошеломленного и залитого кровью, на пол.

Сильные руки схватили меня и связали; веревки жестоко вонзились в плоть. Страхивая обморочный туман, я обнаружил, что лежу на алтаре. Катулос, прикрывшись маской,

склонился надо мной, точно высоченная башня из слоновой кости. Позади полукрутом выстроились Ганра Сингх, Яр-хан, Юн Шату и другие завсегдатаи Храма Грез. Ато, что я увидел позади всех, пронзило меня в самое сердце: Зулейка съежилась в дверном проеме, ее лицо побелело, как простыня, а руки прижались к щекам. Сказать, что она была в ужасе – значит, ничего не сказать.

– Я тебе совсем не доверял, – прошипел Катулос, – вот и отправил Юсефа Али следить за каждым твоим шагом. Он добрался до рожицы раньше твоей машины, прокрался в усадьбу и услышал весьма интересный разговор. Он ведь, как кошка, вскарабкался по стене и притаился на подоконнике! Потом твой шофер нарочно задержался, чтобы дать Юсефу Али вдоволь времени на обратный путь. Я-то решил в любом случае переменить жилище. Мебель уже в пути. Как только мы разделаемся с предателем, то есть с тобой, мы тоже отбудем и оставим здесь небольшой сюрприз для твоего друга Гордона. Когда он притащится сюда? В пять тридцать?

Сердце у меня подскочило: значит, есть надежда! Юсеф Али что-то перепутал, и Катулос задержался здесь по ошибке, считая себя в безопасности. Но ведь лондонские полицейские уже оцепили дом! Обернувшись, я заметил, как Зулейка вышла через дверь.

Я смотрел на Катулоса во все глаза, но в смысл его слов не вникал. До пяти оставалось совсем немного; если бы он еще чуть-чуть потянул время... И тут я обмер, потому что по команде египтянина Ли Кунг, высоченный парень с бледным, как у мертвеца, лицом, выступил из полукруга молчаливых людей и достал из рукава длинный тонкий кинжал. Я поглядел на часы, стоящие на столе, и душа провалилась в пятки. Оставалось еще десять минут до пяти. Моя гибель не так уж много значила – в душе я успел себя похоронить, – но я видел внутренним взором, как Катулос со своими разбойниками спасаются бегством, пока полиция ждет, когда пробьет пять.

Катулос вдруг умолк на полуслове и прислушался. Наверно, его предупредила об опасности сверхъестественная интуиция. Визгливой скороговоркой он отдал команду Ли Кунгу, и китаец прыгнул вперед, нацелив кинжал мне в грудь.

И тут, казалось, застыло само время. Высоко надо мной нависло острие длинного кинжала; неожиданно громко и чисто прозвучала трель полицейского свистка, и тотчас началась невообразимая свалка у фасадной стены дома!

Катулос прыгнул к потайному люку, шипя, точно разъяренный кот, его прихвостники бросились за ним. Ли Кунг последовал за остальными, но Катулос, обернувшись, что-то ему приказал. Китаец поспешно вернулся к алтарю, где лежал я. На его лице появилась отчаянная решимость, он поднял кинжал.

Весь этот шум утонул в душераздирающем крике, и я, изогнувшись, чтобы избежать удара, успел увидеть, как Катулос тащит прочь Зулейку. И тогда, совершенно обезумев, я соскользнул с алтаря – как раз в ту минуту когда кинжал Ли Кунга, проехав по моей груди, вонзился в темную поверхность и завибрировал.

Упав у самой стены, я не мог разглядеть, что происходило в комнате, но казалось, издали доносились жуткие нечеловеческие крики. Потом Ли Кунг высвободил кинжал и тигром вскочил на край алтаря. Одновременно в дверях грянул пистолетный выстрел. Китаец круто повернулся, кинжал выпал из его пальцев, а сам он грохнулся на пол.

В комнату вбежал Гордон – из той самой двери, где всего несколько секунд тому назад стояла Зулейка. Пистолет в его руке дымился. За ним ворвались трое мужчин в штатском с волевыми лицами. Гордон разрезал мои путы и рывком поставил меня на ноги.

– Быстрее! Куда они подевались? – Я отыскал люк и, потратив еще несколько секунд, нащупал рычаг. Детективы с пистолетами в руках окружили меня, они нервно поглядывали вниз, на неосвещенные ступеньки. Из крошечной темноты не доносилось ни звука.

– Просто мистика! – проворчал Гордон. – Вероятно, Хозяин и его слуги сбежали – ведь сейчас их явно здесь нет! Лири и его люди должны задержать их в туннеле или в задней комнате Юн Шату. Пора бы им объявиться.

– Осторожно, сэр! – вдруг воскликнул один из детективов, и Гордон, ойкнув, пришиб стволом пистолета громадную змею, беззвучно выползавшую по лестнице из тьмы.

– Поглядим, что там творится, – предложил он, выпрямляясь.

Но я не дал ему даже поставить ногу на верхнюю ступеньку. У меня мороз пошел по коже, когда я сообразил, отчего в туннеле такая тишина, почему до сих пор не пришли детективы, пробиравшиеся сюда с того конца коридора, что за крики я слышал несколько минут назад, лежа на алтаре. Рассмотрев как следует рычаг, который отпирал люк, я нашел рядом другой, поменьше. Теперь я догадывался, что находилось в тех таинственных сундуках.

– Гордон, – прохрипел я, – у вас есть электрический фонарик?

Один из детективов подал фонарь.

– Направьте-ка свет в туннель. Но, если дорожите жизнью, не ставьте ногу на ступеньку.

Луч света разорвал тени, бесстрашно открыв картину, которую я до конца своих дней буду вспоминать с содроганием. На полу подземного коридора, между сундуками, раскрытыми настезь, лежали двое агентов самой лучшей секретной службы Великобритании. Их конечности были сведены судорогой, лица жутко искажены, а вокруг, извиваясь, ползали десятки мерзких рептилий.

ХОЛОДНЫЙ СЕРЫЙ РАССВЕТ крадучись проползал над рекой, а мы стояли в опустевшем баре Храма Грез. Гордон расспрашивал двоих полисменов, карауливших возле здания, когда их товарищи обследовали подземный ход.

– Как только мы услышали свисток, Лири и Мэркен кинулись в бар, а оттуда – в курительную, а мы согласно приказу ждали здесь, перед дверью бара. Оттуда сразу, шатаясь, выскочило несколько оборванных наркоманов, и мы их взяли. Но никто другой из здания не выходил, и мы не получили распоряжений от Лири и Мэркена, так что просто остались ждать здесь, сэр.

– Вы не видели негра-великана или китайца Юн Шату?

– Нет, сэр. Позднее прибыл патруль, и мы оцепили здание, но не видели никого.

Гордон пожал плечами. Еще несколько немудреных вопросов убедили его в том, что полиция захватила действительно безобидных наркоманов, и он приказал их отпустить.

– Точно никто больше не выходил?

– Да, сэр... То есть минутку. Какой-то старик-нищий весьма жалкого вида, слепой и в грязных лохмотьях, его вела девушка, тоже оборванка. Мы его остановили, но решили не задерживать. Не может такой жалкий слепец внушать подозрения.

– Ах, не может? – взорвался Гордон. – Куда же он пошел?

– Девушка повела его по улице к следующему кварталу, а там остановилась какая-то машина, они в нее сели и уехали, сэр.

– О глупости лондонских полицейских уже давно по всему миру рассказывают анекдоты, – с горечью произнес Гордон. – Разумеется, вам и в голову не пришло, что нищий старик из Лаймхауза никак не может разъезжать в собственной машине.

Полицейский открыл было рот, чтобы возразить, но Гордон отмахнулся и повернулся ко мне.

– Мистер Костиген, давайте вернемся ко мне и уточним некоторые обстоятельства.

Глава 11. Черная империя

*О, копья длинные в крови,
Несчастных женщин крики!
Придет ли, как для англичан,
День славный и великий?*

Манди

Гордон зажег спичку, но рассеянно дал ей погаснуть и выпасть из руки. Турецкая сигарета так и осталась незажженной у него между пальцами.

– Это самое логичное из возможных заключений, – проговорил он. – Слабое звено нашей цепи – нехватка людей. Но, проклятье, никто не способен в два часа ночи собрать целую армию и привести ее в боевую готовность, даже с помощью Скотланд-Ярда.

Я отправился в Лаймхауз и отдал приказ, чтобы за мной немедленно последовали несколько полицейских патрулей и окружили дом. Но они прибыли слишком поздно и не помешали слугам Хозяина выскочить из двери черного хода и в окна, а Хозяин, конечно, замешкался, чтобы переодеться и загримироваться. В этом наряде его и увидели полицейские. Он ловок и смел, а потому очень опасен, да тут еще Финнеган с Хансеном затеяли считать ворон. Девушка, которая его вела...

– Конечно, Зулейка.

Я выговорил это имя с показным безразличием.

Снова гадая, что так привязало ее к египетскому чародею.

– Вы обязаны ей жизнью, – оборвал меня Гордон, зажигая другую спичку. – Мы стояли в тени перед складом, ждали, когда пробьет пять, и, разумеется, понятия не имели о том, что происходит в доме. И тут в одном из зарешеченных окон появляется девушка и именем Бога умоляет нас вмешаться, мол, убивают человека. Вот мы и ворвались. Однако ее уже не было в здании.

– Разумеется, она вернулась в комнату, – пробормотал я, – и ее заставили сопровождать Хозяина. Благодарение Богу, он не заподозрил ее в предательстве.

– Я ведь не знаю, – задумчиво сказал Гордон, бросая обгорелую спичку, – догадалась ли она, кто мы такие на самом деле, или просто ею двигало отчаяние. Как бы то ни было, свидетели показывают, что, услышав свисток, Лири с Мэркеном кинулись в заведение Юн Шату с парадного входа в тот самый момент, когда я с тремя людьми атаковал склад спереди. И, поскольку мы потратили несколько секунд на взлом двери, логично предположить, что они обнаружили потайной люк и вошли в подземный коридор еще до того, как мы проникли в здание склада. Хозяин же, заранее зная наши намерения, давно подготовил сюрприз...

Я содрогнулся.

– ...Хозяин с помощью рычага открыл сундуки, – продолжал Гордон. – Лежа на алтаре, вы слышали предсмертные крики Лири и Мэркена. Затем Хозяин оставил китайца, чтобы тот прикончил вас, а сам вместе с остальными спустился в подземный коридор, и, каким-то чудом пройдя невредимыми мимо змей, они поднялись в заведение Юн Шату, а оттуда удрали.

– Но это совершенно невозможно. Почему змеи их не тронули?

Гордон наконец-то зажег сигарету и немного подымил, прежде чем ответить.

– Вероятно, рептилиям было не до них – они вымещали зло на умирающих. Или... У меня была возможность получить бесспорные доказательства власти Хозяина над теплокровными и пресмыкающимися, даже на самые низшие и опасные виды. Как он со своими слугами пробрался целым и невредимым мимо этих чешуйчатых дьяволов, пока остается одной из многих неразрешенных загадок.

Я нетерпеливо поерзал на стуле. Эти слова напомнили мне, для чего я приехал в аккуратную, но эксцентрично обставленную квартиру Гордона.

– Вы не объяснили, кто он такой и какова его цель.

– Могу только сказать: он известен под кличкой, которой его зовете вы, – Хозяин. Я никогда не видел его истинного лица. Я также не знаю ни его настоящего имени, ни национальности.

– Тут я могу хотя бы кое-что прояснить, – перебил я. – Я видел его без маски и слышал имя, которым его называют рабы.

У Гордона сверкнули глаза, он подался вперед.

– Его зовут Катулос, и он якобы египтянин.

– Катулос! – повторил Гордон. – Говорите, он якобы египтянин? У вас есть какие-то причины сомневаться в этом?

– Возможно, он и правда из Египта, – медленно выговорил я, – но он чем-то отличается от любого человеческого существа, которое я когда-либо видел или надеюсь увидеть. Возможно, некоторая странность объясняется его почтенным возрастом, но есть и определенные видовые расхождения. Моих познаний в антропологии достаточно, чтобы утверждать: он с самого рождения обладает чертами, которые считались бы отклонениями от нормы у любого другого человека. Но для Катулоса они абсолютно закономерны. Допускаю, это звучит парадоксально, но вам бы самому посмотреть на него – вы бы тогда убедились в ужасной нечеловеческой сущности этого создания.

Гордон сидел молча – воплощенное внимание, а я торопливо перечислял приметы египтянина. Его черты неизгладимо отпечатались в моей памяти. Когда я закончил, Гордон кивнул.

– Как я уже сказал, я видел Катулоса только под личиной нищего, или прокаженного, или еще кого-нибудь в этом роде, и он всегда был с ног до головы закутан в самые невообразимые лохмотья. И все-таки на меня тоже производила сильное впечатление его необычайность, чуждость. В других людях вы ничего подобного не найдете.

Гордой побарабанил пальцами по колену, – я уже понял, он всегда так делает, глубоко задумавшись.

– Вы спросили меня о целях этого существа, – не спеша начал он. – Расскажу все, что знаю сам.

Я занимаю исключительно важный пост в британском правительстве, возглавляю некую комиссию по особым поручениям – эта служба создана по моей личной инициативе. В войну я сотрудничал с «Сикрет Сервис» и убедился в необходимости подобного отдела, как и моей способности им руководить.

Года полтора тому назад меня послали в Южную Африку выяснить причины беспорядков, растущих среди туземцев со времен Первой мировой войны. В последние годы эти волнения приняли поистине угрожающие размеры. Тут я впервые напал на след этого человека, Катулоса. Африка превратилась в кипящий котел от Марокко до Кейптауна.

Окольными путями я выяснил, что здесь вспомнили старую клятву: все негры и мусульмане должны объединиться и сбросить белых людей в море. Этот заговор возник давным-давно, но мятежников много раз громили, и уцелевшие прятались. Однако теперь я почувствовал за этой таинственной завесой гигантский интеллект, чудовищный гений, достаточно мощную силу, чтобы воскресить союз и осуществить старый план. Я опирался только на уклончивые намеки и случайно оброненные фразы, но сумел пройти по следу через всю Центральную Африку, до самого Египта. И там наконец отыскал доказательство тому, что такой человек действительно существует. Люди шептали мне о каком-то живом мертвце, о человеке с костяным лицом. Я выяснил, что этот субъект – верховный жрец таинственного культа Скорпионов в Северной Африке. Называли его по-разному: то Человек с Костяным Лицом, то Хозяин, то Скорпион.

Официально получая сведения у чиновников и пользуясь утечкой информации государственных спецслужб, я наконец добрался до Александрии, где впервые его увидел в туземном квартале, в притоне – Катулос был замаскирован под прокаженного. Я отчетливо слышал, как туземцы обращались к нему «Могущественный Скорпион». Тогда ему удалось от меня скрыться, оборвав все следы.

Я ничего не смог предпринять, пока до меня не дошли слухи о странных происшествиях в Лондоне. И я вернулся в Англию, чтобы расследовать утечку информации в военном ведомстве.

Как я и предполагал, Скорпион опередил меня. Этот человек, чье образование и тонкий интеллект превосходили все, с чем мне приходилось сталкиваться, оказался всего-навсего вождем и подстрекателем распространившегося по всему миру заговора. Правда, таких масштабов планета еще не знала. Короче говоря, он ведет войну против белой расы, намереваясь одолеть ее господство!

Его цель – создание черной империи, причем он сам будет императором всего мира! Для этого он объединил в чудовищном союзе черных, коричневых и желтых.

– Теперь я понимаю, что подразумевал Юсеф Али, когда говорил: «в Дни Империи», – пробормотал я.

– Вот именно! – Гордон в волнении стукнул по колену кулаком. – Власть Катулоса безгранична и непредсказуема. Щупальца этого спрута проникли во все очаги цивилизации, во все дальние уголки мира. Главное его оружие – наркотики. Он наводнил Европу и, разумеется, Америку опиумом и гашишем, и, несмотря на все наши усилия, до сих пор не обнаружены границы, через которые поступает эта мерзость. С ее помощью он соблазняет и поработывает мужчин и женщин. Вы мне рассказали о людях аристократической внешности, которых видели в притоне Юн Шату. Несомненно, это наркоманы: ведь этот порок, как я уже сказал, тайно угнездился в высших классах общества.

Многие жертвы наркотиков занимают высокие должности и расплачиваются с Катулосом государственными тайнами, а также покрывают его преступления.

О, наобум он не работает! Прежде, чем обрушить на нас черный шквал, он как следует подготовится. Если добьется своего, белые правительства будут ослаблены коррупцией, а самые сильные представители нашей расы погибнут. Он овладеет всеми нашими военными секретами. Когда начнется война, цветные нанесут нам удар в спину. И удар этот будет тем страшнее, что цветные переняли у белых всю военную науку. Под началом такого гения, как Катулос, владея лучшим оружием белых, эта армия будет практически непобедимой.

В Западную Африку устремился могучий поток оружия и боеприпасов, и он не иссякнет,

пока я не раскрою его источник. Я обнаружил вполне респектабельную шотландскую фирму, которая контрабандой доставляла это оружие туземцам, и даже более того: управляющий фирмой оказался наркоманом. Этого было достаточно: я понял, что тут не обошлось без Катулоса. Управляющего арестовали, и он покончил с собой в тюремной камере – и это лишь одно из многих щупальцев, с которыми мне пришлось иметь дело.

А вот вам история майора Фэрлана Морли. Он выполнял не менее важную миссию, чем моя, в Трансваале, послал в Лондон кучу секретных документов. Все это поступило несколько недель назад и легло в банковский сейф. В сопроводительном письме содержалась инструкция: документы ни в коем случае нельзя отдавать никому, кроме самого майора, когда он явится за ними лично, или в случае его смерти их могу получить я.

Как только мне стало известно, что он приплыл на пароходе из Африки, я отправил доверенных людей в Бордо, где он намеревался совершить первую высадку в Европе. Им не удалось спасти жизнь майора, но они нашли его тело в трюме отслужившего свой срок и выброшенного морем на берег корабля. Сначала мы всячески пытались держать обстоятельства этого дела в секрете, но они все же просочились в прессу.

– Начинаю понимать, почему я должен был изображать этого несчастного майора, – вставил я.

– Именно так. Если приклеить накладную бороду и перекрасить волосы, вам оставалось бы явиться в банк, обратиться к банкиру, который знал майора Морли ровно настолько, чтобы его обманула ваша внешность, и документы попали бы в руки Хозяина.

Могу только догадываться о содержании этих бумаг, потому что события развивались слишком быстро, и я, получив приказ, никак не смог до них добраться. Но думаю, в них содержатся сведения о людях, прочно связанных с Катулосом. Как он узнал об этих документах и о сопроводительном письме, представления не имею, но повторю, Лондон кишит его шпионами.

Ища ответа к загадке, я часто наведывался в Лайм-хауз, переодевшись и загримировавшись, – однажды вы сами меня увидели в образе наркомана. Я сделался завсегдатаем Храма Грез и даже ухитрился побывать в задней комнате, так как подозревал, что где-то на задворках происходят таинственные события. Когда я не нашел выхода наружу, это сбило меня с толку, а времени на поиски люка не осталось, потому что явился этот проклятый негр Хассим и вышвырнул меня. К счастью, он не подозревал, кто я на самом деле. Я заметил прокаженного, очень часто приходящего к Юн Шату, и в конце концов догадался, что этот мнимый калека – сам Скорпион.

В ту ночь, когда вы заметили меня в курительной, я пришел туда без определенного плана. Увидев, что Катулос уходит, я решил встать с койки и последовать за ним, но вы все испортили. – Гордон потер подбородок и невесело усмехнулся.

– В Оксфорде я был чемпионом бокса среди любителей, – заметил он, – но сам Том Крибб не устоял бы под тем ударом.

– Сожалею, хотя мало о чем мне приходится так сожалеть.

– Нет нужды. Ведь я обязан вам жизнью. Вы сбили меня с ног, но я не настолько потерял сознание, чтобы не соображать. Я сразу понял: этот шоколадный дьявол Юсеф Али не успокоится, пока по проткнет мне сердце.

– Но как вы оказались в доме сэра Холдред Френтона? И почему не привели полицейских в вертеп Юн Шату?

– А я знал: Катулоса так или иначе предупредят, и мы останемся с носом. А у сэра

Холдред я оказался в ту ночь потому, что после его возвращения из Конго решил охранять его по ночам. Я опасался покушения на его жизнь. Из его собственных уст я услышал о подготовке им мирного договора с тайными обществами туземцев Западной Африки.

Он начал над ним работать, исходя из своих открытий, сделанных во время путешествия. Сэр Холдред намекал, что после подписания договора он собирается сделать несколько сенсационных сообщений. Поскольку Катулос готов уничтожить любого, кто способен поднять против него западный мир, понятно, что сэр Холдред был обречен. В самом деле, на него дважды покушались, еще пока он продвигался вдоль африканского берега. Вот я и направил к нему верных людей, они даже сейчас на посту. Бродя по неосвященному дому, я услышал шум – это проникали вы. Я предупредил охранников и спустился на первый этаж. Пока мы с вами беседовали, сэр Холдред сидел в темном кабинете, а вокруг него стояли агенты Скотланд-Ярда с пистолетами наготове. И конечно, мы обязаны их бдительности: именно благодаря ей Юсефу Али не удалось раскрыть ваши планы. Что-то в вашем поведении, вопреки логике, убедило меня, – сказал Гордон задумчиво. – Сознаюсь, были у меня сомнения, когда я ждал в потемках перед складом.

Гордон вдруг поднялся, прошел в угол комнаты и достал из сейфа тонкий конверт.

– Катулос почти всегда меня опережал, – добавил он, – но и я не бездействовал. Я внимательно наблюдал за завсегдатаями притона Юн Шату и составил, хотя и неполный, список подручных египтянина с указаниями примет каждого. Ваш рассказ позволил мне дополнить этот перечень. Насколько нам известно, сторонники Катулоса есть во всем мире, и возможно, здесь, в Лондоне, их сотни. Но в этот список попало, как я считаю, его ближайшее окружение. Он сам проговорился, что некоторые приближенные даже видели его без маски.

Мы склонились над списком, содержащим следующие имена: «Юн Шату, гонконгский китаец, подозревается в контрабанде наркотиков, содержатель Храма Грез, проживает в Лаймхаузе в течение семи лет. Хассим, бывший вождь в Сенегале – разыскивается во Французском Конго за убийство. Сантьяго, негр – сбежал с Гаити, подозревается в жестоких культовых ритуалах с приношением человеческих жертв, африканец, о деятельности в последние годы ничего не известно. Юсеф Али, мавр, марокканский работороговец – во время войны был немецким шпионом, подстрекатель восстания феллахов на Верхнем Ниле. Ганра Сингх, уроженец Лахора в Индии – сикх, контрабандой ввозил оружие в Афганистан, принимал активное участие в восстаниях в Лахоре и Дели, подозревается в нескольких непредумышленных убийствах, опасен. Стивен Костиген, американец, после войны живет в Англии, потребляет гашиш, обладает невероятной силой. Ли Кунг, из Северного Китая, промышляет торговлей опиумом».

Три имени были выделены жирной чертой: мое, Ли Кунга и Юсефа Али. К моему имени больше ничего не добавлено, а насчет Ли Кунга Гордон торопливым вихляющим почерком дописал: «Застрелен Джоном Гордоном во время облавы в заведении Юн Шату». А после имени Юсефа Али я прочел: «Убит Стивеном Костигеном при облаве в заведении Юн Шату».

Я невесело рассмеялся. Будет когда-нибудь создана черная империя или нет, но Юсефу Али не суждено заключить Зулейку в свои объятия.

– Уж не знаю, – задумчиво произнес Гордон, возвращая список в конверт, – чем Катулос объединяет и подчиняет черных и желтых, – но ему удалось сплотить закоренелых врагов цивилизации. Под его знаменами собрались и индусы, и мусульмане, и язычники. А там, на

Востоке, где действуют гигантские силы, это объединение совершается в чудовищном масштабе.

Гордон глянул на часы:

– Уже почти десять. Располагайтесь здесь как дома, а я съезжу в Скотланд-Ярд, узнаю, что интересного нашли на новой квартире Катулоса. Думаю, что из нашей паутины ему уже не выскользнуть. Обещаю вам: мы выследим шайку, самое большое, за неделю.

Глава 12. Шрам от кривой сабли

*Сытный мир проторенной дорогой тут
Кружится, а тощие волки ждут.*

Манди

Я сидел один в квартире Джона Гордона и безрадостно посмеивался. Несмотря на стимулятор-эликсир, напряжение бессонной ночи, вкупе с предыдущими тяжкими испытаниями, давали о себе знать. Воображение рисовало необычную карусель – с неопишуемой быстротой мелькали лица Гордона, Катулоса, Зулейки. Сведения, предоставленные мне Гордоном, смешались в один клубок, невозможно было отделить факты один от другого.

И сквозь все эти затуманенные лица и мельтешащие факты проступала одна-единственная мысль: я должен найти новое логово египтянина и вырвать Зулейку из его рук – если она еще жива.

Неделя, сказал Гордон. Я опять рассмеялся. Через неделю я уже буду не в состоянии помочь кому бы то ни было. Фляжки эликсира мне хватит, самое большее, на четыре дня. Четыре дня, чтобы прочесать все крысиные норы Лаймхауза и Чайна-Тауна, чтобы разыскать в лабиринтах Ист-Энда убежище Катулоса.

Мне не терпелось начать поиски, но организм взбунтовался. Пошатываясь, я добрался до дивана, упал и моментально заснул.

– Проснитесь, мистер Костиген! – Я сел, щурясь и изо всех сил протирая глаза. Надо мной стоял Гордон с совершенно измученным лицом.

– Дьявольский план удался. Скорпион ужалил еще раз.

Я вскочил, спросонья только отчасти осмыслив эти слова. Гордон помог мне натянуть пиджак, нахлобучил мне на голову шляпу. Потом я почувствовал его уверенную руку. Он вывел меня из комнаты, и мы спустились по лестнице. Уличные фонари горели вовсю. Сколько я проспал?

– Закономерное убийство! – Слова моего спутника едва доходили до меня. – Он должен был известить меня тотчас по прибытии.

Мы очутились на краю тротуара, Гордон подзвал такси и назвал адрес отеля в деловом районе.

– Не понимаю... – сонно начал я.

– Барон Роков, – пояснил Гордон; мы уже мчались с бешеной скоростью. – Русский журналист и политик, связанный с военным ведомством. Вчера он вернулся из Монголии – очевидно, сбежал. Он, конечно, узнал что-то важное насчет пробуждения Востока. С нами Роков не успел связаться, и я даже не подозревал, что он в Англии.

– И как вы узнали?..

– Барона нашли в его номере. Труп самым ужасным образом изрублен.

В респектабельном и удобном отеле – последнем пристанище злосчастного барона – царил переполох. Гостиницу уже наводнили полицейские. Администрация пыталась успокоить гостей, но те каким-то образом узнали об ужасном происшествии, и многие спешили съехать, тем более, что полиция намеревалась провести расследование по всей форме.

Номер барона на верхнем этаже описывать не возьмусь. Даже на войне я не видел подобного хаоса. Мертвеца обнаружила горничная с полчаса назад, и с тех пор здесь никто ничего не трогал. Столы и стулья в беспорядке валялись на полу, мебель, пол и стены были залиты кровью. На середине комнаты лежал рослый мускулистый мужчина, и выглядел он поистине жутко. Ему разmozжили череп до самых бровей, под мышкой зияла глубокая рана, виднелись сломанные ребра; левая рука превратилась в кусок кровавого мяса. На бородатом лице застыло выражение неопиcуемого ужаса.

– Наверняка тут поработали тяжелым кривым клинком, – сделал вывод Гордон. – Что-то вроде сабли. И удар нанесен с невероятной силой. Посмотрите-ка сюда: промахнувшись, убийца рассек подлокотник толщиной несколько дюймов. А вот эту спинку тяжелого стула перерубили, точно лист фанеры. Определенно, это сабля.

– Кривая сабля, – задумчиво подтвердил я. – Неужели вы не узнаете почерк мясника из центральной Азии? Здесь побывал Яр-хан.

– Афганец! Он, несомненно, пробрался по крышам и спустился на подоконник по перевязанной узлами веревке. Около половины второго горничная проходила по коридору и услышала страшный шум в номере у барона – грохот падающих стульев и короткий вопль, который тут же сменился хрипом. А еще звучали тяжелые приглушенные удары, подобные издает мясницкий топор при разделке туши. Затем вдруг наступила тишина. Горничная позвала управляющего, и они хотели войти в номер, но дверь оказалась заперта. Они звали барона по имени, а, не получив ответа, отомкнули дверь запасным ключом. В номере они нашли только труп. Окно было распахнуто. Это странным образом отличается от обычных преступлений Катулоса. Слишком грубая работа. Египтянин почти всегда заботится о том, чтобы смерть его жертв выглядела естественной. Ничего не понимаю.

– Ну, результат тот же самый, – возразил я. – В номере не оставили прямых улик, изобличающих убийцу.

– Верно. – Гордон нахмурился. – Мы знаем, кто это сделал, но доказательств никаких, даже отпечатков пальцев нет. Если даже мы разыщем и арестуем афганца, то ровным счетом ничего не добьемся. Найдутся десятки прохвостов, которые подтвердят его алиби. Барон вернулся только вчера. Катулос, вероятно, до сегодняшнего вечера не знал о его приезде. Он понял, что Роков завтра же свяжется со мной и поделится тем, что ему удалось узнать в Северной Азии. Египтянин решил бить наверняка. Так как у него не хватило времени на более хитроумный план, он послал в отель афганца с саблей. Тут мы ничего не можем сделать, по крайней мере, пока не найдем убежище Скорпиона; а уж то, что барон узнал в Монголии, навсегда останется для нас тайной. В одном можно не сомневаться: это связано с заговором Катулоса.

Мы снова спустились по лестнице вместе с Хансеном, детективом из Скотланд-Ярда. Оказавшись на улице, Гордон предложил нам пойти пешком к нему домой, и я порадовался возможности впустить свежий ночной воздух в темные лабиринты моего мозга и смести обрывки мрачных мыслей, подобно клочьям паутины.

На пустынной улице Гордон крепко выругался.

– Но ведь мы просто блуждаем в потемках! Здесь, в столице цивилизованного государства, заклятый враг цивилизации совершает гнусные преступления и ходит на свободе. Получается, что мы – малые дети, плутающие в ночном лесу, где рыщут волки-людоеды. Настоящего дьявола из ада мы пытаемся победить оружием закона. Его истинной сущности мы по-прежнему не знаем, и об истинных размерах его честолюбия можем только

догадываться! Ни разу нам не удалось арестовать хотя бы одного из ближайших помощников египтянина, а те немногие простофили – слепые орудия его воли, которых мы задерживали, таинственно покидали этот мир, не успев ничего рассказать. Чем же все-таки околдовал Катулос людей самых разных верований и национальностей? Допустим, в Лондоне его окружают отщепенцы, наркоманы, но ведь его щупальца оплели весь Восток. Несомненно, он владеет таинственной силой. Удалось же ему отправить на верную смерть китайца Ли Кунга и заставить мусульманина Яр-хана пройти по крышам Лондона и совершить страшное преступление. И эта сила держит в невидимых оковах рабства черкешенку Зулейку.

Конечно, нам известно, – продолжал Гордон после недолгих раздумий, – что на Востоке есть тайные общества, стоящие выше каких бы то ни было государственных соображений и догматов веры. В Африке и Азии имеются культуры, чье происхождение уходит в далекое прошлое, к Офиру и гибели Атлантиды. Этот человек, должно быть, обладает властью над этими обществами или хотя бы над некоторыми из них. Но ведь я не знаю ни одного восточного народа, за исключением евреев, который остальные восточные племена презирал бы так, как египтян. И все-таки мы имеем дело с человеком, выдающим себя за египтянина, – и этот человек держит в своих руках жизни и судьбы и ортодоксальных мусульман, и индусов, и синтоитов, и дьяволопоклонников. Уму непостижимо! Слыхали вы когда-нибудь, – он вдруг резко повернулся ко мне, – упоминания океана в связи с Катулосом?

– Никогда.

– В Северной Африке есть поверье, о нем говорят только шепотом. Очень древняя легенда о том, что великий вождь всех цветных народов в один прекрасный день выйдет из моря! И как-то я слышал от одного бербера слова «Сын Океана». Он говорил о Скорпионе!

– Но так обычно в племени берберов выражают уважение, разве вы этого не знаете?

– Знаю. И все-таки иной раз удивляюсь.

– Как поздно открыта эта лавка! – удивился Гордон.

На Лондон опустился туман, а на тихой улочке мерцали огоньки в красноватой дымке, столь характерной для теперешних атмосферных условий. Наши шаги отдавались мрачным эхом. Даже в самом центре великой столицы всегда можно забрести в местечко на вид безлюдное и забытое. Такова и эта улица. Мы не видели ни одного полисмена.

Лавка, которая привлекла внимание Гордона, находилась как раз перед нами, на той же стороне улицы, где мы шли. Вывеска над дверью отсутствовала, виднелась только эмблема, что-то вроде дракона. Из отворенной двери и с витрин струился свет. Поскольку дверь вела не в кафе или гостиницу, мы от нечего делать заинтересовались, чем тут торгуют в столь поздний час. При обычных обстоятельствах никто из нас не обратил бы внимания на такую странность, но нервы у нас были на пределе, и все, выбивающееся из обычного порядка вещей, не могло не вызывать подозрения. И тут произошло нечто, явно нарушившее обыденность.

Один высокий и худой мужчина, сутулясь, неожиданно выскочил из-за угла как раз перед нашим носом. Я успел бросить на него один-единственный взгляд. Худоба производила сильное впечатление, одет он был в измятый поношенный костюм, шелковая шляпа с высокой тульей опущена до самых бровей, а лицо скрыто шарфом. Он быстро повернулся и вошел в лавку. Холодный ветер прошелестел по улице, сгоняя туман в отдельные прозрачные клочки, но мурашки, пробежавшие у меня по коже, были вызваны не ветром.

– Гордон! – Я старался говорить потише. – Или у меня распоясалось воображение, или в этот дом только что вошел сам Катулос?

У Гордона сверкнули глаза. Мы как раз поравнялись с лавкой, и он, перейдя на бег, ринулся в дверь, а мы с детективом постарались не отстать от него ни на дюйм.

Нашим взорам предстал весьма фантастический ассортимент товаров. На стенах висела уйма древнего оружия, а на полу громоздились любопытнейшие предметы. Майорийские идолы подпирали плечами китайских кумиров, сваленные в кучи средневековые доспехи темнели среди множества ковров и шалей времен Римской империи. Лавка оказалась антикварной. Но мы не увидели в ней того, кто вызвал наш интерес.

Из задней части лавочки вышел старик в причудливом наряде: парчовый халат, красная феска и турецкие домашние туфли. Он походил на левантийца.

– Что-нибудь желаете, благородные господа?

– Я нижу, вы открыты допоздна, – заметил Гордон, рыща взглядом в поисках тайного убежища.

– Да, сэр. Среди моих покупателей множество чудаков – преподавателей и студентов. Они ведут довольно беспорядочный образ жизни. А с приходящих ночью судов мне часто доставляют интересный товар. Я торгую всю ночь, сэр.

– Мы просто зашли посмотреть. – Гордон повернулся и тихо приказал Хансену: – Иди к задней двери и задержи любого, кто попытается выйти черным ходом.

Хансен кивнул и, стараясь не привлекать к себе внимания, двинулся в указанном направлении. Мы отлично видели заднюю дверь, хотя помещение загромождали антикварная мебель и тусклые ковры, выставленные на обозрение. Мы так быстро последовали за Скорпионом – если это действительно был он, – что он едва ли успел пройти через весь магазин и выскользнуть незамеченным. Мы не спускали глаз с черного хода с тех пор, как переступили порог.

Мы с Гордоном неспешно бродили между всевозможными редкостями и с самым невинным видом обсуждали некоторые из них, хоть я понятия не имел об их цене. Левантиец, скрестив ноги, уселся на мавританский коврик в середине помещения и, по всей видимости, проявлял к нам лишь вежливый интерес.

Через некоторое время Гордон прошептал мне:

– Больше не имеет смысла притворяться. Во все места, где легко мог бы спрятаться Скорпион, мы заглянули. Лучше я представлюсь, и мы как следует обыщем все здание.

Пока он говорил, у парадного входа затормозил грузовик, и в лавку вошли два здоровенных негра. Левантиец явно поджидал их. Взмахом руки он указал на заднюю часть лавки, и они жестами дали знать, что поняли его.

Вертикально у задней стены стоял длинный ящик, вроде футляра для мумии. Мы с Гордоном внимательно наблюдали, как негры подошли к ящику, перевернули горизонтально и осторожно понесли к двери.

– Стойте! – Гордон шагнул вперед и властно поднял руку. – Я представитель Скотланд-Ярда и уполномочен делать все, что сочту необходимым. Поставьте-ка мумию и ничего не выносите из лавки, пока мы ее не обыщем.

Негры беспрекословно подчинились, а мой друг повернулся к левантийцу. Тот внешне ничуть не встревожился и даже, казалось, не заинтересовался. Знай себе сидел и покуривал трубку.

– Меня интересует высокий мужчина, который вошел сюда за секунду до нас. Кто он и

куда подевался?

– До вас никто не входил, сэр. А если и вошел случайно, так я стоял у задней двери и не заметил. Вы, конечно, вольны обыскать мою лавку, сэр.

Мы так и сделали, соединив искусство агента «Сикрет Сервис» и обитателя преступного мира. Хансен твердо стоял на своем посту, а оба негра застыли возле ящика с мумией. Левантиец сидел, точно сфинкс, на коврике, попыхивая трубкой. От всего этого веяло нереальностью.

Наконец мы в полном недоумении вернулись к ящику с мумией. Он был достаточно велик, чтобы спрятать даже такого рослого человека, как Катулос. Ящик оказался незапечатанным, и Гордон без труда поднял крышку. Нашим глазам престало нечто бесформенное, обмотанное полусгнившими тряпками. Гордон раздвинул их, приоткрыв руку со сморщенной темной кожей, и невольно вздрогнул, как будто коснулся ядовитого гада. Затем снял с ближайшей полки металлического идола и постучал им по усохшей груди и по руке. Раздался глухой звук, как от ударов о дерево.

Гордой пожал плечами.

– Мертв, по меньшей мере, две тысячи лет. Наверное, не стоит портить такую ценную мумию ради того, чтобы доказать это.

Он снова закрыл ящик.

– Надеюсь, я ничего не повредил.

Последнюю реплику Гордон адресовал левантийцу, а тот ответил лишь вежливым жестом. Тут негры опять подняли ящик и понесли к грузовику, и через секунду мумия, машина и грузчики исчезли в тумане.

Гордон все еще заглядывал во все углы, а я застыл посреди лавки. Казалось, будто сквозь все повязки, закрывающие лицо мумии, меня обожгли ненавидящим взглядом громадные глаза. Эти глаза, похожие на два желтых огня, проникли мне в самую душу, заставили оцепенеть. Сначала я объяснил это игрой отравленного наркотиками воображения, но, когда ящик пронесли через дверь, я понял, что мумия человека, мертвого уже Бог знает сколько веков, безмолвно смеется над нами.

Глава 13. Мертвец из моря

Гордон свирепо пыхал дымом турецкой сигареты и ненавидяще смотрел на сидевшего напротив него Хансена.

– Полагаю, мы должны «отпраздновать» еще одну неудачу. Камонос, этот левантиец, очевидно, человек египтянина, и совершенно ясно, что во всех стенах и полах его лавочки полно тайных лазеек, которые и чародея поставили бы в тупик.

Хансен что-то буркнул в ответ, а я промолчал. С той минуты, как мы вернулись на квартиру Гордона, меня не покидало ощущение слабости и заторможенности, но причина крылась не только в моем состоянии в последние дни. Мой организм был полон эликсира, но мозг работал до странности замедленно, тяжело было воспринимать и осознавать окружающее, дьявольский наркотик уже не стимулировал мои умственные способности.

Это состояние покидало меня медленно, точно туман, поднимающийся с поверхности озера; казалось, я постепенно выхожу из долгого и неестественно глубокого сна.

Я услышал снова слова Гордона:

– Много я отдал бы, чтобы узнать, является ли Камонос рабом Катулоса, и еще – удалось ли Скорпиону сбежать каким-то обычным путем.

– Камонос – его слуга, это точно. – Я осознал, что медленно выговариваю эти слова, как бы ощупью находя каждое из них. – Когда мы выходили, я заметил, как он бросил взгляд на изображение скорпиона у меня на ладони. Он сразу сощурился, а когда мы покинули лавку, ухитрился подойти ко мне вплотную и поспешно шепнуть: «Сохо, сорок восемь».

Гордон резко выпрямился, точно спица, которую согнули и тут же отпустили:

– Ах, вот как?! – рывкнул он. – Что же вы мне сразу не сказали?

– Не знаю. Мой друг внимательно посмотрел на меня.

– Я заметил, всю дорогу из этой лавки вы производили впечатление одурманенного, – сказал он. – Я приписал это гашишу. Но нет. Несомненно, Катулос – искусный ученик Месмера, чем и объясняется его власть над пресмыкающимися, и я начинаю верить, что здесь и кроется истинный источник его господства над людьми. Только что в этой лавке Хозяин ослабил вашу бдительность и частично овладел сознанием. Из какого тайного убежища он послал мысленные волны, расшатавшие ваш мозг, я не знаю, но уверен: Катулос скрывался в лавке.

– Да, в ящике для мумии.

– В ящике для мумии! – воскликнул Гордон. – Но это невыносимо! Мумия заполняла весь ящик, даже такое тощее существо, как Хозяин, не могло бы там поместиться!

Я пожал плечами, будучи не в состоянии оспорить эту истину, но и не сомневаясь в справедливости своего заявления.

– Камонос, – продолжал Гордон, – несомненно, не входит в ближайшее окружение Хозяина и не знал о вашей «измене». Он увидел знак скорпиона и принял вас за шпиона Хозяина. Все это может оказаться ловушкой, но мне сдается, он был искренен, – возможно, по указанному им адресу и скрывается новое логово.

Я подозревал, что Гордон прав.

– Вчера я опечатал архив Морли, – продолжал Гордон. – Пока вы спали, я просмотрел те бумаги. Большинство из них подтверждают уже известное мне – насчет волнений среди туземцев. Повторяется вывод, что за всем этим должен стоять один гениальный разум невероятного масштаба. Но я обнаружил в записях одно обстоятельство, которое меня

сильно заинтересовало. Думаю, оно заинтересует и вас.

Гордон достал из сейфа листы, исписанные сжатым аккуратным почерком несчастного майора, и приглушенным голосом (сквозь монотонность все-таки пробивалось волнение) прочитал кошмарный рассказ:

«Я считаю, надо написать об этом происшествии, а дальнейшее покажет, насколько все это важно. В Александрии, где я провел несколько недель, пытаюсь вновь выйти на след человека, именующего себя Скорпионом, мой друг Ахмедшах познакомил меня с известным профессором-египтологом Эзрой Шулером из Нью-Йорка. Он подтвердил заявление, сделанное различными неспециалистами, относительно легенды „о человеке из океана“. Источник этого мифа, переходящего из поколения в поколение, кроется в тумане древних времен. Вкратце его можно изложить так: в один прекрасный день из моря выйдет человек и принесет народу Египта победу над всеми остальными. Эта легенда распространена по всему континенту, и темнокожие племена считают, что она говорит о приходе императора вселенной. Профессор Шулер убежден, что миф как-то связан с погибшей Атлантидой, которая, по его мнению, была расположена между Африкой и южноамериканским континентом, и ее обитателям подчинялись предки египтян. Слишком долго было бы описывать тут ход его рассуждений, и они слишком туманны. Вам достаточно знать, что он поведал мне странную, даже фантастическую историю. Его близкий друг фон Лорфмон, ученый из Германии, ныне покойный, несколько лет назад поплыл к берегам Сенегала с целью поисков и изучения редких форм морской жизни. Для этого он нанял небольшое торговое судно с командой из мавров, греков и негров.

Несколько дней берег был вне видимости, и вдруг они увидели за бортом какой-то предмет. Это оказался ящик, или футляр для мумии, но самого необычного вида. Профессор Шулер перечислил мне отличия этого ящика от классического египетского. С его слов – преимущественно технических терминов – у меня создалось впечатление, что это был диковинной формы ящик с резьбой по всей поверхности – но не клинописью и не иероглифами. Водонепроницаемый и воздухонепроницаемый ящик был покрыт толстым слоем лака, и фон Лорфмон долго не мог его открыть. Тем не менее он справился, даже не повредив футляра, в котором обнаружил в высшей степени необычную мумию. Шулер утверждал, что прежде не видел ничего подобного.

При осмотре выяснилось, что находящийся в футляре предмет не подвергался обычной мумификации. Все части тела были неповрежденными, но туловище съежилось и затвердело до прочности дерева. Ткани, обернутые вокруг мумии, рассыпались в прах, едва подверглись воздействию внешнего воздуха.

Громадное впечатление произвела на фон Лорфмона реакция команды. Греки проявили к находке средний интерес, но мавры, а пуще того негры на какое-то время просто обезумели! Когда ящик поднимали на борт, они все расprostерлись на палубе и затаили молитвенное песнопение. Пришлось применить силу, чтобы удалить их из каюты, куда поместили мумию. Между ними и греками несколько раз возникали драки, и фон Лорфмон счел за лучшее поспешить в ближайший порт. Капитан приписал волнения обычному суеверию моряков, но фон Лорфмону казалось, что за беспорядками стоит более существенная причина, нежели покойник на борту.

Они причалили в Лагосе, и в ту же ночь фон Лорфмон был убит в своей каюте, а мумию вместе с футляром похитили. Все мавры и негры сбежали с корабля. Дело приняло самый зловещий оборот. По словам Шулера, немедленно среди туземцев возникли волнения, они

широко распространились и приняли осязаемые формы. Шулер связывает их со старой легендой.

Смерть фон Лорфмона – сплошная загадка. Он распорядился перенести мумию в свою каюту и, опасаясь фанатично настроенной команды, тщательно запер и забаррикадировал дверь и иллюминаторы. Капитан, человек вполне надежный, утверждает, что абсолютно невозможно было войти в каюту снаружи. Все следы ясно показывают: каюту отперли изнутри. Ученого закололи кинжалом из его же собственной коллекции. Кинжал остался в груди.

Как я уже упомянул, африканский котел закипел. Шулер полагает, что туземцы сочли древнее пророчество исполнившимся. Эта мумия и была «человеком из моря».

По мнению Шулера, выловленный из моря предмет – наследие атлантов, а человек в ящике – уроженец погибшего континента. Он не берется объяснить, каким образом ящик всплыл из морских пучин через столько веков после исчезновения Атлантиды. Эту мумию, по его искреннему убеждению, возвели в божеский сан где-то в населенных призраками джунглях Африки, и, вдохновленные мертвецом, черные воины готовят всеобщую резню. Он также верит, что непосредственная причина угрожающей миру смуты – деятельность какого-то хитрого мусульманина».

Гордон закончил чтение и посмотрел на меня.

– Судя по этому рассказу, мумия предопределила весьма многое, – заметил он. – Немецкий ученый сделал несколько ее фотографий, и странно, что их не украли вместе с ней. Увидев эти снимки, Морли убедился: он на пороге какого-то чудовищного открытия. Дневник отражает его внутреннее состояние. День ото дня в нем все больше тумана и путаницы, все это граничит с сумасшествием. Что же так расстроило его? Не подвергли Катулос его гипнотическим чарам?

– Эти фотографии... – начал я.

– Попали в руки Шулера, и он дал одну из них майору Морли. Я нашел ее среди рукописей.

Гордон вручил мне снимок. Я взгляделся в фотографию, потом вскочил и налил себе бокал вина.

– Нет, это не мертвый идол из шаманской хижины, – потрясенно заключил я. – Это чудовище, наделенное жуткой формой жизни, оно скитается по всему миру в поисках жертв. Майор Морли видел Хозяина – вот почему у него помрачился рассудок. Гордон, я готов поклясться чем угодно, что на фотографии лицо Катулоса!

Гордон, не разжимая губ, глядел на меня.

– Почерк Хозяина. – Я засмеялся, охваченный мрачным весельем. Гордон, этот англичанин со стальными нервами, наверное впервые в жизни был абсолютно растерян.

Гордон облизал губы и проговорил почти неузнаваемым голосом:

– Господи! Ведь если вы правы, в мире не осталось ничего устойчивого. Человечество ступило на край бездны необъяснимых, безымянных ужасов. Если находка фон Лорфмона – действительно Скорпион, каким-то странным способом вернувшийся к жизни, то разве способен его одолеть простой смертный?

– Мумия в лавке Камоноса... – начал я.

– Да, конечно, человек, чьи мышцы окостенели за тысячелетия, не кто иной, как Катулос! У него как раз хватило времени сбросить лохмотья, закутаться в полотно и шагнуть в футляр прежде, чем мы вошли. Вы ведь помните, тот ящик стоял у самой стены и его загоразживал

большой бирманский идол, не позволяя нам как следует его разглядеть. Господи Боже, Костиген, с каким доисторическим кошмаром мы столкнулись?!

– Я слышал об индийских факирах, они могут вести образ жизни, ничем не отличающийся от смерти, – припомнил я. – Почему бы не допустить, что Катулос, талантливое порождение Востока, привел себя в такое состояние, а его сторонники опустили футляр в океан, зная, что когда-нибудь он обязательно будет найден.

Гордон отрицательно покачал головой.

– Нет, я видел факиров, которые умели имитировать смерть до такой степени, чтобы превращаться в мумию. В своих записях Морли рассказал, что к находке фон Лорфмона прилипло много водорослей, обитающих только на самом дне океана. Да и породу дерева фон Лорфмон затруднился назвать, хотя он один из крупнейших знатоков флоры. И в его заметках снова и снова подчеркивается необычайный возраст находки. По его мнению, невозможно установить, сколько лет этой мумии, но он уверен, что она пролежала в бездне морской не тысячи, а миллионы лет!

Мы должны смотреть фактам в лицо. Вы определенно убеждены, что на фотографии Катулос, а подделка тут почти невозможна. Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать: Скорпион никогда не умирал, просто многие века тому назад его поместили в футляр для мумии, и все это время в нем каким-то образом поддерживалась жизнь. А возможно, он умер, а после его воскресили! Если рассматривать любое из этих предположений в холодном свете здравого смысла, оно кажется абсолютно невероятным. Неужели мы оба сошли с ума?

– Попробовали бы вы когда-нибудь гашиш, – мрачно ответил я. – Поверили бы во что угодно. Посмотрели бы хоть разок в жуткие глаза чародея Катулоса, глаза рептилии, – перестали бы сомневаться, что он одновременно и жив, и мертв.

Гордон выглянул в окно, его волевое лицо казалось совершенно изможденным в сером рассвете.

– В любом случае, – заключил он, – до восхода солнца я намерен тщательно обыскать два места: антикварную лавку Камоноса и дом на Сохо.

Глава 14. Хватка Скорпиона

*Но гордых башен страшен вид:
С них исполища смерть глядит.
Эдгар По*

Хансен улегся на кровать и задремал, а я знай себе мерил шагами комнату. Прошел еще один день, и уличные фонари опять замерцали в тумане. Странно действовали на меня их огни. Они представлялись твердыми волнами энергии, бьющимися в мою голову, проникающими внутрь. Они скручивали туман в удивительные фигуры. Как много ужасающих сцен пришлось осветить этим огням рампы в театре, который зовется лондонскими улицами! Я прижал ладони к пульсирующим вискам, пытаюсь выволить мысли из хаотических лабиринтов.

Я весь день не видел Гордона. Пытаюсь разгадать загадку «Сохо, сорок восемь», он в первых лучах рассвета ушел организовывать обыск в этом доме, а меня оставил здесь под охраной Хансена. Гордон опасался покушения на мою жизнь, кроме того, он считал, что мне лучше не рыскать по знакомым притонам: это может насторожить наших врагов.

Хансен храпел. Я сел и начал разглядывать турецкие домашние туфли у себя на ногах. Зулейка тоже носила турецкие туфельки – как часто она появлялась в моих беспокойных снах, скрашивая своими чарами самые прозаические вещи! Она улыбалась мне в тумане, глаза светились ярче фонарей, призрачные шаги эхом отдавались в отравленных клетках моего мозга.

Эти шажки выбивали бесконечную дробь, привлекая мое внимание и завладевая им, и вот уже кажется, будто их эхо сливается со звуками в коридоре за дверью. Я застыл, весь обратился в слух. Внезапно в дверь постучали, и я вздрогнул.

Хансен не проснулся. Я быстро пересек комнату и настежь распахнул дверь. Коридор наполняли причудливо кружащиеся клочки тумана, и за ними, точно за серебристой завесой, я увидел ее. Зулейка стояла передо мной, это ее волосы блестели, ее алые губы полуоткрылись, и ее громадные темные глаза смотрели на меня.

Я молчал, словно язык проглотил, а она поспешно оглядела коридор, шагнула в комнату и затворила дверь.

– Гордон! – прошептала она взволнованно. – Твой друг! Он во власти Скорпиона!

Хансен проснулся и вытаращил глаза от изумления. Зулейка не обращала на него внимания.

– И еще, Стивен! – воскликнула она, и слезы выступили на глазах. – Я изо всех сил старалась достать еще немного эликсира, но ничего не вышло!

– Неважно. – Я наконец обрел дар речи. – Расскажи, что с Гордоном.

– Он вернулся в лавку Камоноса один, а Хассим и Ганра Сингх схватили его и доставили в дом Хозяина. Сегодня вечером у Скорпиона соберется целая толпа, чтобы принести Гордона в жертву!

– В жертву?! – У меня в жилах застыла кровь. – Неужели нет пределов этой мерзости? Зулейка, скорей говори, где дом Хозяина!

– Сохо, сорок восемь. Ты должен сообщить в полицию, но самому тебе идти нельзя.

Хансен вскочил, готовый действовать, но я повернулся к нему. Теперь я соображал

совершенно трезво, или мне так казалось. Трезво и неестественно быстро.

– Подождите! – бросил я Хансену и снова повернулся к Зулейке. – На который час назначено жертвоприношение?

– Это случится, когда луна поднимется в зенит.

– То есть всего за несколько часов до рассвета. Еще есть шанс спасти его. Но, если окружить дом и напасть, они убьют Гордона прежде, чем мы до них доберемся. И одному Богу известно, какие дьявольские козни ожидают всякого, кто туда приблизится.

– Не знаю, – вдруг воскликнула Зулейка. – Я должна возвратиться, не то Хозяин меня убьет.

Как только она произнесла эти слова, мной овладела жгучая ярость.

– Никого твой Хозяин не убьет! – заорал я, высоко поднимая кулаки. – Он умрет еще до того, как порозовеет небо! Клянусь всем праведным и неправедным!

Хансен непонимающе уставился на меня, а Зулейка даже отшатнулась, когда я к ней приблизился. В моем изнуренном наркотиками мозгу внезапно вспыхнул свет истины.

Я знал, что Катулос – гипнотизер и полностью раскрыл секрет власти над сознанием и душами других людей. И я понял, наконец, причину его страшного господства над этой девушкой. Гипноз! Как змея зачаровывает и привлекает птицу, так и Хозяин держит при себе Зулейку с помощью невидимых оков.

И только одно могло разрушить эту власть: гипнотическая сила другого человека, более мощная, чем влияние Катулоса. Я положил руки на изящные девичьи плечи, повернул Зулейку к себе.

– Зулейка, – твердо произнес я, – здесь ты в безопасности. Больше не придется возвращаться к Катулосу. Ты свободна.

Но еще прежде, чем я начал внушать, я уже понял: ничего не выйдет. В ее глазах жил необъяснимый страх, и она забилась в моих объятиях.

– Стивен, ну, пожалуйста, отпусти меня! – взмолилась она. – Я должна... Должна...

Я подтащил ее к кровати и попросил у Хансена наручники. Он с нескрываемым удивлением достал их, я приковал тонкое запястье Зулейки к спинке кровати. Девушка плакала, но не сопротивлялась, ее прозрачные глаза взирали на меня с мольбой.

Я страдал, навязывая ей свою волю, но иного выхода не видел.

– Зулейка, – нежно пояснил я, – ты теперь моя пленница. Скорпион не сможет тебя обвинить в измене, ты ведь не в состоянии отсюда уйти. И прежде, чем взойдет солнце, ты полностью освободишься от его чар.

Не допускающим возражения тоном я обратился к Хансену:

– Оставайтесь здесь и не отходите от двери, пока я не вернусь. Ни в коем случае не выпускайте сюда незнакомых людей. И поручаю вам эту девушку. Не отпускайте ее, как бы она вас ни уговаривала. Если ни я, ни Гордон не вернемся завтра к десяти утра, отвезите ее по этому адресу. Когда-то я дружил с живущей там семьей, она позаботится о бездомной девушке. Я отправляюсь в Скотланд-Ярд.

– Ах, Стивен, – рыдая, сказала Зулейка, – неужели ты решил пойти в берлогу Хозяина? Ты погибнешь! Пошли туда полицию, а сам не ходи!

Я обнял девушку, ощутил прикосновение ее губ, а затем бросился вон.

Туман хватал меня призрачными пальцами, холодными, точно у мертвеца. Я мчался по улице.

Определенных планов у меня не было, но кое-какие идеи возникли. Я остановился,

заметив полицейского, неторопливо ходящего взад-вперед на посту. Поманил его, нацарапал записку, вырвал из блокнота листок и вручил ему.

– Срочно передайте в Скотланд-Ярд. Речь идет о жизни и смерти, и это касается Джона Гордона.

Услышав это имя, полицейский отдал рукой в перчатке честь и повернулся кругом, а я побежал дальше. В записке я сообщал, что Гордон захвачен преступниками по адресу Сохо, сорок восемь, и необходимо немедленно спешить к нему на выручку.

Дальнейшие мои действия определялись просто. Я знал, что при первых же признаках прибытия полиции судьба Гордона будет решена. Значит, мне необходимо любым способом пробраться к нему и защитить или освободить до появления полисменов.

Минуты растянулись в вечность, но наконец передо мной появился высокий мрачный силуэт дома номер сорок восемь. В такой поздний час лишь немногие осмеливались выйти на улицу в густой туман и морось. Я остановился перед непривлекательным зданием. Света в окнах не видно, ни внизу, ни наверху. Но нора скорпиона зачастую кажется покинутой – до той минуты, пока тебя не настигает ядовитое жало.

Я стоял перед зданием, и вдруг меня осенила отчаянная мысль. Так или иначе, к рассвету драма закончится. Сегодня ночью наступила кульминация, переломный момент моей жизни. Сегодня ночью я стал крепчайшим звеном в цепи невероятных событий.

Уже завтра не будет иметь никакого значения, останусь ли я жив или умру.

Я вытащил из кармана флажку с эликсиром. Хватит еще на два дня, если экономить. Еще два дня жизни! Но сейчас мне необходим стимулятор, как никогда прежде: ведь передо мной задача поистине непосильная для смертного. Если выпить все без остатка... Уж на всю ночь определенно хватит. А у меня между тем дрожат ноги, в памяти провалы, то и дело начинаются приступы слабости. Я поднял и осушил флажку одним глотком.

Сначала мне почудилось, что пришла смерть. Никогда еще я не принимал такой дозы эликсира.

Небо и земля пошли кругом, казалось, я взлетаю среди миллиона вибрирующих осколков, на которые разорвался стальной шар-глобус. Подобно адскому огню, эликсир пробежал по моим кровеносным сосудам, и я сделался гигантом! Суперменом! Чудовищем!

Я повернулся и шагнул к грозному дверному проему. Определенного плана у меня не было, да я и не испытывал в нем нужды. Подобно тому, как пьяный блаженно ступает навстречу опасности, я шагнул в нору Скорпиона, надменно сознавая собственное превосходство, ощущая действие стимулятора и твердо веря, что для меня не существует преград.

Я стукнул четыре раза – по этому старому сигналу нас, рабов, допускали в комнату с идолом в заведении Юн Шату. В створке двери отворилось окошечко, на меня настороженно глянули раскосые глаза. Они слегка расширились, когда их владелец узнал меня, затем сузились, полыхнули злобой.

– Эй ты, дурень! – рявкнул я. – Что, знака не видишь? – Я поднес к окошку ладонь. – Не узнаешь? Отворяй, черт бы тебя побрал!

Наверное, успеху содействовала сама отчаянность этой проделки. Конечно, теперь уже все рабы Скорпиона знали об измене Стивена Костигена, о том, что на нем клеймо смерти. И сам факт, что я пришел сюда, торопя судьбу, смутил часового.

Дверь отворилась. Человек, который меня впустил, высокий и тощий китаец, запер за мной дверь, и я увидел что мы стоим в вестибюле, освещенном тусклой лампочкой; на улицу

свет не пробивался по той причине, что окна были занавешены тяжелыми шторами. Китаец озадаченно глядел на меня. Я смотрел на него. И тут в его взгляде мелькнуло подозрение, рука нырнула за пазуху. Но еще мгновение, и я свалил и оседлал его, и его тонкая шея хрустнула, точно гнилой сук, в моей хватке.

Я опустил труп на толстый ковер и прислушался. Ничто не нарушало тишину. Крадучись, я шагнул вперед, пальцы мои согнулись, словно когти. Без шума я проник в комнату. Она была меблирована в восточном стиле: повсюду кушетки, циновки и богатые, с золотом, ковры, но никаких признаков жизни. Я миновал эту комнату и прошел в следующую. С люстр лился мягкий свет, а восточные циновки скрадывали мои шаги, казалось, я двигаюсь в зачарованном замке.

Каждую секунду я ждал нападения молчаливых убийц – из-за дверей, из-за портьер или из-за ширм с извивающимися драконами. Повсюду царило молчание. Я осматривал комнату за комнатой и наконец остановился перед лестницей. Вездесущие свечи разливали неровный свет, но большинство ступенек тонуло в сумраке. Что ожидает меня наверху?

Но страх и эликсир друг с другом несочетаемы, и я двинулся по лестнице так же смело, как только что входил в это убежище кошмара. Верхние комнаты мало чем отличались от нижних, в особенности сходство увеличивалось благодаря отсутствию малейших признаков человеческой жизни. Я искал чердак, но не нашел ни люка, ни двери, ведущей туда. Я решил найти вход в подвал и вернулся, но снова ничего не достиг. И тут я осознал невероятную истину: кроме меня самого и мертвеца, который лежит, так гротескно распростертый в вестибюле, в этом доме нет людей. Ни живых, ни мертвых.

Это не укладывалось в голове. Если бы в комнатах отсутствовала мебель, я, естественно, пришел бы к выводу, что Катулос скрылся, но мне не встречалось никаких следов поспешного бегства. Невероятно, невысказанно. Я стоял в обширной полутемной библиотеке и раздумывал. Нет, номером я не ошибся. Даже если бы в вестибюле не лежал изуродованный труп, молчаливо свидетельствующий о несомненном присутствии Хозяина, все в этих комнатах напоминало о нем. Здесь стояли те самые искусственные пальмы, лакированная ширма, висели ковры, был даже идол, хотя теперь перед ним не курился фимиам. Вдоль стен тянулись длинные полки с книгами в уникальных дорогих переплетах, при кратком осмотре я обнаружил, что они написаны на самых разных языках и касаются самых разных тем.

Вспомнив потайные коридоры в Храме Грез, я осмотрел тяжелый стол красного дерева в центре комнаты. Никакого результата. И тут во мне вспыхнула ярость – слепая, первобытная. Я схватил со стола какую-то статуэтку и швырнул ее в пристенный стеллаж с книгами. Она с грохотом разбилась; прячась за стеллажом бандиты, этот шум, несомненно, выманил бы их. Но эффект моего необдуманного поступка оказался куда более впечатляющим.

Статуэтка угодила в край стеллажа, и сейчас же он бесшумно повернулся, открывая узкий проход! Как и за другой потайной дверью, в другом доме, ряд ступенек шел вниз. Прежде я содрогнулся бы при мысли, что надо спускаться, – ужасы того туннеля были еще свежи в моей памяти. Но, вдохновленный эликсиром, я устремился вперед без малейшего колебания.

Поскольку в доме никого нет, люди должны быть где-то в туннеле или в каком-то помещении, куда ведет меня этот ход. Я шагнул на верхнюю ступеньку, не прикасаясь к стеллажу, чтобы полиция могла обнаружить ход и последовать за мной. Хотя я почему-то предчувствовал, что мне придется продвигаться в одиночку от старта и до мрачного финиша.

Когда я уже порядком спустился, лестница перешла в ровный горизонтальный коридор футов двадцати в ширину – весьма примечательное обстоятельство. Потолок для такой

ширины казался довольно низким, с него свисали небольшие лампы причудливой формы, давали неяркий свет. Крадучись, но быстро я прошел по коридору. На ходу я отмечал, как все тут добротнo сработано. Пол в крупную клетку, стены, сложенные из громадных блоков серого камня. Этот коридор появился явно не в нашу эпоху; рабы Катулоса не смогли бы проделать такой туннель. Тут кроется средневековая тайна, подумал я, и вообще, кто знает, какие катакомбы скрываются под Лондоном, чьи секреты величественнее и темнее, чем вавилонские или римские?

Я все шел и шел, все глубже опускаясь в подземелье. Воздух был тяжел и влажен, из каменных потолка и стен сочилась холодная вода. Время от времени я видел ответвления туннеля, ведущие куда-то в темноту, но твердо решил не сворачивать с главного коридора.

Меня охватило чудовищное нетерпение. Я шел, казалось, уже целые часы, но все еще не увидел ничего, кроме сырых стен, клетчатого пола и тусклых лампочек. Ни зловещих сундуков, ни чего-нибудь в этом роде.

И когда я уже был готов разразиться дикими ругательствами, передо мной из густой тени выступила еще одна лестница.

Глава 15. Темная ярость

*Волк, загнан, смотрит на флажки
С недобрым блеском глаз
И думает: «Хлопот я вам
Еще как следует задам,
Или умру сейчас!»*

Подобно волку, томимому жаждой крови, я помчался вверх по ступенькам. Когда поднялся футов на двадцать, передо мной оказалось нечто вроде лестничной площадки, а с нее начинался новый коридор, очень похожий на тот, по которому я только что пробирался. И мелькнула мысль, что весь подземный Лондон усеян подобными ходами, расположенными один над другими.

Несколькими футами выше площадки лестница оканчивалась дверью, и здесь я заколебался: должен ли я испытать судьбу или стучать не следует? И хотя я стоял неподвижно, дверь вдруг начала отворяться.

Я отступил назад и изо всех сил вжался в стену. Дверь широко распахнулась, из нее вышел мавр. Я успел только мельком заглянуть в комнату, но мои неестественно обострившиеся чувства подсказали, что она пуста.

Не давая мавру опомниться, я нанес ему смертельный удар в челюсть. Он покатился по ступенькам и застыл на площадке бесформенной грудой, только руки и ноги нелепо торчали в разные стороны.

Моя левая рука вцепилась в дверь, прежде чем она начала затворяться, и через секунду я уже стоял в комнате. Я быстро прошел через нее в следующую. Дальше располагались покои, обставленные так, что по сравнению с ними дом на Сохо мог показаться скромным и непритязательным. Варварское, ужасающее, нечестивое – эти слова передают только слабое представление об убранстве, явившемся моему взору. Среди украшений – если можно их так назвать – преобладали черепа, отдельные кости и целые скелеты. Мумии, вытащенные из футляров, и страшные змеи висели на стенах. Между этими зловещими предметами были развешаны африканские щиты из кожи и бамбука, поперек них укреплены ассегаи и дикарские кинжалы. То там, то тут попадались черные идола непристойного и жуткого облика.

Среди этих атрибутов стояли вазы и ширмы, лежали ковры и циновки, висели ткани тонкой восточной выделки, создавая эффект несообразной эклектики.

Я прошел через две или три комнаты, не встретив ни одного человеческого существа, и тут наткнулся на лестницу, ведущую вверх. Преодолею несколько маршей и увидел люк в потолке. Интересно, неужели я все еще в подземелье? Первые-то лестницы определенно вели в какой-то дом. Я осторожно поднял крышку люка. В глаза ударил звездный свет, я с трудом подтянулся на руках и выбрался наружу. И остановился. Во все четыре стороны расстилалась широкая плоская крыша, а за ее краями повсюду сверкали лондонские огни. Я понятия не имел, что это за здание, но оно было очень высокое! Это я мог сказать точно, потому что находился много выше огней. И тут я заметил, что я не один.

Прямо над тенью козырька, проходившего по всему краю крыши, возник громадный силуэт, загородил мне свет звезд. Холодно блеснула пара глаз, в звездном сиянии кривой

серебряной полоской сверкнула сабля. Передо мной бесшумно вырос Яр-хан, афганец-убийца.

Меня охватил дикий, свирепый восторг. Наконец-то я начну расплачиваться с Катулосом и его шайкой! Наркотик жег мои кровеносные сосуды и посылал волны нечеловеческой мощи и черной ярости по всему телу.

Яр-хан был настоящим великаном, куда выше и плотнее меня. В руке он держал саблю, и в тот самый миг, как я его увидел, мне стало понятно, что он наглотался привычного наркотика – героина.

Когда я подскочил к нему, он легко вскинул тяжелую саблю, но прежде, чем успел ударить, я зажал запястье руки, в которой он сжимал оружие, железным захватом и свободной рукой нанес сокрушительный удар в солнечное сплетение.

Я почти забыл подробности того сражения над спящим городом, которое могли видеть только звезды. Помню, как царапала мне кожу жесткая борода, как горящие от наркотика глаза посылали неистовое пламя. Помню вкус горячей крови у себя на губах, помню, как бушевали во мне нечеловеческая сила и ярость.

Господи, если бы кто-нибудь мог посмотреть на эту темную крышу, где два гибких, точно леопарды, наркомана пытались разорвать друг друга на куски! Какое потрясающее зрелище открылось бы его глазам!

Помню, как треснула и сломалась его рука, точно гнилой сук, и как кривая сабля выпала из обессиленных пальцев. Теперь, когда сломанная рука стала ему только помехой, конец был предопределен, а мне еще один небывалый прилив сил помог загнать Яр-хана на карниз. С минуту мы сражались там, потом я оторвал его от себя и толкнул, и один-единственный крик вырвался у него, пока он летел вниз, во тьму.

Я выпрямился и поднял руки к звездам, возвышаясь жуткой статуей торжества первобытной силы и жестокости. По груди струилась кровь из длинных царапин, оставленных ногтями афганца на моих лице и шее.

Потом я повернулся. Неужели никто не слышал шума этой схватки? Мой взгляд устремился к крышке люка, но слабый шум заставил меня повернуться назад, и тут я впервые заметил нечто вроде башенки над крышей. Никакого окна, зато я увидел дверь. В тот же миг она отворилась, и под звездный свет вылез могучий великан. Хассим!

Он ступил на крышу и хлопнул дверью. Спина его сгорбилась, шея вытянулась, он смотрел то в одном, то в другом направлении. Одним яростным ударом я вышиб из него дух. Потом склонился над негром, ожидая, не очнется ли он. Но тут далеко в небе, у линии горизонта, мелькнул слабый красный отсвет. Восходит луна!

Какого черта, где же Гордон? Я стоял в нерешительности, пока до меня не донесся непонятный звук, напоминающий змеиное шипение.

Я прошел, ориентируясь на звук, по крыше и наклонился над карнизом. Кошмарное, невероятное зрелище предстало моим глазам.

Футов на двадцать ниже крыши, на которой я стоял, шла другая, – явно на примыкающем здании. Обе крыши были одинакового размера. С одной стороны нижнюю замыкала стена, с остальных трех сторон вместо карниза возвышался парапет в несколько футов высотой.

Нижнюю крышу заполняло громадное количество народа: люди стояли, сидели на корточках, а некоторые полулежали; все без исключения были негры! Именно приглушенные голоса этих сотен негров я и услышал.

Почти в самом центре крыши поднималось футов на десять нечто вроде теокалли,

сооружения, которое встречается в Мексике и на котором ацтекские жрецы приносили человеческие жертвы. Теокалли на этой крыше было совершенно такой же, только уменьшенной жертвенной пирамидой. Плоская его вершина представляла собой искусно выточенный алтарь, а рядом возвышался силуэт худого смуглого человека, и даже ужасная маска, скрывающая часть лица, не могла изменить его до неузнаваемости: я видел перед собой Сантьяго, шамана с острова Гаити. А на алтаре лежал Джон Гордон, голый по пояс, связанный по рукам и ногам, но в полном сознании.

Я снова удалился от края крыши, ломая руки в отчаянии. Чтобы справиться с такой оравой религиозных фанатиков, недостаточно даже стимуляции эликсиром.

И тут какой-то звук заставил меня оглянуться: это Хассим из последних сил пытался встать на колени. Я подскочил к нему в два прыжка и без всякой жалости снова оглушил – И заметил предмет, свисавший с его пояса. Я наклонился и посмотрел как следует. Это оказалась маска, точно такая же, как на Сантьяго. Тут мой мозг живо заработал и создал дерзкий до бредового план, который, однако, начиненной наркотиком голове не показался отчаянным, ни дерзким, ни бредовым. Я тихо подошел к башенке, отворил дверь и заглянул. И не увидел никого, кто мог бы поднять тревогу, зато заметил висящее на крюке длинное шелковое одеяние. Наркоманам везет! Я схватил балахон и выскочил из башенки. Хассим не подавал признаков жизни, но я на всякий случай врезал еще в челюсть, схватил его маску и заторопился к карнизу.

Снизу доносилось гортанное пение – нестройное, варварское, кровожадное. Негры – и мужчины и женщины – покачивались в диком ритме своего зловещего пения. Сантьяго стоял у теокалли, точно статуя черного базальта, глядя на восток, с высоко поднятым кинжалом, – дикое и кошмарное зрелище. Он был обнажен, если не считать широкого шелкового пояса и нечеловеческой маски на лице. Луна высунула алый краешек из-за восточного горизонта, легкий ветерок поигрывал большими черными перьями, кивающими вместе с маской жреца. Голоса идолопоклонников звучали все тише, пока пение не превратилось в торжественный суровый шепот.

Я поспешно натянул маску и балахон и приготовился спрыгнуть. Я был абсолютно уверен, что окажусь на нижней крыше невредимым, столько сил придавало мне безумие, – но, выйдя на карниз, обнаружил там стальную лесенку. По всей вероятности, Хассим, один из жрецов, намеревался сойти именно этим путем. Я устремился по лесенке, не теряя времени, так как понимал: если я не вмешаюсь, в ту же секунду, когда луна достигнет высшей точки своего пути, кинжал безжалостно пронзит грудь Гордона.

Поплотнее запахнув балахон, чтобы скрыть белую кожу, я ступил на нижнюю крышу и пробрался сквозь ряды черных идолопоклонников. Я поднимался по ступеням теокалли, пока не оказался возле алтаря с темно-красными пятнами. Гордон лежал на спине, открытые глаза выражали бесстрашие и непоколебимость.

Глаза Сантьяго сверкнули в мою сторону сквозь прорези в маске, но я не прочел в них подозрения, пока не выступил вперед и не выхватил кинжал из его руки. Он слишком удивился, чтобы сопротивляться, атолла чернокожих внезапно затихла. Сантьяго, конечно, заметил мою белокожую руку, но был настолько потрясен, что потерял дар речи. Двигаясь со всей возможной быстротой, я перерезал пути Гордона и помог ему подняться. Затем Сантьяго с пронзительным криком бросился на меня, но тут же, все еще крича, кубарем полетел вниз с теокалли, а в груди его по самую рукоятку утонул его же собственный кинжал. Точно черные пантеры в лунном свете, идолопоклонники кинулись на нас с ревом и

визгом, перескакивая ступени теокалли. Заблестели ножи, засверкали белки глаз.

Я сорвал с себя маску и балахон и ответил на изумленное восклицание Гордона неистовым хохотом.

Сначала я надеялся, что маскировка поможет мне благополучно вывести друга и спастись самому, но теперь я был рад умереть на месте рядом с Гордоном.

Гордон отодрал от алтаря какое-то громоздкое украшение и замахнулся им, когда нападающие приблизились. С минуту мы удерживали их на расстоянии, затем они черной волной нахлынули на нас.

Это была моя Валгалла! Ножи кололи меня, дубинки колотили, но я только смеялся и работал кулаками, точно молотом, разбивая плоть и кости. Я видел, как поднимается и опускается грубое оружие Гордона, при этом каждый раз валился с ног человек. Черепа трещали, кровь брызгала во все стороны, и темная ярость бушевала во мне. Кошмарные физиономии сливались в одно кружащееся кольцо, я падал на колени, опять поднимался, и черные лица отступали перед моими ударами. Мне почудился в бескрайнем багровом тумане знакомый отвратительный голос. Он звал все громче, он командовал!

Гордона оттеснили от меня, но, судя по воплям, схватка продолжалась. В небе метались звезды, адское возбуждение не покидало меня, и я наслаждался приливами ярости, пока не рухнул в еще более темную бездну.

Глава 16. Древний ужас

*Как бог, что в триумфе убил себя рьяном,
На жертвах своих распростерся, кровав,
На алтаре своем собственном странном
Смерть мертва.*

Э. Ч. Суинберн

Я снова медленно возвращался к жизни. Меня окружал туман, а в тумане виднелся череп.

Я лежал в стальной клетке, точно пойманный волк, и прутья ее, как я понимал, были слишком крепки даже для моей сверхчеловеческой силы. Кажется, клетка находилась в стенной нише, и я смотрел из нее в очень белую комнату. Комната располагалась в подземелье, потому что пол, стены и потолок были сложены из громадных одинаковых глыб. По стенам висели полки с таинственными приборами, очевидно, научного предназначения; точно такие же полки громоздились на большом столе в центре комнаты. У стола сидел Катулос.

Чародей был одет в желтую, как змеиная кожа, накидку, его жуткие руки и голова гораздо больше напоминали змеиные, чем прежде. Он повернул в мою сторону голову с громадными желтыми глазами, похожими на живые огни, пергаментные губы шевельнулись, вероятно, изображая улыбку.

Я вскочил, выпрямился и, изрыгая проклятия, схватился за прутья.

– Где Гордон?! Будь ты проклят! Где Гордон?!

Катулос взял со стола пробирку, перелил ее содержимое в другой сосуд.

– А-а, мой друг пробуждается, – произнес обычный голос воскресшего мертвеца. Потом египтянин спрятал кисти рук в длинные рукава и поглядел на меня. – Я тут о тебе размышляю, – сказал он внятно. – Я создал чудовище Франкенштейна. Я сделал из тебя сверхчеловека, способного выполнять мои желания, а ты ступил на путь измены. Ты разрушаешь мою организацию еще почище, чем Гордон. Ты убил несколько моих ценных слуг и вмешался в мои планы. Но сегодня конец твоим козням. Твоему другу удалось убежать, но его преследуют в катакомбах, ему ни за что не спастись. А ты, – продолжал Катулос с искренним интересом ученого, – чрезвычайно любопытный субъект. Должно быть, твои мозги устроены иначе, чем у любого другого человека, когда-либо жившего на свете. Я их изучу и добавлю к своей коллекции. Каким образом человек, крайне нуждающийся в эликсире, продержался без него целых два дня – я совершенно не способен этого понять.

Сердце у меня так и подпрыгнуло. Маленькая Зулейка провела этого хитреца, он явно не знает, что она стащила целую фляжку живительного вещества.

– Последней порции, которую ты от меня получил, – продолжал Катулос, хватило бы часов на восемь. Повторяю, это ставит меня в тупик. У тебя есть какие-нибудь предположения?

Я молча щелкнул зубами. Он вздохнул.

– Вот, с варварами всегда так. Правильно говорит пословица: «Пошуту с раненым тигром и пригрей на груди змею, прежде чем тебе захочется развивать разум невежественного варвара».

Некоторое время Катулос молча раздумывал. Я с тревогой наблюдал и заметил в нем смутную и странную перемену: длинные пальцы, торчащие из обшлагов, барабанили по столу, а в голосе прорывалось плохо скрываемое волнение.

– А ведь ты мог бы стать монархом при новом режиме, – огорошил он меня. – Да, при новом, но невероятно старом!

Сухой каркающий смех заставил меня содрогнуться.

Катулос склонил голову, будто прислушиваясь. Откуда-то издалека доносился гул гортанных голосов. Его губы растянулись в улыбке.

– Мои черные дети, – пробормотал он. – Это они рвут в клочья моего врага Гордона в туннеле. Вот они, мистер Костиген, мои истинные слуги, и это им в назидание я положил сегодня ночью Гордона на жертвенный алтарь. Я бы предпочел использовать его в качестве морской свинки для подтверждения некоторых моих теорий, но ведь нужно развлекать детей. Позже, с моей помощью, они перерастут детские суеверия и откажутся от идиотских обычаев, но пока их следует держать на мягком поводке.

Ну, и как вам понравились мои подземные коридоры, мистер Костиген? – неожиданно спросил он. – Вы о них подумали... что именно? Не сомневайтесь, что их создали белые дикари в средние века? Фу! Нет, эти Туннели много старше вашего мира! Они возникли при могущественных королях и царственных особах столько веков тому назад, что ваша голова даже не вместит такого числа. В то время на месте вашей захудалой деревушки Лондона возвышались башни императорского дворца. Все следы той древней столицы рассыпались в прах и исчезли, но эти коридоры... о-о, они проложены не простыми людьми, ха-ха! Из многих тысяч людишек, ежедневно кишащих над ними, никто не подозревает об их существовании, кроме меня и моих слуг, да и они знают далеко не все. Зулейка, например, о них не знает, потому что в последнее время я сомневаюсь в ее верности и в скором времени, безусловно, устрою показательную казнь.

Услышав эти слова, я изо всех сил бросился на прутья клетки, алая волна гнева и ненависти ослепила меня. Я схватился за стальные прутья и расшатывал их, пока вены на лбу не вздулись, а мускулы рук и плечей не затрещали. И от моей нечеловеческой ярости прутья согнулись, правда, совсем чуть-чуть. Наконец силы мои утекли, и я уселся, дрожа от изнеможения. Катулос непрерывно наблюдал за мной.

– Решетка крепкая, – констатировал он, и что-то похожее на облегчение прорвалось в его голосе. – Откровенно говоря, я предпочитаю находиться по эту сторону. Ведь ты – настоящая человекообразная обезьяна.

Катулос расхохотался.

– Но почему ты решил восстать против меня? – пронзительно воскликнул он. – Зачем вызывать меня на бой, ведь я – сам Катулос, я был великим чародеем еще в дни старой империи. А сейчас я непобедим! Волшебник и ученый среди невежественных дикарей! Ха-ха!

Я содрогнулся, и внезапно меня осенило. Катулос и сам наркоман. Какое адское зелье обладает достаточной силой, чтобы поддерживать в Хозяине жизнь и энергию, я не знал, да и не желал знать. Из всех невероятных тайн, которыми он обладал, я, хорошо изучив негодея, счел эту самой сверхъестественной и ужасной.

– Ты, жалкое ничтожество! – выкрикнул он, и лицо его исказилось. – Знаешь, кто я такой? Катулос из Египта! А-а! Меня знали в прежние деньки. Годы и столетия я царствовал в туманных приморских странах, пока море не поднялось и не затопило землю. Я умер, но не

так, как умирают люди: мы владели магическим искусством вечной жизни! Я хорошенько напился и уснул. Долго я спал в своем лакированном саркофаге! Моя плоть сморщилась и затвердела, кровь высохла в сосудах. Я уподобился мертвецу. Но во мне все еще тлела искра жизни, я спал, но предчувствовал пробуждение. Большие города рассыпались в прах. Море поглотило землю. Высоченные храмы и стройные шпили сгнули под зелеными волнами. Все это я видел и понимал, как человек видит и понимает сны. Катулос из Египта? Чушь! Нет уж – Катулос из Атлантиды!

Я невольно вскрикнул. Все это звучало слишком страшно.

– Да, я чародей, волшебник! И все долгие века тьмы, когда народы тщетно пытались выйти из варварства без мудрых хозяев, жила легенда о днях империи, когда представитель Старой Расы поднимется со дна морского. Да, поднимется и приведет к победе черный народ, который в былые годы подчинялся нам. Все эти цветные и желтые... почему я связался с ними? Чернокожие были когда-то рабами нашего народа, а теперь я стал их богом. Они меня слушаются. Желтые и цветные – просто дурни, я превращаю их в свои орудия, но настанет день, когда мои чернокожие воины пойдут против них и перебьют всех до последнего, по одному моему слову. А вы, белые варвары, чьи предки – обезьяны, всегда воевали с моим племенем и со мной – ваша судьба решится скоро! И когда я сяду на вселенский трон, останутся в живых только те белые, которые захотят стать рабами!

И вот он пришел, день, когда сбылось пророчество и мой саркофаг выплыл из гробницы, где он лежал еще с тех времен, когда Атлантида господствовала над миром. Так вот, наконец-то морские приливы подняли мой гроб на поверхность и сорвали с него водоросли, которые скрывают древние храмы и минареты. И он поплыл мимо стройных сапфировых и золотых башен, чтобы подняться на поверхность зеленых волн морских.

И тут-то появился белый дурень, выполнивший повеление судьбы, о чем он и не подозревал. Его матросы, истинные верующие, поняли, что время пришло. Мне в ноздри проник воздух, и я очнулся от долгого-долгого сна. Я ожил и, поднявшись среди ночи, убил глупца, который выловил меня из океана. А его люди присягнули мне на верность и увезли меня в Африку, где я прожил некоторое время, выучил языки и обычаи нового мира и набрался сил.

Мудрость вашего мрачного мира! Ха-ха! Я проник в тайны старого времени глубже, чем любой ученый! Я знаю все, что известно сегодня людям, и эти знания по сравнению с теми, которые я пронес сквозь столетия, – песчинка рядом с горой! Знал бы ты хоть крупицу этой мудрости! Благодаря ей я вынес тебя из ада, чтобы швырнуть в другой, еще более ужасный. Олух! Ведь я способен вытащить тебя и из этой преисподней! Да, вот что может стряхнуть те цепи, которыми я тебя сковал!

Катулос схватил со стола золотой флакон и потряс им. Мой взгляд впился в этот флакон, – так человек, умирая от жажды в пустыне, пожирает глазами далекие миражи. Катулос спокойно глядел на меня. Казалось, его покинуло неестественное возбуждение. Когда он заговорил опять, это была бесстрастная, взвешенная речь ученого.

– Это и в самом деле будет стоящий эксперимент— освободить тебя от привычки к эликсиру и посмотреть, изменится ли разрушенное наркотиком тело. Девять из десяти жертв в подобных случаях умирают – но ты у нас такой богатырь...

Катулос глубоко вздохнул и поставил флакон.

– Человек мечтаний противостоит человеку судьбы. Мое время мне не принадлежит, не то я выбрал бы участь затворника этой лаборатории, ставил бы здесь различные

эксперименты. Но теперь, как в дни древней империи, когда монархи просили моего совета, я должен трудиться на благо всей расы. О, мне нужно работать, сеять семена славы, чтобы не наступили дни, когда море сделает всех подданных империи мертвецами.

Я вздрогнул. Катулос опять неистово расхохотался. Его пальцы снова принялись выстукивать барабанную дробь на спинке стула, лицо озарилось неестественным светом.

– Под зелеными волнами лежат они, древние господа и хозяева, в лакированных саркофагах, и люди считают их мертвыми, но они всего лишь спят. Спят долгие столетия, как часы с будильником, – чтобы однажды проснуться! Древние мудрецы, они предвидели день, когда море поглотит сушу, и давно к этому приготовились. Они решили снова подняться в грядущие времена варварства. Так произошло со мной. Они лежат и видят сны, древние чародеи и суровые монархи, умершие, как умирают люди, потому что Атлантиду затопило море. Их тоже залила вода, пока они спали, но они всплывут!

Я проснулся самым первым из них. Слава достанется мне! Я искал древние города на берегах, которые не скрылись под водой. Но они исчезли, их нет давным-давно. Варварские племена смели их с лица земли тысячелетия назад, а чудесный материк затопили зеленые воды. На месте некоторых городов и стран пролегли бесплодные пустыни. А вместо других, как, например, здесь, поднялись молодые варварские города.

Неожиданно Катулос умолк. Его глаза внимательно всматривались в темное отверстие, за которым лежал подземный коридор. Вероятно, чудовищная интуиция предостерегала его о приближении неясной опасности, но думаю, он никак не подозревал, насколько драматично прервется наш диалог.

Пока Катулос вглядывался, в дверном проеме возник человек – взъерошенный, ободранный и окровавленный. Джон Гордон! Катулос с криком вскочил, а Гордон, едва дыша от изнеможения, поднял пистолет и выстрелил в упор. Катулос покачнулся, прижав руки к груди, затем, судорожно пытаясь что-то нащупать, отступил к стене и упал рядом с ней. На этом месте как раз оказалась дверь, и Катулос из последних сил пополз к ней, Гордон перелетел через всю комнату одним свирепым прыжком, но наткнулся только на гладкую каменную поверхность, которая не поддавалась никаким его усилиям.

Гордон резко повернулся и, шатаясь, словно пьяный, подбежал к столу, где валялась оброненная Хозяином связка ключей.

– Флакон! – заорал я. – Возьмите этот флакон!

И он положил сосуд себе в карман.

Позади, в коридоре, которым прошел Гордон, раздался слабый гомон, быстро перерастающий в дикий шум, точно выла стая волков. Несколько драгоценных секунд ушло на выбор нужного ключа, затем дверца клетки распахнулась, и я выскочил. Ну и зрелище представляли собой мы оба! Исхлестанные, все в синяках и порезах, одежда клочьями. Из моих ран от резких телодвижений снова потекла кровь, а руки совершенно онемели, и я догадался, что повреждены суставы. Что до Гордона, то он был в крови с головы до пят.

Мы устремились по коридору в сторону, противоположную той, откуда доносился угрожающий шум: я понял, что это со всех ног нас преследуют слуги Хозяина. Я не имел ни малейшего представления о том, куда мы направлялись. Сверхчеловеческая энергия исчерпалась, одна лишь сила воли удерживала меня на ногах. Мы свернули в другой коридор, но не сделали и двадцати шагов, как я оглянулся и увидел первого из черных дьяволов.

Из последних сил мы чуточку увеличили скорость. Но негры уже увидели нас, и раздался

яростный вой, очень быстро перешедший в зловещее молчание, так как все силы они вкладывали в попытку догнать нас. Впереди, совсем близко, мы неясно увидели в сумраке ступени. Если бы до них добежать... Но тут мы заметили еще кое-что.

С потолка между нами и лестницей свисал странный крупный предмет, что-то вроде опускной решетки. В тот же миг, когда мы ее заметили, она пришла в движение.

– Сейчас опустится, – прохрипел Гордон. Его залитое кровью лицо выглядело гротесковой маской.

Всего какие-нибудь десять футов отделяли нас от чернокожих преследователей, но громадная решетка, набирая скорость, скрипя ржавым, давно не использовавшимся механизмом, двигалась вниз. Последний рывок, кошмарное усилие, от которого едва не разорвались наши сердца... Свет померк в моих глазах, но Гордон вцепился в меня и протаскил под решеткой, и она опустилась за нами!

С минуту мы лежали на месте, не обращая внимания на орду, которая бесновалась по другую сторону решетки. Мы проскочили поистине на волосок от гибели – прутья решетки пригвоздили к полу наши лохмотья.

Чернокожие пытались достать нас кинжалами, но не могли дотянуться. Какое счастье, думал я, что лежу здесь, пусть даже теперь умру от потери сил. Но Гордон уже поднялся на ноги и потащил меня за собой.

– Надо отсюда выбираться... – прохрипел он, – предупредить... Скотланд-Ярд... катакомбы в центре Лондона... взрывчатка... оружие, боеприпасы...

Мы с трудом вскарабкались по ступенькам, и я, кажется, услышал, как где-то впереди скрежещет металл о металл. Неожиданно лестница вывела нас на площадку, с другой стороны высилась глухая стена. Гордон ударил в эту стену, и тут же отворилась потайная дверь. В помещение падал свет через зарешеченное оконце. Люди в мундирах лондонской полиции усердно пилили решетку; даже приветствуя нас, они не отрывались от работы. И вскоре появилось отверстие, через которое мы благополучно выползли наружу.

– Вы ранены, сэр? – один из полисменов протянул Гордону руку.

Мой товарищ оттолкнул его.

– Нельзя терять ни минуты! Выбираемся отсюда, и как можно быстрее!

Тут я заметил, что мы находимся в подвале. Мы поспешили вверх по лестнице и вышли в ранний рассвет, восток уже окрасился алым. Я поднял голову и увидел высокое обшарпанное здание, оно было значительно выше соседних домов. Я инстинктивно почувствовал, что именно на его крыше накануне ночью разыгралась дикая драма.

– Несколько месяцев назад это здание арендовал какой-то таинственный китаец. – Гордон поймал мой взгляд. – Сначала тут были конторы, но квартал обветшал, и это здание долгое время простояло незанятым. Новый арендатор достроил несколько этажей, но, судя по всему, не нашел им применения. Некоторое время назад я тут все осмотрел.

Мы шли по тротуару, и Гордон говорил в своей обычной резкой, торопливой манере. Я слушал в пол-уха – как в трансе. Мои силы быстро убывали, и я знал, что могу упасть в любую минуту.

– Соседи рассказывали о странных звуках и необычных зрелищах. Владелец подвала, только что нами покинутого, слышал непонятный шум за подвальной стеной и вызвал полицию. А в это время я носился по этим распроклятым коридорам, точно затравленная крыса, и слышал, как полиция барабанит в стену. Я нашел потайную дверь, но за ней оказалась решетка. Именно в тот момент, когда я объяснял ошеломленным полисменам, что

им следует найти ножовку по металлу, чертовы негры, от которых мне удалось ненадолго ускользнуть, появились, и я был вынужден хлопнуть дверью и снова припустить по коридору. По чистой случайности я нашел вас, и по чистой случайности не сбился с дороги и снова вышел к этой двери. Теперь нужно добраться до Скотланд-Ярда. Если повезет, мы сумеем захватить целую банду головорезов. Я не убежден, что прикончил Катулоса и что его вообще можно убить оружием простых смертных. Но, насколько мне известно, вся шайка-лейка сейчас в подземных коридорах и...

И тут содрогнулся весь мир! Казалось, оглушительный рев разорвал небосвод в клочья. Дома зашатались и с грохотом обратились в руины; могучий столб дыма и пламени вырвался из-под земли, громадная масса осколков и обломков, как на крыльях, устремилась к небу. Все заволочло черной завесой дыма, пыли и падающих деревьев, гром не унимался, он исходил из самого центра земли, как будто падали все на свете стены и потолки. И среди этого адского шума я простерся ниц и потерял сознание.

Нет нужды подробно описывать кошмарные детали того лондонского утра. Всем известно о взрыве огромной силы, который снес с лица земли десятую часть великого города, погубив множество людей, а еще больше лишив крова. Следовало как-то объяснить такую грандиозную катастрофу; посему история покинутого здания стала достоянием гласности, и по столице поползла уйма самых невероятных слухов. Наконец, дабы прекратить кривотолки, власти придумали неофициальную версию, будто дом служил тайной крепостью и местом встреч банде международных анархистов, и они хранили в подвале мощную взрывчатку. Предположительно, они сами ее и взорвали. В этой истории была доля истины, но угроза, таившаяся в том здании, далеко превосходила возможности анархистов.

Обо всем этом я узнал не скоро. Дело в том, что Гордон, когда я упал в беспамятстве, решил, что мне крайне нужен гашиш. С помощью ошеломленного полисмена он доставил меня к себе домой, а потом вернулся к месту взрыва. У себя в квартире он нашел Хансена и Зулейку, все еще прикованную к кровати. Гордон снял наручники и поручил девушке ухаживать за мной. На него самого навалилась куча других дел, так как Лондон превратился в разворошенный муравейник.

Придя, наконец, в себя, я посмотрел в Зулейкины глаза-звезды и молча улыбнулся. Она, припав к моей груди, гладила меня по голове и покрывала лицо поцелуями.

– Стивен! – Она все плакала, и ее горячие слезы орошали мне лицо.

У меня не было даже сил, чтобы обнять ее, но все-таки я справился с этой задачей. Мы лежали в полной тишине, нарушаемой только тяжелыми вздохами и рыданиями.

– Зулейка, я люблю тебя, – прошептал я.

– И я тебя люблю, Стивен. – Она всхлипнула. – О, как тяжело теперь расставаться! – но я умру вместе с тобой, Стивен, я не смогу жить без тебя!

– Дорогое мое дитя, – удивился Джон Гордон, который как раз вошел в комнату. – Костиген вовсе не собирается умирать. Мы дадим ему гашиша, чтобы поддержать некоторое время, а когда окрепнет, постепенно избавим от этой привычки.

– Вы не понимаете, сагиб, Стивену нужен вовсе не гашиш, а вещество, которое может дать только Хозяин. Но Хозяин мертв или сбежал, и Стивен обречен.

Гордон бросил на меня неуверенный взгляд. Выглядел он ужасно – краше в гроб кладут.

– Она права, Гордон, – вяло подтвердил я. – Я умираю. Катулос избавил меня от тяги к гашишу, он давал мне наркотик, который называется эликсиром. Только благодаря ему я и

жил. Зулейка украдала у него немного снадобья, но сегодня ночью я выпил остаток.

Я не ощущал жажды, я вообще не чувствовал ни морального, ни физического дискомфорта. Мой организм быстро засыпал, я уже прошел ту стадию, когда нехватка эликсира могла разорвать меня на куски. Мною владели только небывалая апатия и сонливость. Я знал, что умру, как только закрою глаза.

– Странный наркотик, этот эликсир, – с трудом произнес я. – Он возбуждает и вместе с тем затормаживает. А потом... жгучее желание выпить еще дозу... и это желание убивает.

– Проклятие! – в отчаянии воскликнул Гордон. – Костиген, вы долго так не выдержите! Скажите, что в сосуде, который я взял со стола египтянина?

– Хозяин поклялся, что эта жидкость освободит меня от проклятия, – вспомнил я. – Но, возможно, это тоже яд. Я и забыл о флаконе. Дайте-ка его сюда. Если я обречен, какая разница, от чего я умру?

– Да, пожалуйста! – Зулейка подскочила к Гордону с протянутой рукой.

Гордон вынул из кармана флакон, Зулейка вернулась ко мне и встала на колени, поднесла сосуд к моим губам, шепча на своем языке что-то ласковое и утешающее.

Я осушил флакон, но не почувствовал никакого интереса к происходящему. Слишком мало жизни во мне осталось, я почти ничего не замечал, не возьмусь даже вспомнить, какова была жидкость на вкус. Помню только, как почувствовал, будто во мне затлеет живительный огонек и медленно двинулся по кровеносным сосудам. Последнее, что я запомнил – это как Зулейка склонилась надо мной, глядя огромными глазами. Ее маленькая рука нырнула за пазуху. Я вспомнил ее клятву покончить с собой, если я умру, и попытался обезоружить девушку, хотел сказать Гордону, чтобы он отобрал кинжал. Но ни слова, ни жесты мне не давались, и я утонул в море темноты.

Затем – провал в памяти. Период абсолютного безмыслия и беспамятства. Говорят, часами я лежал, точно покойник, а Зулейка не покидала меня ни на секунду и боролась, как тигрица, когда ее заставляли отдохнуть.

Я унес ее образ в суровую страну пустоты, и эти милые глаза были первым, что я увидел, когда ко мне начало возвращаться сознание. Я был немощен, будто тяжелая болезнь изводила меня долгие месяцы. Но я жил, и мой организм не требовал искусственной стимуляции. Я улыбнулся моей любимой и, едва шевеля языком, произнес:

– Оставь кинжал в покое, моя маленькая Зулейка. Я собираюсь жить.

Она вскрикнула и, заливаясь смехом и слезами, упала на колени. Женщины – загадочные существа, поистине сотканые из сильных эмоций.

Вошел Гордон и пожал руку, которую я был не в силах приподнять.

– Теперь ваше исцеление можно смело доверить обычному врачу. Впервые с тех пор, как мы познакомились, у вас глаза совершенно нормального человека, пережившего сильное потрясение и нуждающегося в длительном отдыхе. Господи, дружище! Ведь вы через такое прошли, начиная с наркотиков!

– Расскажите все с начала, – попросил я. – Что с Катулосом? Погиб при взрыве?

– Не знаю, – мрачно ответил Гордон. – Но все катакомбы полностью разрушены. Я видел, как моя последняя пуля – последняя пуля в револьвере, отобранном у одного из преследователей – вошла в Хозяина, но не знаю, может ли Скорпион умереть от свинца. Сам ли он ценой своей жизни взорвал многие тонны взрывчатки, которой были завалены коридоры, или негры сделали это непреднамеренно – этого мы никогда не узнаем.

Бог мой, Костиген, видели вы когда-нибудь такие катакомбы? Остается лишь гадать, на

сколько миль в каждом направлении тянулись эти коридоры. До сих пор агенты Скотланд-Ярда прочесывают подземные линии метро и подвалы в поисках потайных дверей. Все известные выходы, как тот, через который мы прошли, и на Сохо, сорок восемь, завалены обломками стен. Конторское здание превратилось в мелкий щебень.

– А как полицейские, которые прибыли на Сохо, сорок восемь?

– Дверь в библиотечной стене оказалась на запоре. Они нашли убитого вами китайца, но обыск дома ничего не дал. И слава Богу, иначе во время взрыва они бы наверняка погибли вместе с сотнями негров.

– Там, наверное, собрались все негры Лондона.

– Пожалуй. Большинство из них в душе идолопоклонники, а могущество Хозяина было невероятным. Они-то погибли, но что с ним? Разлетелся ли на мелкие кусочки или раздавлен обломками стен и потолка?

– Я полагаю, организовать поиски в подземных развалинах невозможно?

– Увы. Когда рухнули стены, потолок тоннеля не выдержал, и коридоры завалило землей и обломками камней. А на поверхности земли дома превратились в руины. Что произошло в этих ужасных коридорах – навсегда останется тайной.

Мой рассказ приближается к концу. Следующие месяцы прошли без ярких впечатлений, если не считать райского блаженства супружеской жизни, но вас бы утомил рассказ о нем.

Однажды мы с Гордоном вернулись к разговору о таинственной деятельности Хозяина.

– С того дня, – сказал Гордон, – в мире воцарилось спокойствие. Африка утихла, и Восток погрузился в свой обычный древний сон. Ответ может быть только один. Погиб Катулос или нет, но его власть уничтожена в то утро, когда вокруг него все обрушилось.

– Гордон, каков же ответ на самый главный вопрос?

Мой друг пожал плечами.

– Я уже верю, что человечество вечно блуждает по берегу океана, о котором оно ничего не знает. Расы и племена жили и исчезли, прежде чем мы поднялись на могилах первобытных народов, и похоже, другие народы будут жить на земле, когда исчезнем мы. Ученые давно придерживаются теории, что цивилизация Атлантиды была выше современной. Сам Катулос – доказательство того, что наши хваленые культура и знания не идут ни в какое сравнение с ужасным наследием атлантов.

Только его эксперименты с вами поставили в тупик весь научный мир. Никто из ученых не возьмется объяснить, как он снял зависимость от гашиша, заменив его более сильным наркотиком, а потом создав другое вещество, которое полностью ликвидировало воздействие предыдущих.

– Я должен благодарить его за две вещи, – сказал я не спеша. – За то, что я снова стал мужчиной, и за Зулейку. Катулос мертв, насколько может умереть живое существо. Но как насчет остальных – «древних хозяев», которые все еще спят на дне морском? – Гордон пожал плечами.

– Как я уже сказал, человечество бродит по краю невообразимой бездны. Сейчас целая флотилия канонерских лодок непрерывно патрулирует в океане, имея приказ немедленно уничтожить любой необычный на вид ящик, который появится за бортом. И, если мое слово хоть что-нибудь значит для английского правительства и наций всего мира, патрули будут ходить по морям до судного дня, пока не опустится занавес истории современных рас.

– Иногда Хозяева снятся мне по ночам, – признался я, – спят в лакированных саркофагах, облепленных водорослями, в зеленой пучине, где зловещие шпили и башни поднимаются из

темной бездны.

– Мы встретились лицом к лицу с древним ужасом, – торжественно произнес Гордон, – со страхом, слишком темным и таинственным, чтобы его мог осмыслить человеческий мозг. Нам повезло, но впредь счастье может отвернуться от человеческих сынов. Впредь надо быть настороже. Вселенная сотворена не для одних людей, жизнь проходит странные фразы, и первый инстинкт у разных биологических видов – уничтожать друг друга. Несомненно, мы казались Хозяину такими же жуткими, как и он – нам. Мы только дотронулись до сундука с накопленными природой тайнами, и я содрогаюсь, думая о том, какие еще сюрпризы хранятся в этом сундуке.

– Это верно, – сказал я, радуясь пробуждению моей исстрадавшейся души, – но люди будут достойно преодолевать препятствия по мере их появления, как они делали испокон веков. Зато я теперь полностью понимаю ценность жизни и любви, и все дьяволы, вместе взятые, не отнимут у меня этого сокровища.

Гордон улыбнулся.

– Быть посему, дружище. Теперь самое лучшее – забыть все недавние страхи, потому что впереди – свет и счастье.

Черная гончая Смерти

1. Убийца во мраке

Египетская тьма! Эта фраза чересчур красноречива для ощущения полного покоя, поскольку подразумевает не только крошечную темень, но и населяющие ее невидимые существа из тех, что спуют во мраке, избегая солнечного света и хищно бродят где-то за пределами обыденной жизни.

Такого рода мысли проносились в моей голове однажды ночью, когда я наощупь пробирался по узкой тропе, петляющей в глуши соснового леса. Эти мысли, скорее всего, сопутствуют любому человеку, осмелившемуся вторгнуться ночью в ту глухую часть орошаемой реками лесистой территории, которую чернокожие по некой загадочной расовой причине называют «Египтом».

Можно сказать, что по эту сторону лишенной света адской бездны нет тьмы кроменее абсолютного мрака сосновых лесов. Казалось, еле угадываемая тропа петляет меж осязаемых «стен» эбенового дерева. Моему торопливому, по мере сил, продвижению по тропе помогало чутье обитателя сосновых лесов, но к спешке примешивалась крайняя осторожность, а мой слух приобрел почти невероятную чуткость. Подобная осмотрительность возникла во мне отнюдь не благодаря жутким размышлениям, навеянным темнотой и тишиной. Для осторожности у меня была веская материальная причина. Пусть по земным дебрям бродят привидения с зияющими окровавленными глотками и людоедским голодом, как уверяют негры, но я опасался вовсе не привидений. Я прислушивался к треску веточки под огромной плоской стопой, к любому звуку, предшествующему нападению убийцы из черного мрака. Существо, которого я опасался, внушало Египту страх несравнимо больший, нежели любой бормочущий призрак.

Этим утром из цепких рук закона вырвался опаснейший негр-душегуб, отяготивший свою совесть ужасными убийствами. Заросшие кустарником берега реки вниз по течению прочесывали ищейки, за которыми следовали суровые мужчины с ружьями.

Они искали его возле рассеянных черных поселений, зная, что негр стремится в нужде к людям своего племени. Но я знал Топа Брэкстона лучше них; я знал, что он отличался от характерного типа своей расы. Он был необычайно примитивен и атавистичен в достаточной мере, чтобы ринуться в необитаемые дебри природы и жить подобно

обезумевшей от крови горилле в одиночестве, способном устроить и измучить более заурядного представителя его народа.

Поэтому, в то время, как охота продвигалась в другом направлении, я выехал верхом к Египту, один. Но я углубился в эту необитаемую местность не только ради поисков Брэкстона. Моей целью было предупредить, а не искать. В глуши соснового лабиринта уединенно жил белый человек со своим слугой и любой обязан был предупредить их о том, что неподалеку от их хижины мог затаиться только что проливший кровь убийца.

Возможно, я был глуп, продолжив путь пешком, но мужчины под фамилией «Гарфилд» не привыкли откладывать дело на полдороге. Когда мой конь вдруг захромал, я оставил его у одной из негритянских хижин, граничащих с территорией Египта и пошел дальше пешком. Ночь застала меня на тропе и я намеревался остаться до утра у человека, которого собирался предупредить у Ричарда Брента. Он был угрюмым отшельником, подозрительным и чудаковатым, но вряд ли откажет мне в приюте на ночь. Brent был загадочным типом – никто не знал, почему он решил уединиться в южной части соснового леса. Он прожил в старой хижине в сердце Египта около шести месяцев.

Неожиданно, мои размышления о таинственном отшельнике мгновенно вылетели у меня из головы. Я замер на месте, ощущая нервный зуд тыльными сторонами рук. Это было вызвано пронзительным воплем в темноте, пронизанным мучительным страхом. Он послышался где-то впереди меня, и вслед за воплем наступила мертвая тишина, когда, казалось, весь лес затаил дыхание и тьма еще более сгустила свой мрак.

Вопль повторился, на этот раз ближе. Затем я услышал топот босых ног по тропе и из темноты на меня набросилась чья-то тень.

Револьвер был у меня в руке и я машинально выставил его перед собой, чтобы отпугнуть нападающего. Единственным, что удержало меня оттого, чтобы нажать на курок, было тяжелое прерывистое дыхание чужака – признак испуга и боли. Вне себя от страха мужчина налетел на меня и, вскрикнув, рухнул навзничь.

– О Боже, спаси меня! – всхлипывая захныкал он. – Боже, сжался надо мной!

– Что за чертовщина? – осведомился я, чувствуя, как от его мучительного бормотания шевелятся волосы на моей голове.

Несчастный узнал мой голос и попытался обхватить мои колени.

– Ох, масса Кирби, не дайте ему поймать меня! Он уже убил мое тело, а теперь хочет мою душу! Это я – бедный Джим Тайк. Не дайте ему схватить меня!

Я зажег спичку и смотрел на него в изумлении, пока она не догорела до самых пальцев. Чернокожий валялся передо мной в пыли, закатывая глаза. Я хорошо знал его – один из негров, живущих в крошечных бревенчатых хижинах на окраине Египта. Джим был обильно обрызган кровью и я предположил, что он смертельно ранен. Лишь всплеск энергии, вызванный лихорадочной паникой позволил ему пробежать немалое расстояние. Кровь хлестала из порванных вен и артерий в его груди, плечах и шее, а раны выглядели ужасно – рваные дыры, сделанные отнюдь не пулей или ножом. Одно ухо было оторвано и висело на огромном куске плоти, как будто вырванном из его челюсти и шеи клыками гигантского зверя.

– Кто это сделал? – воскликнул я, когда догорела спичка и негр превратился в маячившее у земли еле различимое пятно. – Медведь? Произнося это, я вспомнил, что ни одного медведя не видели в Египте вот уже тридцать лет.

– Это он! – донеслось из темноты снизу хриплое всхлипывающее бормотание. – Белый человек пришел в мою хижину и попросил проводить его к дому мистера Брента. Он сказал, что у него болит зуб и поэтому перевязана голова, но бинты сползли и я увидел его лицо – за это он меня и убил.

– Хочешь сказать, что он натравил на тебя собак? – спросил я, поскольку его раны напоминали то, что я видел на затравленных свирепыми псами животных.

– Нет, сэр, – еле слышно всхлипнул негр. – Он сделал это сам – а-а-а!

Бормотание оборвалось воплем, когда смутно различимый в темноте Джим повернул голову и уставился туда, откуда пришел. Смерть, по-видимому, настигла его в момент вопля, потому что он оборвался на верхней ноте. Бедняга судорожно дернулся, как сшибленный грузовиком пес, и застыл недвижимый.

Я всмотрелся в темноту и разглядел на тропе, в нескольких ярдах от себя смутные очертания фигуры. Она казалась высокой и прямой, походила на человека и хранила молчание. Я хотел было окликнуть неизвестного, но вдруг неопиcуемый ужас окатил меня ледяной волной, приморозив язык к небу. Это был первобытный и парализующий страх, но я не мог понять, почему эта безмолвная и неподвижная тень внушила мне такой беспричинный ужас.

Фигура вдруг быстро двинулась ко мне и я сумел вымолвить:

– Кто ты?

Ответа не было, но тень прибавила шагу и, пока я нашаривал спичку, приблизилась почти вплотную. Я чиркнул спичкой – и тень со свирепым рычанием кинулась на меня, спичка была вырвана из моих пальцев и погасла, а я почувствовал сбоку на шее острую боль. Мой револьвер почти сам по себе наугад выпалил и его вспышка ослепила меня, не позволив рассмотреть высокую человекоподобную фигуру, с треском бросившуюся в заросли, после чего мне оставалось лишь пошатываясь побрести по лесной тропе дальше.

Чертыхаясь, я отыскал очередную спичку. Кровь сбегала по моему плечу, напивая рубаху. Чиркнув спичкой, я осмотрел рану и по моей спине пробежал холодок. Рубаха была порвана и тело под ней слегка оцарапано; рана казалась незначительной, но меня охватил неведомый доселе ужас, потому что рана напомнила мне те, что были на несчастном Джиме.

2. Мертвецы с порванными глотками

Джим Тайк был мертв, он лежал ничком в луже собственной крови, пьяно раскинув испачканные красным конечности. Я с опаской всмотрелся в окружающий лес, спрятавший в себе убившее беднягу существо. Я уже знал, что это был человек – силуэт в пламени спички несомненно принадлежал человеку. Но что за оружие могло нанести рану похожую на безжалостную хватку огромных зубов хищного зверя? Я покачал головой, припоминая изобретательность рода человеческого в создании орудий смерти, затем переключился на более насущную проблему. Рискнуть ли мне жизнью, продолжив свой путь, или вернуться во «внешний мир», чтобы привести с собой людей и собак, вытащить труп несчастного Джима и начать охоту на его убийцу?

Не теряя времени на сомнения, я решил завершить свой замысел. Если кроме Топа Брэкстона в сосновых лесах рыщет еще один жестокий преступник, то тем более необходимо предупредить людей в одинокой хижине. Что касалось грозившей мне опасности, я был уже более, чем на полпути к хижине и вряд ли опаснее идти вперед, нежели вернуться назад. Если я поверну и покину Египет живым прежде, чем подниму тревогу – в одинокой хижине под черными соснами может случиться что угодно.

Поэтому я оставил тело Джима Тайка на тропе и продолжил путь с револьвером в руке и обостренным новой опасностью чутьем. Тот человек не был Брэкстоном; я поверил покойному, что напавший был таинственным белым я узнал бы приземистого обезьяноподобного Брэкстона даже в темноте. Напавший на меня был высоким и тощим, меня снова охватила беспричинная дрожь при одном воспоминании о его поджарой фигуре.

Идти по черной лесной тропе под скудным светом звезд, пробивающимся сквозь плотные заросли и подозревая, что безжалостный убийца прячется где-то совсем близко в темноте, неприятно. Воспоминание о зверски убитом чернокожем огнем горело у меня в мозгу. Капли пота усеяли мое лицо и руки, я десятки раз оглядывался, впиваясь взором в темноту и ловя шуршание листьев и хруст веточек – откуда мне знать, были то естественный звуки леса или крадущиеся шаги убийцы?

Однажды я остановился, ощущая как по коже пробежали мурашки, потому что вдалеке, среди черных сосен, я заметил бледный жутковатый огонек. Он постепенно перемещался, но был слишком далек от меня, чтобы я мог определить его источник. Чувствуя неприятное потрескивание в волосах, я ждал сам не зная чего, но вскоре таинственный огонек исчез. Меня так взволновали эти необычные события, что я не сразу догадался о том, что свет мог быть факелом из сосновой ветки в руке идущего человека. Я заспешил дальше, ругая себя за собственные страхи, поражающие своей неопределенностью. Опасность была чуждой для меня в этой стране вражды и насилия, где вековые распри тлеют на протяжении поколений. Угроза пули или ножа открыто или из засады никогда еще не заставляли меня содрогнуться, но теперь я понял, что боюсь – боюсь чего-то непонятного, необъяснимого...

Увидев среди деревьев хижину Ричарда Брента, я облегченно вздохнул, но не ослабил бдительности. Многие оглушенные опасностью люди погибали буквально на пороге безопасности. Постучав в дверь, я отступил в сторону, всматриваясь в окаймляющие крошечную поляну тени, казалось, отражающие слабый свет из закрытых ставнями окон.

– Кто там? – послышался изнутри низкий грубый голос. – Это ты, Эшли?

– Нет, это я – Кирби Гарфилд. Открой дверь.

Верхняя половина двери распахнулась внутрь и в проеме появился силуэт головы и плеч

Ричарда Брента. Свет позади него оставлял почти все лицо Брента в тени, но не мог скрыть жестких изможденных черт его лица и блеска серых глаз.

– Что тебе нужно так поздно ночью? – осведомился он с обычной для него лаконичностью.

Я ответил кратко, потому что мне не нравился этот человек; в нашей местности вежливость – обязанность, которой не пренебрегает ни один джентльмен.

– Я пришел сказать тебе, что в этих краях вполне может появиться опаснейший негр, Топ Брэкстон. Сегодня утром он убил констебля Джо Сорли и одного доверенного заключенного, а затем удрал из тюрьмы. По-моему, он прячется где-то в Египте. Я счел нужным предупредить тебя.

– Что ж, ты меня предупредил, – рявкнул он с присущей жителям восточных штатов краткостью. – Почему бы тебе не уйти?

– Потому что я не собираюсь возвращаться через лес ночью, – сердито ответил я. – Мне хотелось предупредить тебя не из сочувствия, а потому что ты – белый. По меньшей мере, ты должен приютить меня в своем доме до утра. Все что мне нужно – подстилка на пол, можешь даже не предлагать мне ужин.

Последнее прозвучало оскорблением, от которого я не смог удержаться; по крайней мере, в лесах это считают оскорблением. Но Ричард Brent проигнорировал мой выпад в сторону его скарденности и черствости. Он нахмурился уставился на меня, и я по-прежнему не видел его рук.

– Ты не встречал на дороге Эшли? – спросил он наконец.

Эшли был его слуга, такой же мрачный тип, как и хозяин. Раз в месяц Эшли ездил в одну из отдаленных около речных деревень за припасами.

– Нет. Наверное, он был в деревне и выехал оттуда после меня.

– Кажется, мне придется все-таки впустить тебя, – тихо проворчал он.

– Тогда поторопись, – сказал я. – У меня ранено плечо, я хотел бы промыть и перевязать его. Сегодня ночью охотится на людей не только Топ Брэкстон.

Услышав это, он вдруг перестал возиться с нижней половиной двери и его физиономия изменилась.

– А ну поясни!

– В миле отсюда лежит на тропе мертвый негр. Тот, кто убил его, пытался прикончить и меня. Может, он охотится на тебя – откуда мне знать? Черномазый, которого он убил, вел его сюда...

* * *

Ричард Brent дернулся и лицо его посинело.

– Кто... о ком ты болтаешь? – Его голос дрогнул и неожиданно сорвался на фальцет. – Что за человек?

– Не знаю. Этот тип ухитряется распарывать свои жертвы как гончая.

– Гончая! – едва не завопил он и его физиономия ужасно исказилась: глаза вылезли из орбит, жесткие волосы приподнялись дыбом на черепе, а кожа приобрела пепельный оттенок. Губы Брента раздвинулись, обнажая зубы в дьявольский усмешке страха.

– Убирайся! – задыхаясь выдавил он. – Теперь я понял! Я понял, почему ты хотел попасть в мой дом! Ты проклятый дьявол! Это он послал тебя! Ты шпион! Уходи! – Последнее слово прозвучало воплем, руки Брента, наконец, поднялись над нижней половиной двери и я

заглянул в огромные дула обреза дробовика.

– Уходи, пока я не убил тебя! Я шагнул назад с крыльца, покрываясь мурашками при мысли о том, что мог наделать выстрел в упор из этого смертоносного оружия. Черные дыры и маячившее за ними лиловое искаженное лицо обещали ежесекундную гибель.

– Проклятый глупец! – пробурчал я, нарываясь на ужасную неприятность. – Поосторожней с этой штукой – я ухожу. Предпочитаю иметь дело с убийцей, нежели с сумасшедшим.

Брент промолчал. Задыхаясь и дрожа как в лихорадке, он затаился за своим дробовиком, следя за тем, как я поворачиваюсь и покидаю поляну. Очутившись среди деревьев, я мог бы обернуться и подстрелить его без особого опасения, поскольку мой 45 калибр превосходил дальностью боя его рассеивающий дробь обрез. Но я пришел сюда, чтобы предупредить этого глупца, а не убивать его.

Верхняя половина двери захлопнулась, когда я вошел в лес и поток света исчез. Я обнажил револьвер и снова зашагал по темной тропе, прислушиваясь к малейшим звукам под черными ветвями.

Мои мысли сосредоточились на Ричарде Бренте. Тот, кто искал дорогу к его дому наверняка не был его другом! Лихорадочный страх хозяина хижины граничил с безумием. Я задался вопросом, не от этого ли человека Брент прячется в глухой части соснового леса, граничащей с рекой. Наверняка этот отшельник кого-то избегал, поскольку он никогда не скрывал ненависти к этой стране и презрения к аборигенам, черным и белым. Но я никогда не верил, что Брент – преступник, прячущийся от правосудия.

Свет за моей спиной окончательно исчез и меня охватило странное леденящее чувство – как будто исчезновение этого света, пусть от враждебного источника, отсекло единственное звено, соединяющее кошмарное приключение с миром здравого смысла и человечности. Угрюмо взяв себя в руки, я продолжал свой путь по тропе. Но пройдя совсем немного, снова замер.

На этот раз то был безошибочный звук повозки: грохот колес сливался со стуком копыт. Кто мог ехать по ночной тропе в повозке, кроме Эшли? Но я мгновенно сообразил, что упряжка двигалась в противоположном направлении. Звук быстро удалялся и вскоре почти затих.

Я озадаченно прибавил шагу и вскоре услышал впереди шум торопливых неверных шагов и судорожное дыхание, указывающее на чью-то панику. Я различил шаги двух человек, хотя непроницаемый мрак не позволял что-либо увидеть. На этом отрезке пути ветви переплетались над тропой, образуя черную арку, сквозь которую не проникал даже блеск звезд.

– Эй! – осторожно окликнул я. – Кто идет?

Звуки мигом стихли и представил себе темные тени, напряженно застывшие на месте, затаив дыхание.

– Кто вы? – повторил я. – Не бойтесь. Это я – Кирби Гарфилд.

– Стоя где стоишь! – послышался суровый голос, в котором я узнал голос Эшли. – Ты и впрямь похож на Гарфилда, но я хочу убедиться. Если двинешься, я угощу тебя свинцом.

Послышался слабый треск и вспыхнуло крошечное пламя. В его сиянии обрисовалась рука, а за ней квадратное жесткое лицо, всматривающегося в мою сторону Эшли. Отблеск пламени блеснул на револьвере в другой руке и на ней же покоилась чужая рука – узкая и белая, с блеснувшим на пальце драгоценным камнем. Я различил в темноте силуэт стройной

женской фигуры, ее лицо казалось во мраке бледным лепестком.

– Да, это вы, все в порядке, – проворчал Эшли. – Но что вы тут делаете?

– Я приходил предупредить Брента насчет Топа Брэкстона, – коротко пояснил я. Мне вообще не нравится давать кому-либо отчет в своих поступках. – Ты о нем, разумеется, слышал. Знай я, что ты в поселке, это сэкономило бы мне труды. А почему вы идете пешком?

– Наши лошади только что убежали, – ответил он. – На тропе лежал мертвый негр. Но не это напугало лошадей. Когда мы сошли, чтобы осмотреть тело, они всхрапнули, встали на дыбы и рванулись вместе с повозкой. Пришлось идти дальше пешими. Это весьма гнусный случай: негр выглядел так, будто его разорвала стая волков, а запах испугнул лошадей. Мы ожидали нападения каждую минуту.

– Волки не охотятся стаями и не нападают на людей в этих лесах. Джима убил не волк, а человек.

В гаснущем огоньке спички Эшли изумленно уставился на меня и вскоре я увидел, как изумление на его лице сменилось ужасом. Он постепенно побледнел и его бронзовая физиономия стала пепельной, как случилось прежде с его хозяином. Спичка погасла и мы застыли в молчании.

– Продолжай говорить, Эшли! – нетерпеливо потребовал я. – Кто эта леди?

– Она племянница мистера Брента, – равнодушно прошелестел он сухими губами.

– Я Глория Brent! – воскликнула девушка дрогнувшим от испуга голосом, манера речи которого не скрывала ее благородного происхождения. – Дядя Ричард телеграфировал мне, чтобы я приехала к нему немедленно...

– Я видел телеграмму, – пробормотал Эшли. – Вы показывали ее мне. Только я не знаю, как он ее отправил, ведь он не был в деревне уже несколько месяцев.

– Я приехала из Нью-Йорка при первой возможности! – заверила девушка. – Не понимаю, почему телеграмма была послана мне, а не любому другому члену семьи...

– Вы всегда были любимицей дяди, мисс, – пояснил Эшли.

– Сойдя с парохода у деревни поздно вечером, я обнаружила Эшли, собирающегося ехать домой. Он удивился, увидев меня, но конечно захватил меня с собой; ну а потом этот... мертвый негр на дороге.

Она казалась потрясенной случившимся. Очевидно, девушка воспитывалась в весьма утонченном и закрытом окружении. Родись она подобно мне в сосновых лесах, вид мертвеца, будь он белым или черным, показался бы ей довольно заурядным зрелищем.

– Тот м... мертвец, – заикаясь продолжала она, но в тот же миг получила ужасный «ответ».

Из черных зарослей у тропы возник леденящий кровь пронзительный смех. Вслед за ним донеслись всхлипывающие невнятные звуки, настолько странные и искаженные, что я не сразу узнал в них человеческую речь, от слов которой по моей спине пробежал холодок.

– Мертвецы! – завывал нечеловеческий голос. – Мертвецы с порванными глотками! Много мертвецов ляжет под соснами еще до рассвета! Мертвецы! Глупцы, можете считать себя мертвыми!

Мы с Эшли одновременно выпалили в направлении голоса и мерзкие завывания утонули в оглушительном грохоте наших выстрелов. Но загробный хохот прозвучал снова, на этот раз поодаль, в зарослях, а затем вокруг нас сомкнулась черным туманом тишина, в которой я расслышал лишь полуистерическое всхлипывание девушки. Она выпустила руку Эшли и отчаянно прижалась ко мне. Я чувствовал собою дрожь ее гибкого тела. Вероятно, она

последовала женскому инстинкту, диктующему поиск убежища у сильнейшего; пламя спички открыло ей, что я был мужчиной крупнее Эшли.

– Скорее, Бога ради! – придушенно прохрипел Эшли. – Это где-то неподалеку от хижины.

Скорее! Вы идете с нами, мистер Гарфилд?

– Кто это был? – тяжело дыша спросила девушка. – Или что это было?

– Думаю, сумасшедший, – ответил я, просовывая ее дрожащую маленькую руку себе под локоть. Но в глубине сознания рассудок нашептывал мне, что такой голос не принадлежит ни одному сумасшедшему. Он напоминал – Боже! напоминал хищного зверя, говорящего человеческими словами, но высказанными нечеловеческим языком!

– Иди по другую сторону мисс Brent, Эшли, – приказал я. – И держись как можно дальше от деревьев. Если что-то шевельнется с этой стороны, вначале стреляй, а потом спрашивай. Я займусь тем же со своей стороны. А теперь, вперед!

Слуга молча повиновался; он судорожно и тяжело дышал и был испуган куда сильнее, чем девушка. Тропа казалась бесконечной, тьма всеобъемлющей.

Страх шел с нами бок о бок и, ухмыляясь, смотрел нам в спину. Моя плоть холодела при мысли о дьявольском когтистом и клыкастом существе, готовом прыгнуть мне на плечи.

Маленькие ноги девушки едва касались земли, мы почти несли ее между нами. Эшли был почти с меня ростом и крепко сложен.

Наконец, между деревьями замаячил свет и с губ слуги слетел вздох облегчения. Он прибавил шагу, мы почти побежали.

– Вот и наша хижина, слава Богу! – выдохнул он, когда мы выскочили из леса.

– Позови своего хозяина, Эшли, – буркнул я. – Сегодня он уже прогнал меня своим ружьем. Я не хочу быть застреленным старым... – я смол, вспомнив о девушке.

– Мистер Brent, – крикнул Эшли. – Мистер Brent! Скорее откройте дверь! Это я – Эшли!

Мгновенно из распахнувшейся верхней половины двери хлынул поток света и выглянул Brent с дробовиком в руке. Он мигая уставился в темноту.

– Живо в дом! – Паника все еще дрожала в его голосе. – Кто стоит рядом с тобой?! – свирепо выкрикнул он.

– Мистер Гарфилд и ваша племянница, мисс Глория.

– Дядя Ричард! – воскликнула девушка и всхлипнула. Оставив нас, она бросилась вперед и, прижав гибкое тело к нижней половине двери, обняла его за шею. – Дядя Ричард, я так боюсь! Что все это значит?

Он стоял как громом пораженный.

– Глория! – повторил он. – Что, Бога ради, ты здесь делаешь?

– Но ты же сам послал за мной! – Она нашарила смятую желтую телеграмму. – Видишь? Ты просил меня приехать немедленно!

Лицо Brenta потемнело.

– Я ничего не посылал, Глория! Боже милостивый, с чего бы мне вздумалось тащить тебя в этот ад? Здесь случаются дьявольские вещи. Входи – живо в дом!

Он распахнул дверь и втащил ее внутрь, не выпуская из руки дробовика. Эшли протиснулся следом за ней, затем крикнул мне:

– Входите, мистер Гарфилд! Входите же!

Я не шевельнулся. Услышав мое имя, Brent, казалось, забывший о моем присутствии, с придушенным криком отскочил от девушки и вздернул свое ружье. Но на этот раз я был

наготове. Мои нервы слишком напряглись, чтобы продолжать сносить его наглость. Не успел он прицелиться, как уже смотрел в дуло моего 45-го калибра.

– Опустит ружье, Brent! – приказал я. – Брось его, иначе я прострелю тебе руку. Я сыт по горло твоими идиотскими подозрениями.

Он поколебался, выпучив глаза, а девушка за его спиной отпрянула. Пожалуй, в потоке света из открытой двери я не внашал юной девушке доверия – моя фигура подразумевала силу, но не была привлекательной, а мое загорелое лицо было иссечено шрамами жестоких речных побоищ.

– Он наш друг, мистер Brent, – вмешался Эшли. – Он помог нам в лесу.

– Он дьявол! – бушевал Brent, вцепившись в свое ружье, но не пытаюсь больше вскинуть его. – Он пришел сюда, чтобы предупредить нас о чернокожем. Но кто может быть настолько глуп, чтобы прийти в Египет ночью лишь за тем, чтобы предупредить чужака? Бог ты мой, неужели он одурачил и вас? Говорю вам, на нем клеймо гончей!

– Значит, вам известно, что он уже здесь! – воскликнул Эшли.

– Да. Этот демон сказал мне об этом, пытаюсь обманом проникнуть в дом. Господи, Эшли, он все же выследил нас, несмотря на все наши уловки. Мы в ловушке! В поселке мы могли купить себе защиту, но здесь, в этом проклятом лесу – кто услышит наши мольбы и окажет помощь, когда нас с тобой схватит дьявол? Что за глупцы мы были, надеясь спрятаться от него в этой глуши?

– Я слышал его смех, – содрогнулся Эшли. – Он дразнил нас из-за кустов голосом зверя. Я видел человека, которого он убил – разорванного и изуродованного будто клыками самого Сатаны. Что же нам теперь делать?

– Что еще, кроме как запереться и драться до конца?! – завопил Brent. Его нервы были в пугающем состоянии.

– Прошу вас, расскажите мне, что происходит? – взмолилась девушка.

С ужасным презрительным смехом Brent махнул рукой в сторону черного леса за освещенной поляной.

– Там прячется дьявол в человеческом облике! – воскликнул Brent. – Он выслеживал меня по всему свету и наконец загнал в угол. Ты помнишь Адама Гримма?

– Человека, отправившегося с тобой в Монголию пять лет назад? Но ты говорил, что он умер. Ведь ты вернулся без него.

– Я думал, что он умер, – пробормотал Brent. – Выслушай меня. Среди черных гор Внутренней Монголии, где не ступала нога белого человека, наша экспедиция была атакована фанатиками-дьяволопоклонниками, черными монахами Эрлика, обитающими в заброшенном и проклятом городе Ялган. Наши проводники и слуги были убиты, а наше стадо похищено, кроме одного маленького верблюда.

– Гримм и я оборонялись весь день, стреляли в нападающих из-за камней. Ночью мы решили пробиться на оставшемся верблюде, но мне ясно было, что животное не сможет спасти нас обоих. У одного из нас еще был шанс. Когда стемнело, я ударил Гримма из-за спины прикладом ружья и он упал без чувств. Потом я оседлал верблюда и бежал...

Brent не обращал внимания на неприязненное изумление на миловидном лице девушки. Она смотрела на дядю широко открытыми глазами, будто видя его в первый раз и была поражена тем, что увидела. Он продолжал рассказывать, слишком поглощенный своей историей и одержимый страхом, чтобы заботиться о переживаниях своей племянницы. Лишенная обычной лакированной оболочки душа не всегда являет собой приятное зрелище.

– Я пробился сквозь цепи осаждающих и бежал в ночь. Гримм, само собой, попал в руки дьяволопоклонников и много лет я считал его мертвым. По слухам, эти люди подвергали мучительной смерти каждого пойманного чужестранца. Прошли годы и я почти забыл о том случае, но вот, семь месяцев назад я узнал, что он жив – и даже находится в Америке, мечтая разделаться со мной. Монахи не убили его, они лишь изменили его своими дьявольскими трюками. Теперь он уже не совсем человек и одержим желанием уничтожить меня. Обращаться в полицию бесполезно: никакие полицейские не смогли бы помешать ему хитростями и уловками осуществить свою месть. Я больше месяца путешествовал по всей стране, убегая от него, как загнанное животное пока, наконец, не решил, что мне удалось сбить его со следа, найдя себе убежище в этой глуши, среди варваров, вроде таких типов, как этот Кирби Гарфилд!

– Не тебе говорить о варварах! – вспыхнула девушка с презрением, способным ранить душу любого мужчины, не будь он безоглядно погружен в собственные страхи.

Она повернулась ко мне.

– Мистер Гарфилд, пожалуйста войдите. Вы не должны возвращаться по этому лесу ночью, когда в нем рыщет этот демон.

– Нет! – взвизгнул Brent. – Отойди прочь от двери, дуреха! Эшли, придержи язык. Говорю вам, он один из чудовищ Адама Гримма! Он не переступит порога этого дома!

Бледная беспомощная девушка посмотрела на меня и я проникся жалостью к ней, а заодно презрением к Ричарду Brentу, племянница которого казалась такой маленькой и растерянной.

– Я скорее проведу ночь среди воющих волков, чем в твоей хижине! бросил я Brentу. – Я ухожу, а если ты выстрелишь мне в спину, я успею убить тебя прежде, чем умру. Я бы вообще не вернулся, не понадобись юной леди моя помощь. Она и сейчас нуждается в ней, но ты волен отказать ей в защите. Мисс Brent, – продолжал я, – если хотите, я вернусь завтра с телегой и отвезу вас в деревню. Вам лучше будет скорее вернуться в Нью-Йорк.

– Эшли отвезет ее в деревню, – прорычал Brent. – Уйдешь ты, черт побери, или нет?

Ответив ему презрительной усмешкой, от которой посинела его физиономия, я решительно повернулся и пошел прочь. За моей спиной хлопнула дверь, послышался визгливый голос хозяина и плачущие укоры его племянницы. Бедняжка, для нее это было кошмарным испытанием: быть выхваченной из привычной городской среды и очутиться в странной и примитивной, на ее взгляд, местности, среди невероятно грубых и склонных к насилию людей – а тут еще это кровавое, грозящее местью происшествие. Глухие сосновые леса юго-запада в любую пору кажутся странными и чуждыми обычному горожанину с востока, а появление мрачного призрака из безмятежного прошлого лишь усилило их угрюмую и таинственную атмосферу, привнеся в нее ощущение кошмара.

Я остановился на тропе и, повернувшись, посмотрел на все еще мигающий среди деревьев огонек. Над хижинкой на крошечной поляне нависла роковая угроза и белому человеку не подошло оставлять эту девушку под опекой ненормального дяди и его слуги. Эшли казался бойцом, но Brent был непредсказуем. Я полагал, что его уже коснулось сумасшествие. На это указывали его безумные приступы ярости и столь же безумная подозрительность. Я не сочувствовал ему. Мужчина, предавший друга, чтобы спасти собственную жизнь, заслуживает смерти.

Но очевидно Гримм тоже сумасшедший: о его кровавой одержимости говорило жестокое

убийство Джима. Несчастный Джим Тайк ничем не провинился перед ним. Я убил бы Гримма за одно только это преступление, будь у меня возможность. И я не намерен был допустить, чтобы девушка пострадала за грехи своего дяди. Если Brent не отправлял телеграмму, как он поклялся, то похоже, девушку вызвали сюда с какой-то зловещей целью. Кто, кроме Гримма мог призвать девушку, чтобы заставить ее разделить судьбу, предназначенную им для Ричарда Brentа?

Я зашагал назад по тропе. Если мне не войти в хижину, то я, по крайней мере, могу спрятаться где-то неподалеку и быть наготове на тот случай, если понадобится моя помощь. Вскоре я притаился под окаймлявшими поляну деревьями.

Свет все еще проникал через щели в ставнях, а в одном месте была видна часть окна. Неожиданно оконное стекло разлетелось прямо на моих глазах, будто в него чем-то швырнули и ночь в тот же миг осветилась ослепительным пламенем, вырвавшимся из дверей, окон и дымовой трубы дома. На крошечную долю секунды передо мной мелькнул черный силуэт на фоне ярких языков пламени и одновременно пришла мысль о том, что хижину взорвали – но взрыв был беззвучным.

Яркая вспышка все еще стояла перед моими глазами, когда вселенную заполнил ослепительными искрами новый взрыв – на этот раз сопровождаемый громовым раскатом. Сознание вдруг покинуло меня и я даже не успел понять, что получил внезапный ужасной силы удар по голове сзади.

3. Черные руки

Вначале в моем пробуждающемся сознании забрезжил мерцающий огонек. Я зажмурился, потряхнул головой и вдруг окончательно очнулся. Я лежал навзничь на маленькой прогалине, окруженной башнями черных деревьев, на которых играли блики колеблющегося пламени от воткнутого рядом со мной в землю факела. Моя голова пульсировала болью, кожу на ней стянула запекшаяся кровь, а мои вытянутые вперед руки были скованы наручниками. Одежда на мне была порвана, а тело саднило, будто меня грубо волокли через кустарник.

Надо мной высилась сидящая на корточках огромная черная фигура – негр среднего роста, но невероятно широкоплечий и коренастый, одетый лишь в рваные и испачканные глиной бриджи – Топ Брэкстон. В каждой руке он держал по револьверу, из которых целил попеременно в меня, прищуривая глаз над стволами. Один был мой, другой принадлежал констеблю, которому Брэкстон выбил утром мозги.

С минуту я лежал неподвижно, следя за игрой пламени факела на его огромном черном торсе. Блики света превращали его гигантское тело то в сияющее эбеновое дерево, то в тусклую бронзу. Он походил на существо из адской бездны, откуда выполз тысячелетия назад род человеческий. Свиристость негра отражалась в бугрящихся на мощных, по обезьяньему длинных руках мышцах, огромных плечах и конической голове, сидящей на колоннообразной шее. Широкие плоские ноздри, тусклые глаза, толстые губы, обнажающие смахивающие на клыки зубы – все говорило о родстве этого человека с его первобытными предками.

– Как, черт побери, ты ввязался в этот кошмар? – спросил я.

Он оскалился в обезьяньей ухмылке.

– Тебе и впрямь пора было оклематься, Кирби, – процедил он. – Я хотел, чтобы ты очнулся и увидел того, кто убьет тебя. А потом я ворочусь и погляжу, как миста Гримм угробит старика и девчонку.

– О чем ты болтаешь, черный дьявол? – строго проговорил я. – Гримм? Что ты о нем знаешь?

– Я повстречал его в глухих дебрях после того, как он убил Джима Тайка. Слышу пальбу, иду поглядеть с факелом – думал, кто-то гонится за мной. И встречаю мисту Гримма.

– Так это тебя я видел с факелом, – проворчал я.

– Миста Гримм очень умный. Говорит, если я помогу ему прикончить кое-кого, он поможет мне удрать. Потом берет бомбу и швыряет в хижину, но бомба не убивает тех людей, а только парализует их. Я слежу за дорогой и оглушаю тебя, когда ты идешь назад. Но того парня, Эшли, не парализовало; тогда миста Гримм берет, да и выкусывает ему глотку, как поступил с Джимом Тайком.

– Как так «выкусывает глотку»?

– Миста Гримм не совсем человек. Он стоит и ходит как человек, но он отчасти не то собака, не то волк.

– То есть, «оборотень»? – спросил я холодея.

– Ага, точно, – ухмыльнулся он. – Таких много на «старой Родине». Он вдруг посуровел. – Я болтал слишком долго, а сейчас вышибу тебе мозги.

Его толстые губы застыли в мертвой усмешке убийцы и он, прищурясь, поднял револьвер в правой руке.

Мое тело напряглось, я отчаянно искал какую-то уловку, пытаюсь спасти жизнь. Мои ноги не были связаны, но руки скованы и малейшее их движение отзовется горячим свинцом, пронзающим мой мозг. Я лихорадочно погрузился в глубины черного фольклора в поисках полузабытого суеверия...

– Эти наручники принадлежали Джо Сорли, верно? – осведомился я.

– Ага, – усмехнулся он, продолжая целиться. – Я взял их у него заодно с пушкой после того, как пробил ему голову прутом от решетки. Мне показалось, что они на что-нибудь сгодятся.

– Знай, если ты убьешь меня в наручниках, то будешь проклят навек! Разве тебе неизвестно, что убивая человека с крестом, ты навеки навлекаешь на себя гнев его призрака?

Он резко опустил оружие и его ухмылка превратилась в злобный оскал.

– Что ты хочешь сказать, белый человек?

– То, что сказал. Внутри одного из колец нацарапан крест. Я видел его тысячу раз. А теперь стреляй – и я утащу тебя в ад.

– Которое кольцо? – рявкнул он, угрожающе поднимая рукоять револьвера.

– Найди сам, – хмыкнул я. – Валяй, что ж ты не стреляешь? Надеюсь, ты успел отоспаться вволю, потому что я позабочусь о том, чтобы ты никогда не уснул снова. Ночью, под деревьями, ты увидишь над собой мое насмешливое лицо. Ты услышишь мой голос в ветре, стонущем в кипарисах, а когда закроешь глаза в темноте, то почувствуешь мои пальцы на свое горле.

– Заткнись! – проревел негр, потрясая револьвером. Его черная кожа приобрела пепельный оттенок.

– Заставь меня заткнуться, если посмеешь! – Я с трудом приподнялся и сел, но тут же с руганью упал на землю. – Будь ты проклят, у меня сломана нога!

При этих словах его сероватая кожа снова стала эбеновой, а красноватые глаза зажглись решительностью.

– Говоришь, сломана? – Он обнажил блестящие зубы в хищной ухмылке. Должно быть, крепко упал, когда я тебе врезал.

Положив оба револьвера на землю подальше от меня, он наклонился надо мной, нащупывая ключ от наручников в кармане своих бриджей. Его самоуверенность была оправдана – разве я не был безоружен и беспомощен со сломанной ногой? Мне ни к чему были оковы. Нависая надо мной, Брэкстон повернул ключ в старомодных наручниках и сорвал их с моих рук. Но в тот же миг мои руки жалящими змеями прыгнули к его черному горлу, жадно сомкнулись на нем и потянули негра вниз.

Меня всегда интересовало, чем могла закончиться схватка между мной и Топом Брэкстоном. Вообще-то, не подобает завязывать ссоры с чернокожими, но меня охватила свирепая радость и мрачное удовлетворение при мысли о том, что вопрос нашей сравнительной доблести будет окончательно решен, причем победителю достанется жизнь, а побежденному – смерть.

Едва я схватил его, как Брэкстон догадался о том, что я провел его, заставив освободить и, к тому же, не был покалечен. Негр мгновенно взорвался ураганом ярости, способной расчленить противника помельче меня сложением. Мы катались по сосновым иглам, слепо колотя друг друга.

Предлагая читателю элегантную повесть, мне следовало поведать о том, как я победил

Брэкстона сочетая высокий интеллект, боксерский навык и научный подход, покоряющие грубую силу. Но хроника событий обязывает меня придерживаться фактов.

Разум играл в этой битве лишь незначительную роль. Он помогал мне не более, чем любому, кто оказался в объятиях гориллы. Что касается сноровки, то негр способен был четвертовать среднего боксера или борца голыми руками. Изобретенная человеком наука была бессильна против таящихся в теле Брэкстона молниеносной быстроты, тигриной ярости и ломающей кости могучей силы.

Это было все равно что драться с диким зверем, и я принял игру противника. Я дрался с Топом Брэкстоном, как дерутся речные жители, как дерутся дикари или самцы-соперники гориллы. Грудь о грудь, мускул пересиливает мускул, железный кулак бьет в твердый череп, колено – в пах, зубы рвут плоть и мышцы, пальцы колют, рвут, рубят. Мы забыли о револьверах, мы перекатывались через них с полдюжины раз. Каждый из нас был одержим одним желанием, одной слепой, застилающей мозг алой пеленой жаждой убить голыми руками, рвать и увечить противника до тех пор, пока он не превратится в неподвижную груду окровавленного мяса и раздробленных костей.

Не знаю, как долго мы дрались; время растворилось в налитой кровью вечности. Его пальцы были железными когтями, терзающими плоть и бьющими по кости под нею. Моя голова пошла кругом от ударов о твердую землю, а боль в боку говорила о том, что у меня сломано по меньшей мере одно ребро. Тело будто плавало в море боли, мучительным ожогом горели вывернутые суставы и мускулы. Моя одежда превратилась в лохмотья, напитанные кровью из надорванного уха. Но я не только терпел мучительное наказание – я платил той же монетой.

Факел был сбит наземь и кто-то отшвырнул его ногой, но он продолжал прерывисто тлеть, освещая зловещим тусклым светом это первобытное зрелище. Его пламя было менее красным, чем жажда убийства, туманящая мои слабые глаза.

Сквозь красный туман я видел белые зубы противника, поблескивающие в ухмылке мучительного усилия белки закатившихся глаз на окровавленной маске. Я изуродовал его лицо до неузнаваемости; От глаз и до пояса его черная шкура была исполосована алым. На наших телах пенился пот, по которому напрасно скользили наши скрюченные пальцы. Наполовину вырвавшись из его медвежьих объятий, я напряг все до единого мускулы, вложив их силу в мой кулак – и ударил негра как кувалдой по челюсти. Послышался треск кости и произвольный стон; хлынула кровь и челюсть произвольно повисла. Кровавая пена покрыла вялые губы, черные, терзающие пальцы впервые ослабли и я почувствовал, что давящее меня огромное тело обессилело. С моих разбитых губ слетел удовлетворенный стон хищного вождения и мои пальцы, наконец, сомкнулись на его горле.

Брэкстон упал навзничь, я очутился сверху и навалился ему на грудь. Его слабеющие пальцы вяло попытались вцепиться ногтями в кисти моих рук. И тогда я задушил его, медленно, не пользуясь приемами джиу-джитсу или борьбы – просто с помощью грубой зверской силы, отгибая ему голову все дальше и дальше назад, пока толстая шея не хрустнула как гнилая ветка.

В опьянении сумбурной битвой я даже не заметил, как он умер, не подозревая, что именно смерть расплавила подо мной эти железные мускулы. Ошеломленно поднявшись на ноги, я машинально топтал ему грудь и голову до тех пор, пока кости не подались под моими каблуками и лишь тогда я понял, что Топ Брэкстон мертв.

Я рад был бы обессиленно рухнуть на землю и потерять сознание, не ощущай я смутно,

что моя работа еще не закончена. Пошарив онемелыми руками, я отыскал револьверы и, пошатываясь, побрел между сосен к хижине Brenta дорогой, указанной мне врожденным опытом лесного жителя. С каждым шагом мое закаленное тело восстанавливало силы.

Топ уволок меня далеко. Следуя своему чутью джунглей, он просто оттащил меня с тропы в заросли. Несколько шагов привели меня на тропу и вскоре я увидел мерцающий между деревьев свет хижины. Что ж, Брэкстон не солгал относительно действия той бомбы. По крайней мере, беззвучный взрыв не уничтожил дом, потому что он стоял неповрежденным, каким я видел его в последний раз. Свет струился из хижины как прежде из-за закрытых ставнями окон, но сейчас из нее доносился высокий нечеловеческий смех, от которого застыла кровь у меня в жилах. Это был тот же голос, что высмеивал меня из зарослей у темной тропы.

4. Гончая Сатаны

Прячась в тени, я обошел маленькую поляну, чтобы подобраться к глухой, без окон, стене. Скрытый густым мраком, куда не достигал свет из окна, я выскользнул из-под деревьев и приблизился к дому. У стены я споткнулся о что-то громоздкое и податливое, едва не упав на колени с захолонувшим от испуга выдать себя сердцем. Но жуткий смех все еще доносился изнутри хижины, перемежаясь гнусавым голосом.

Я споткнулся об Эшли, вернее, о его тело. Он лежал навзничь, уставясь вверх невидящими глазами, а его голова была безжизненно запрокинута на окровавленных останках шеи. У него было вырвано горло: от подбородка до ключицы зияла огромная рваная рана. Одежда слуги насквозь пропиталась кровью.

Чувствуя приступ тошноты, несмотря на то, что привык иметь дело с насильственной смертью, я скользнул к стене хижины и попытался безуспешно отыскать щель между бревнами. Смех в доме замер и вновь зазвенел ужасный нечеловеческий голос, от которого у меня запульсировали нервы на тыльных сторонах ладоней. С теми же усилиями, что и тогда, в лесу, я сумел разобрать слова:

– ...Поэтому они не убили меня, черные монахи Эрлика. Они предпочли шутку – восхитительную шутку, с их точки зрения. Просто убить меня было бы актом доброты; они решили поиграть со мной, как кошка с мышью, а затем отослать обратно в мир с навеки не стираемым клеймом гончей. Так они называли его, эти монахи, и они прекрасно справились со своей работой. Никто лучше их не знает, как изменить человека. Черная магия? Да! Да эти дьяволы – величайшие ученые на свете. Все, что западный мир знает о науке просочилось тонким ручейком с тех черных гор.

– Эти дьяволы могли бы покорить весь мир, пожелай они этого. Они знают вещи, о которых современная наука не смеет даже помыслить. Например, они знают о пластической хирургии столько, сколько все врачи мира. Они разбираются в железах так, как ни один европейский или американский врач; они знают, как замедлить их развитие, либо ускорить, чтобы добиться определенных результатов – и каких результатов! Посмотри на меня! Смотри, будь ты проклят, и сойди с ума!

Я тихонько обошел хижину, приблизился к окну и заглянул в щель между ставнями.

Ричард Brent лежал на диване в комнате, обставленной несообразно богато для столь скромного жилища. Он был связан по рукам и ногам, его лицо казалось лиловым и едва ли сохраняло человеческий облик. Выпученными глазами он смотрел, как смотрит человек, встретившийся лицом к лицу с абсолютным ужасом. У стены напротив была растянута и привязана на столе беспомощная Глория, ее кисти и лодыжки стягивали веревки. Девушка была совершенно обнаженной, ее одежда небрежно разбросана по полу, будто ее грубо сорвали с нее. Голова девушки была повернута и она широко открытыми глазами в ужасе смотрела на довлеющую в этой сцене высокую фигуру.

Человек стоял спиной к окну, за которым притаился я, и смотрел на Ричарда Brentа. Внешне он выглядел обычным – высокий, сухопарый мужчина в тесном, напоминающем плащ с капюшоном одеянии, свисающем с широких костлявых плеч. Но при виде этого человека меня охватила знакомая странная дрожь вроде той, что я испытал при виде тощей тени на ночной тропе над телом несчастного Джима Тайка. В этой фигуре было нечто неестественное, хотя и не столь очевидное со спины – однако она определенно казалась уродливой и потому я испытывал страх и отвращение, которые зачастую обычные люди

питают к уродству.

– Они превратили меня в нынешний кошмар и выгнали прочь, – стонал он ужасным гнусавым голосом, – Но перемена случилась не за день, не за месяц и даже не за год! Много раз я готов был умереть, но меня удерживала мысль о мести! Они забавлялись со мной, как играет дьявол с душой на раскаленных решетках ада! Все эти долгие годы, покрытые красным туманом неслыханных мучений, я мечтал о том дне, когда заплачу свой долг тебе, Ричард Brent, гнуснейшему отродью Сатаны!

– Наконец, охота началась. Достигнув Нью-Йорка я послал тебе фотоснимок моего... лица и письмо, описывающее все случившееся – и все, что случится. Глупец – ты думал, что сможешь убежать от меня? Неужели я предупредил бы тебя, не будучи уверен в моей добыче? Мне хотелось, чтобы ты страдал, зная о своей судьбе, чтобы жил в страхе, убегал и прятался как загнанный волк. Ты бежал, и я охотился на тебя от побережья до побережья. Ты ненадолго удрал от меня, придя сюда, но я бы неизбежно выследил тебя. Когда черные монахи Ялгана дали мне это (его рука метнулась к лицу и Ричард Brent глухо вскрикнул) – они также внедрили в мое естество частицу духа бестии, которую скопировали.

– Убить тебя было бы недостаточно. Я хотел упиться моей мезтью до последнего ядовитого глотка. Вот почему я послал телеграмму твоей племяннице – единственной персоне на свете, о которой ты заботился. Мой план сработал безупречно – за одним исключением. Ветка сорвала с меня бинты, которые я носил с тех пор, как покинул Ялган, и мне пришлось убить глупца, который провожал меня к твоей хижине. Ни один человек не останется в живых, взглянув на мое лицо, не считая Топа Брэкстона – но тот, впрочем, больше напоминает обезьяну. Я встретил его вскоре после того, как в меня стрелял тот тип, Гарфилд, и рассказал ему обо всем, почувствовав в нем ценного союзника. Он слишком звероподобен, чтобы ощущать при виде моего лица тот ужас, который ощутил другой негр. Он полагает, что я некий демон, но пока я не враждебен ему, он не видит причин не помогать мне.

– Мне повезло, что я прихватил его с собой, потому что именно он прикончил возвращающегося Гарфилда. Я уже убил бы Гарфилда сам, но он оказался слишком силен, слишком проворен с револьвером. Ты мог бы поучиться у таких людей, Brenton Ричард Brent. Они привычны к насилию, закалены и опасны как лесные волки. Но ты – ты слишком мягок и чересчур цивилизован. Ты умрешь слишком легко. Мне жаль, что ты не так крут, как Гарфилд. Тогда я оставил бы тебя на несколько дней умирать в мучениях.

– Я дал Гарфилду шанс удрать, но глупец вернулся, и с ним пришлось разделаться. Та бомба, что я бросил в окно, вряд ли подействовала бы на него. Она содержала один из химических составов, который я ухитрился вывезти из Монголии, но ее эффект зависит от телесных сил жертвы. Впрочем, ее хватило, чтобы обезопасить девушку и изнеженного дегенерата вроде тебя. Но Эшли сумел покинуть хижину и он готов был быстро восстановить силы, не займись я им, чтобы окончательно обезвредить его...

Brent слабо простонал. В его глазах не было разума, лишь смертельный страх. С его губ летела пена, он был безумен – безумен как то страшное существо, что кривлялось и бормотало в этой комнате ужаса. Лишь девушка, беспомощно корчившаяся на столе из эбенового дерева сохраняла рассудок. Все остальное было безумием и кошмаром. Внезапно Адама Гримма охватил сильнейший приступ лихорадочного безумия и его бормотание оборвалось воплем, от которого застыла кровь в жилах.

– Вначале девушку! – вопил Адам Гримм – или чудовище, бывшее когда-то Гриммом. –

Ее следует убить так, как убивали на моих глазах женщин в Монголии – содрать с нее кожу, но медленно – очень медленно! Она истечет кровью, чтобы ты страдал, Ричард Brent – страдал вроде меня в черном Ялгане. Она не умрет, пока на ее теле ниже шеи не останется ни единого дюйма кожи! Полюбуйся, как я освежую твою любимую племянницу, Ричард Brent!

Не думаю, чтобы Brent понимал происходящее. Он был уже по ту сторону рассудка. Он бормотал чепуху, качая головой со стороны на сторону и брызгая пеной с лиловых трясущихся губ. Я начал было поднимать револьвер, но в этот миг Адам Гримм резко повернулся и при виде его лица меня сковало ледяным страхом. Я не смею даже помыслить о том, что за таинственные мастера неведомых наук обитают в черных башнях Ялгана, но в создании этого лица, несомненно, воплотилась магия адских бездн.

Уши, лоб и глаза были органами обычного человека, но губы, челюсти и нос такими, что их немыслимо представить даже в кошмаре. Я бессилён подобрать соответствующее описание. Эти органы были ужасно вытянутыми, из-за чего лицо напоминало морду животного. Подбородка не было; верхняя и нижняя челюсти выдавались, как у собаки или волка, а оскаленные под звериными губами зубы были блестящими клыками. Поразительно, как эти челюсти ухитрились произносить человеческие слова.

Но перемена была глубже этих поверхностных признаков. В его горящих как адские угли глазах блестел огонек, которого никогда не увидишь в человеческих глазах, здоровых или безумных. Изменив лицо Адама Гримма, черные дьяволы-монахи Ялгана внесли соответствующие изменения в его душу. Теперь он не был человеком, он был подлинным оборотнем, ужасным воплощением средневековой легенды.

Существо, бывшее некогда Адамом Гриммом бросилось на девушку и блестящим изогнутым ножом в руке в тот миг, когда я усилием воли вывел себя из оцепенения страха и выстрелил через дыру в ставне. Моя рука не дрогнула; я увидел, как плащ дернулся от удара пули и вместе с выстрелом чудовище зашаталось, выронив нож из руки. Но Гримм быстро повернулся и кинулся через комнату к Ричарду Brentу. Молниеносно постигнув суть происходящего, он сообразил, что сумеет прихватить с собой только одну жертву, и сделал свой выбор мгновенно.

По-моему, меня нельзя упрекнуть в случившемся с точки зрения логики. Я мог бы разбить этот ставень, прыгнуть в комнату и сразиться с существом, которое создали из Адама Гримма монахи Внутренней Монголии. Но оборотень двигался так быстро, что Ричард Brent так или иначе умер бы раньше, чем я смог бы ворваться в комнату. Я сделал единственно возможную вещь настигал скачущую тварь свинцом, пока она пересекала комнату.

Это должно было остановить Гримма, уложить его мертвым на пол, но он продолжал двигаться, несмотря на вонзающиеся в него пули. Его жизненная сила превосходила силу человека и даже зверя; в нем было нечто демоническое, порожденное черной магией, превратившей его в то, чем он стал. Ни одно живое создание не могло пересечь ту комнату под градом выпущенного с близкого расстояния свинца. Я не мог промахнуться, но он шатался и не падал до тех пор, пока я не припечатал его шестой пулей. Тогда он пополз как зверь на локтях и коленях, и с его ухмыляющихся губ капали пена и кровь. Меня обуяла паника. Я лихорадочно схватил второй револьвер и опустошил его в тяжело ползущее по полу тело, извергающее кровь при каждом движении. Но все силы ада не могли удержать Адама Гримма от его добычи, и сама смерть смирилась перед ужасной решимостью этой

некогда человеческой души.

Нашпигованный двенадцатью пулями, буквально разорванный на куски, с сочащимися из огромной дыры в виске мозгами, Адам Гримм все же достиг человека на диване. Уродливая голова дернулась вниз, и на исторгшей придушенный вопль глотке Ричарда Brenta сомкнулись ужасные челюсти. На один кошмарный миг обе страшные фигуры слились на моих глазах воедино безумный человек и безумный нечеловек. Затем со звериным проворством Гримм откинул голову с истекающими кровью клыками и окровавленной мордой и оскалился в последнем приступе ужасного смеха. Но смех вдруг захлебнулся в потоке хлынувшей из его пасти крови – тогда он рухнул на пол и остался лежать недвижимым.

Долина червя

Я расскажу вам о Ньёрде и Чудовище, слушайте. Существует множество вариантов этой истории, главный герой носит в них имена Тира, Персея, Зигфрида, Беовульфа или Святого Георгия. Но этот Ньёрд был человеком, сразившимся некогда с выползшей из адской бездны отвратительной тварью, что и положило начало целой серии героических легенд, которые, переходя из уст в уста, утратили в конце концов первоначальное зерно истины. Я знаю, о чем говорю, ибо это я был Ньёрдом.

Я лежу и жду смерти, ползущей ко мне, подобно слепой улитке, но мои сны яркие, красочны и полны жизни. И не себя – невзрачного, замученного болезнями человечка по имени Джеймс Эллисон – я вижу в них, в моих снах действуют иные герои – современники и участники величайших событий прошлого и будущего. Да, и будущего тоже – пусть с трудом, но я вижу не только тех, что стоят за мной, но и тех, кто придет: так человек, бредущий в длинной процессии, видит далеко впереди неясные фигуры. Я один из этих странников и, вместе с тем, каждый из них, ибо каждый из людей в этой бесконечной веренице – лишь мимолетное проявление иллюзорного, бестелесного, но, тем не менее, вечно живого духа.

Любой из мужчин и любая из женщин на нашей планете – часть такой вереницы теней, и в то же время, каждый из них целиком несет ее в себе. Правда, они не знают об этом – их разуму не дано преодолеть те узкие страшные пропасти мрака, через которые перелетает душа, сбрасывая очередную телесную оболочку. Я – знаю. Почему – история сама по себе весьма странная, фактом, однако, является то, что вот сейчас я лежу, надо мною медленно разворачиваются черные крылья смерти, а перед моими глазами проплывают туманные картины моей прежней жизни, я вижу самого себя во многих лицах и характерах.

Меня звали Ялмаром и Тиром, Браги и Хорсой, Эриком и Джоном. Я шагал рядом с Бреннусом по пустым, залитым кровью улицам Рима. Я жег плантации с Аларихом и его готами, и ночью было светло, как днем, когда горели римские усадьбы, когда Империя стонала под копытами наших диких коней. Это я с мечом в руке брел сквозь пенистые волны прибоя, чтобы грабежом и убийствами заложить фундамент Англии. Когда Лейф Счастливый впервые увидел широкий песчаный берег неведомого материка, я стоял рядом с ним на носу драккара, и ветер трепал мою рыжую бороду. Когда Готфрид Бульонский вел своих крестоносцев на стены Иерусалима, шел среди них и ваш покорный слуга.

Но не о них хочу я рассказать вам сейчас. Я захвачу вас с собою в такое далекое прошлое, что, по сравнению с ним, времена Бреннуса и Рима – кажутся не более, чем вчерашним

днем. Не через годы и века поведу я вас, но через эпохи, туманные зоны – туда, куда не заглядывали даже самые смелые из историков и философов. Глубже, глубже и еще глубже придется уйти в бездонное прошлое – к истокам рода человеческого, к корням моего народа, расы голубоглазых, светловолосых открывателей, могучих воинов, страстных любовников, неутомимых путешественников.

Я расскажу вам о Ньёрде, Ньёрде – Победителе Чудовища, ставшем прототипом героя целого цикла легенд, о страшной реальной основе, заложенной в мифы о драконах, монстрах и чудовищах.

Я буду говорить с вами не только от имени Ньёрда, но и от своего тоже. Ведь я – Джеймс Эллисон в степени не меньшей, чем был когда-то Ньёрдом. Рассказывая о том, что тогда случилось, я буду интерпретировать некоторые мысли, высказывания и действия Ньёрда с точки зрения нынешнего моего «я», чтобы сага о нем не показалась вам галиматьей, лишенным смысла набором слов. Ибо дела и мысли Ньёрда настолько чужды нам с вами, людям нынешним, насколько, скажем, джунгли со львами и тиграми чужды белым стенам домов городской улицы.

Удивительным был этот мир, в котором Ньёрд жил, любил и сражался так много веков назад, что даже моя память, скользя по минувшим эпохам, не может отыскать достаточно надежной точки отсчета. Не один, но несколько раз с тех пор менялось лицо Земли, возносились и тонули континенты, с места на место переносились моря, пробивали новые русла реки, наступали и пятились ледники, меняли свое положение на небе звезды, складываясь в новые созвездия. Это была эпоха начала эпических странствий моего народа, эпоха, в которой племена голубоглазых и светловолосых людей двигались на север и на юг, запад и восток, веками длившееся кочевье вело их вокруг земного шара. Их следы и их кости можно отыскать в самых диких уголках современного мира. Я родился, вырос и возмужал в дороге. О родине, оставшейся где-то далеко на севере, остались лишь отрывочные воспоминания – неясные, словно полузабытый сон. Я помню ослепительно белые равнины и ледяные поля; огромные костры, пылавшие в центре круга из кожаных шатров; русые волосы, развевающиеся на ветру; солнце, прячущееся за мрачной стеной багровых туч; вытоптанный снег, на котором неподвижно лежат в лужах чего-то алого темные фигурки.

Это последнее я вижу отчетливее всего остального. Уже много позже мне сказали, что это поля Ютунхайма, где разыгралась страшная битва, легендарная битва эсиров, о которой затем долгие века пели песни седобородые сказители, которая и сейчас живет в туманных намеках на Рагнарек и Гёттердеммерунг. Я видел это грудным ребенком, стало быть, жил где-то в... Нет, не будем уточнять – вы еще примете меня за сумасшедшего, а историки и геологи спустят с меня шкуру совместными усилиями.

Но это тоже лишь туманный фрагмент, гораздо ярче я вижу кочевье, в котором, собственно, и прошла вся моя жизнь. Мы не выбирали себе путь осознанно, но так уж получалось, что наше племя постоянно шло на юг. Иногда мы останавливались и жили какое-то время на плодородных долинах меж высокими горами или по берегам равнинных рек, но рано или поздно срывались с насиженного места и шли дальше. И дело не только в грозившем нам голоде или, допустим, внезапной засухе. Случалось, мы уходили в пустыню, оставляя земли, богатые дичью. Нас гнали вперед неутоленные страсти и желания, таковы уж законы человеческой жизни, но мы об этих законах знали тогда не больше, чем дикие гуси знают о причинах сезонных миграций. Вот так однажды мы и добрались до тех мест, где жило Чудовище.

Я начну свой рассказ с того момента, когда мы пришли к покрытым буйной растительностью холмам, кишевшим разнообразной живностью. Жаркой душной ночью мы слышали тамтамы аборигенов, они беспрестанно выбивали одну и ту же дробь. Утром мы увидели самих аборигенов – низкорослых, коренастых, черноволосых, с пестро размалеванными жестокими лицами, но, несомненно, белокожих. Мы издавна знали их род. Это были пикты, наиболее воинственное из всех известных нам племен. Мы встречали пиктов в густых лесах и горных долинах, но со времени нашей последней встречи с ними утекло немало времени. Думаю, что здешнее племя пиктов дальше всех иных выдвинулось на восток. Всего несколько поколений пиктов жило здесь, но бесконечные джунгли уже начали переваривать этих людей, стирая прежние черты и подгоняя их под свой кошмарный эталон.

Мы шли пешком – белобородые, похожие на волков, старики, могучие, в расцвете сил, мужчины, нагие дети, светловолосые женщины с младенцами на руках, никогда, кстати, не плакавшими. Я не помню, сколько нас было – что-то около пяти сотен воинов. Воинами я называю всех мужчин: от детей, достаточно сильных, чтобы держать лук, и до самых дряхлых стариков. В те жестокие времена воевали все. Наши женщины дрались в случае необходимости, как тигрицы, я помню младенца, вцепившегося зубами в ногу наступившего на него врага.

Да, мы были настоящими воинами. Позвольте, я расскажу о Ньёрде. Я горжусь им, особенно сейчас, когда вижу жалкое, парализованное тело Джеймса Эллисона – временную мою оболочку.

Ньёрд был высоким, широкоплечим, с сильными руками и крепкими ногами, юношей. Длинные упругие мышцы дарили ему не только силу, но и выносливость. Он мог сутками бежать, не обнаруживая ни малейших признаков усталости. Ошеломляющая стремительность движений превращала его тело в глазах наблюдателя в размазанное пятно. Расскажи я вам все о его силе, вы посчитали бы меня лжецом. На всей Земле не найти сейчас человека, который смог бы натянуть лук Ньёрда. Помнится, рекорд по стрельбе из лука принадлежит одному турецкому спортсмену, пославшему стрелу на 482 ярда. В моем племени не было подростка, не сумевшего бы побить этот рекорд.

Итак, углубившись в джунгли, мы слышали тамтамы, гремевшие в таинственных долинах, прятаящихся среди холмов. Враг ждал нас на широком, открытом со всех сторон плоскогорье. Здешние пикты, судя по всему, ничего о нас не знали, даже легенды об эсирах до них не дошли, ибо будь иначе, они хоть засаду, что ли, устроили бы. Пикты прыгали с деревьев, завывали грозно, вопили, что повесят наши головы у ног своих богов, что наши женщины будут рожать им сыновей. Ха! Ха! Ха! О Йомир! Это рассмеялся Ньёрд, а не Джеймс Эллисон. Именно так, от всей души, смеялись тогда эсиры, услышав эти угрозы. Моря крови, океаны пламени оставляли мы за собой, мы были беспощадными убийцами, неумолимыми грабителями, с мечом в руке шагавшими по жестокому миру. Угрозы пиктов пробудили в нас грубоватое чувство юмора.

Мы устремились им навстречу, сбрасывая на ходу с плеч волчьей шкуры и вытаскивая бронзовые мечи. Наш рев громом прокатился по плоскогорью. Пикты выстрелили из луков, мы ответили тем же. Где им было тягаться с нами в меткости. Наши свистящие стрелы падали на них тучами и валили их наземь, словно ветер – осенние листья. Когда они с воем и пеной на губах набросились на нас, мы, опьяненные горячкой сражения, швырнули луки прочь и дали волю мечам.

Я описываю эту битву несколькими сухими словами, ибо чувствую, что не смогу

передать это безумие, запах крови и пота, хриплое дыхание, напряжение мускулов, треск костей, ломающихся под могучими ударами, и, прежде всего, беспредельную жестокость этой резни, в которой не было ни правил, ни порядка, а каждый дрался, как хотел и как мог. Если бы я начал описывать все, что там происходило, вы бы оцепенели от ужаса. Я сам, вспоминая эту бойню, не могу сдержать дрожи. О том, что военные действия можно вести по каким-то правилам, никто даже не догадывался.

В те времена человек со дня своего рождения и до самой смерти зубами и когтями дрался за жизнь, ни у кого не прося пощады и никому ее не даруя. Милосердие если и проявлялось, то лишь спонтанно, а значит, крайне редко.

Так вот, мы гнали бегущих пиктов, а наши женщины выбежали на поле битвы, чтобы камнями разбивать головы поверженных врагов и медными ножами подрезать им горло. Пыток мы не признавали. Более жестокими, чем того требовала жизнь, мы не были. Жизненные законы той поры были воистину бесчеловечными, но справедливости ради следует сказать, что в нынешней жизни бессмысленной жестокости встречается едва ли не больше, чем было тогда.

И все же случалось проявлять милосердие и нам. Я дрался с чрезвычайно мужественным противником. Будучи значительно ниже ростом, пикт не уступал мне в силе – сплошной клубок стальных мускулов, и двигался он стремительно, словно молния. Он сражался железным мечом и защищался большим деревянным щитом, обитым кожей. У меня в руках была огромная палица с шипами. Я был ранен, кровь обильно текла из нескольких глубоких ран на моем теле, но один из моих ударов достиг, наконец, цели, смяв его щит, словно картонный ящик, и секундой позже палица обрушилась на его обнаженную голову. О, Йомир! Даже сейчас улыбка застывает на моих губах, когда я вспоминаю об этом. Сколь же крепким был череп у этого пикта! На голове его открылась страшная рана, и он рухнул наземь, потеряв сознание. Я бросил его там, будучи уверенным, что с ним покончено раз и навсегда, и присоединился к воинам, преследовавшим врага. Когда я, залитый с ног до головы потом и кровью, вернулся на поле боя, то увидел, что мой противник приходит в сознание, а нагая девушка моего племени собирается обрушить на его голову огромный камень. Некий мимолетный каприз заставил меня остановить девушку. Поединок доставил мне огромное удовольствие, и я был восхищен столь совершенной конструкцией черепа этого человека.

Мы стали лагерем там же, на плоскогорье, неподалеку от места сражения. наших павших соплеменников мы сожгли на огромном костре, а трупы врагов сбросили вниз в долину, на потеху сбегавшимся гиенам и шакалам. В ту ночь мы ждали нового нападения, но так и не дождались. Лишь в глубине джунглей мигали тут и там багровые огоньки костров, а ветер, когда менял свое направление, доносил гулкую дробь тамтамов да вой – там, вероятно, оплакивали погибших или, быть может, просто орали, разряжая бессильную злобу. Не напали они на нас и в последующие несколько дней. Раны нашего пленника начали затягиваться. Он был очень общителен, и мы постепенно усвоили его примитивный язык. Его звали Громом, и он хвастался, что был лучшим охотником среди здешних пиктов. Он охотно болтал с нами, поблескивая маленькими глазками из-под черной гривы спутанных волос, прикрывавшей низкий лоб, и широко улыбался, обнажая похожие на клыки зубы.

Он живо интересовался нами – неведомыми людьми, победившими его племя, но почему-то не спешившими воспользоваться плодами победы. И он так никогда и не сумел понять, почему, собственно, мы его пощадили и оставили в живых. Именно Гром и

предложил нам послать его к соплеменникам, чтобы от нашего имени заключить с ними мирный договор. Для нас это не имело особого значения, но мы разрешили ему уйти – о рабах тогда и не снилось еще никому.

Гром вернулся к своему племени, и мы забыли о нем. Лишь я стал чуть осторожнее вести себя на охоте – мне все казалось, что он лежит где-то в зарослях и поджидает благоприятный момент, чтобы пустить стрелу в спину. Но пришел однажды день, когда мы снова слышали грохот тамтамов, и на краю джунглей появился наш старый знакомый с растянутыми в кривой улыбке толстыми губами. За ним шествовали вожди кланов – с перьями в волосах, закутанные в волчьи шкуры, с размалеванными лицами. Наше мужество изрядно их напугало, но еще большее впечатление на них произвело то, что мы отпустили Грома живым и невредимым. Они не знали, как к этому факту отнестись, и посчитали его знаком нашего безграничного презрения к намного более слабому противнику.

Так мы заключили мир с пиктами. Было много шума, клятв, всяких ритуальных заклинаний. Мы поклялись именем Йомира – эту клятву ни разу не нарушил ни один эсир. Они взывали ко всем стихиям, присягали своему божку, сидящему в хижине, в которой пылал вечный огонь и высохшая старуха колотила всю ночь в бубен, а также существу, настолько ужасному, что его боялись называть по имени. Затем мы сидели у костров и пили огненный отвар из местных злаков, закусывая его мясом дичи, зажаренной здесь же. До сих пор не могу понять, как это пиршество не закончилось резней, ибо напиток этот имел страшную силу и дырявил наши мозги, словно червь. Но ничего страшного тогда не произошло, и с тех пор мы жили с нашими соседями в мире и согласии. Они многому нас научили и сами немало переняли от нас. Так, они показали нам, как обрабатывать железо: в здешней земле почти совсем не было меди.

Мы беспрепятственно заходили в их деревушки – небольшие скопления хижин-мазанок, обычно на полянах, в тени гигантских деревьев. Пиктам, в свою очередь, никто не запрещал бродить по нашему лагерю – наши кожаные шатры так и остались стоять там, где мы их поставили. Наши юноши не обращали ни малейшего внимания на их коренастых девушек с глазами-бусинками, стройных златокудрых наших девушек совершенно не привлекали их приземистые, заросшие с ног до головы волосами юноши. Со стороны пиктов отношение было подобным. Поживи мы рядом дольше, взаимная неприязнь наверняка исчезла бы, и два наших племени слились бы воедино, но этого не произошло, потому что племя эсиров вскоре ушло, растаяв в таинственной ночной мгле. Но до того, как это произошло, нам пришлось испытать ужас встречи с Чудовищем.

Я часто охотился на пару с Громом, он водил меня по диким сонным долинам, крутым склонам холмов, где не ступала нога человека. Была, однако, некая долина на юго-западе, куда он ни за что не соглашался меня отвести. На дне этой долины издали видны были обломки рассыпавшихся или разбитых вдребезги колонн, свидетелей величия какой-то древней, ныне исчезнувшей цивилизации. Гром показал мне их сверху, со скал, нависавших над этим таинственным местом, но наотрез отказался идти туда со мной и отговорил от намерения спуститься в одиночку. Что-то там было, он боялся говорить об этом открыто, но опасность была более грозной, чем змеи, тигры или даже гигантские слоны, чьи стада иногда забредали сюда с юга.

По словам Грома, пиктов не пугали дикие звери – единственным, кого они действительно боялись, был Сатха, огромный удав. Но было что-то еще, что страшило их безмерно, и это что-то было каким-то образом связано с долиной Потрескавшихся Камней –

так они называли то место, где лежали поломанные колонны.

Много лет назад их предки, появившись впервые в этих краях, осмелились нарушить покой этого мрачного места, и целый их клан погиб некоей страшной, непонятной смертью. Так, во всяком случае, рассказывал нам об этом Гром. Ужас вынырнул откуда-то из земных недр, и говорить о нем вслух было, он считал, безрассудно, потому что вызвать вновь Это могло даже само упоминание о нем.

Но в любом другом месте Гром готов был охотиться со мной сколько угодно. Он действительно был лучшим охотником среди пиктов, и мы с ним пережили множество опаснейших приключений. Однажды я железным мечом, выкованным собственными руками, зарубил проклятую бестию – серого саблезуба, нынче, вероятно, его называли бы тигром, поскольку он больше походил на этого хищника, чем на кого-либо другого. На самом деле приземистое его тело, опиравшееся на массивные толстые лапы, напоминало, скорее, медвежье, но голова, несомненно, была тигриной. Он исчез с поверхности Земли потому, что был слишком страшен даже для тех кошмарных времен. Сила мышц его росла, постепенно усиливалась свирепость, а мозг уменьшался, и в конце концов саблезуб утратил инстинкт самосохранения. Его уничтожила сама Природа, озабоченная сохранением равновесия. Ибо если бы его невероятные бойцовские качества подкреплялись развитым мозгом, все иные формы земной жизни были бы обречены на гибель. Саблезуб был шалостью эволюции – тупиковым ответвлением, направленным лишь на убийства да разрушения.

Я победил саблезуба в поединке, который сам по себе достоин того, чтобы его воспели в балладе или гимне. Долгие месяцы после этого я валялся в бреду со страшными ранами. Пикты качали головами и повторяли, что не помнят, чтобы хоть кому-нибудь удалось справиться с этой бестией в одиночку. Я не только победил саблезуба, но и, ко всеобщему удивлению, выжил.

Пока я лежал у врат королевства смерти, произошел раскол племени. Подобные события вовсе не считались чем-то особенным в те времена, и племя отнеслось к этому довольно спокойно. Сорок пять молодых воинов одновременно избрали себе спутниц жизни и откочевали, чтобы заложить новый клан, выбрав для поселения Долину Потрескавшихся Камней. Пикты предупреждали их об опасности, но эсиры лишь смеялись над ними. Мы оставили своих демонов далеко на севере, среди ледяных пустынь, а чужими испугать нас было трудно.

Как только ко мне вернулись силы, я взял свой меч и отправился навестить друзей на их новом месте жительства. Грома со мной не было – он уже несколько дней не появлялся в лагере эсиров. Но я знал дорогу и хорошо помнил то место, откуда открывался живописный вид на озеро в верхней части долины и густой лес на противоположном ее конце. Долину с двух сторон сторожили крутые скалы. Ее дно у нижнего, северо-западного конца, было густо утыкано полуразрушившимися колоннами. Некоторые из них еще возносились над кронами деревьев, другие давно уже рассыпались, превратившись в груды камней, заросшие густой травой. Кто их там поставил, не знал никто. Гром, правда, пробормотал как-то что-то невнятное о некоем волосатом, похожем на обезьяну существе, танцующем под звуки демонической музыки пищалок.

Я пересек плоскогорье, на котором стоял наш лагерь, спустился вниз по склону и углубился в заросли. От хребта, за которым лежала долина с колоннами, меня отделяло полдня неторопливой ходьбы. По дороге я не заметил ни малейших следов деятельности

человека – деревни пиктов стояли намного восточнее. Я преодолел хребет и увидел внизу сонную долину, тихое голубое озеро, торчавшие над деревьями колонны. Нигде ни струйки дыма, хотя именно дым костра я ожидал увидеть прежде всего. Зато мне сразу бросились в глаза стервятники, кружившие над шатрами, стоявшими на берегу озера.

Я осторожно спустился вниз и направился к лагерю друзей. И тут же застыл на месте, потрясенный увиденным. Я сталкивался со смертью во многих ее проявлениях, мне много раз удавалось ее избежать, я сам неоднократно служил ей орудием, проливая кровь, как воду, и оставляя за собой горы трупов. Но то, что открылось моим глазам здесь, остро задело даже мою огрубелую душу. Из всего клана моих друзей не осталось в живых никого. Более того, ни одно из мертвых тел эсиров не было комплектным. Некоторые шатры еще стояли, другие были смяты в лепешку, вдавлены в землю некоей неведомой тяжестью. У меня мелькнула даже мысль, что, быть может, здесь промчалось охваченное паникой стадо слонов. Но то, что я видел, никаким слонам натворить было бы не под силу. Лагерь буквально усеивали куски человеческих тел – руки, ноги, головы, внутренности... Везде вокруг валялось оружие, лезвия некоторых мечей и наконечники копий были вымазаны зеленоватой слизью, похожей на ту, что вытекает из растоптанной гусеницы. Нет, то, что я здесь видел, не могло быть делом человеческих рук – человек на такое не способен. Я взглянул на озеро. Ровная густая голубизна его спокойных вод свидетельствовала о значительной глубине, не оттуда ли выползло какое-нибудь ужасное чудовище. И тут я увидел след. Это была глубокая и широкая борозда, такую могла бы оставить после себя огромная гусеница, уползшая куда-то в нижнюю часть долины. Трава внутри не была спрессована, кустарник и мелкие деревья изломаны и вдавлены в землю, сверху их покрывала зеленая слизь.

Когда я, выхватив меч, устремился по следу, сзади послышался чей-то крик. Оглянувшись, я увидел сползающую со скал коренастую фигуру. Это был Гром. Лишь вспомнив о том, как глубоко коренился в нем страх перед долиной, можно правильно оценить ту самоотверженность, какую он проявил ради дружбы со мной.

Не выпуская из рук копья, боязливо прочесывая взглядом сонные, заросшие густым кустарником склоны, он рассказал мне о той ужасной твари, что напали ночью на клан эсиров. Но прежде он пересказал мне то, что узнал о ней от старейшин своего племени.

Много лет назад пикты пришли сюда с северо-востока. Местность эта изобиловала непуганым зверьем и съедобными растениями, поблизости не оказалось никаких враждебных племен, и они решили остаться здесь навсегда.

Часть из них, целый клан могучего племени, выбрала для поселения долину Потрескавшихся Камней. Пикты осмотрели колонны и нашли скрытый в глубине рощи полуразрушенный храм. В храме, на месте, где обычно располагается алтарь, они обнаружили черный колодец, абсолютно гладкие стены которого уходили куда-то в глубь Земли.

Они построили в долине хижины и начали мало-помалу обживать, но однажды ночью, в полнолуние, их всех убило зловещее нечто, оставившее после себя лишь искореженные хижины да покрытые слизью трупы.

В те далекие времена испугать пиктов чем-то вообще было невозможно. Воины остальных кланов, собравшись у костра, воззвали к своим богам и отправились по широкому кровавому следу, который привел их к колодцу в храме. Они громко кричали и бросали в колодец камни, но ни стука падения камней на дно, ни всплеска не слышали. Зато вскоре до их ушей донеслась музыка. Из колодца выскочило какое-то человекоподобное существо,

приплясывавшее под звуки мелодии, плывшей из пищалок, мелькавших в его тонких уродливых пальцах. Пикты лишь удивились слегка, увидев это существо, но следом за ним из-под земли выползла огромная белая масса, ослизлый кошмар – стрелы пробивали его, но не могли остановить, мечи рассекали, но не могли убить. Истекавшее слизью чудовище порушилось на воинов. Оно давило их в багровую кашицу, рвало на куски, высасывало кровь и мозг из поломанных конечностей, пожирало живьем, хотя те еще кричали и сопротивлялись. Оставшиеся в живых бросились наутек, чудовище гналось за ними аж до скал, на которые, однако, не сумело втащить свое гигантское тело.

С тех пор пикты обходили стороной молчаливую долину. Погибшие воины навещали, однако, шаманов и старейшин в их снах, посвящая живых соплеменников в страшные, невероятные тайны. Они рассказывали о расе полулюдей-получудовищ, обитавшей некогда в этих краях, именно она возвела с какой-то, никому не ведомой теперь, целью колонны в долине. Белая тварь из колодца была богом этой расы, вызволенным из черных подземных глубин с помощью магии, непостижимой детям человеческим. Волосатое существо с пищалкой было его слугой – бесформенным первичным духом, облеченным в материальное органическое тело. Эта древняя раса давно исчезла, а бог и его слуга остались жить. Оба они были уязвимы – их тела можно было ранить, но люди не знали оружия, достаточно мощного, чтобы их убить.

Клан моих друзей спокойно жил в долине несколько недель. Лишь вчера ночью Гром, охотившийся поблизости (еще одно, кстати, доказательство его отваги), был застигнут врасплох высокими тонами демонической музыки. Секундой позже до его ушей долетела какофония людских воплей и заглушающее их отвратительное чавкание. Он упал на землю и лежал так, уткнувшись лицом в траву и не смея пошевелиться, до самого утра. На рассвете, он, дрожа всем телом, подошел к обрыву и посмотрел вниз в долину. То, что он увидел, даже издали, обратило его в паническое бегство. Затем ему пришло в голову, что следует предупредить остальных людей нашего племени. Уже направляясь к лагерю эсиров, он оглянулся и увидел меня, стоявшего на скале над долиной.

Пока Гром рассказывал, я сидел, подперев рукой голову и целиком погружившись в мрачные размышления. Современным языком невозможно выразить то чувство внутриплеменной связи, которое тогда играло исключительную роль в жизни любого мужчины и любой женщины. В мире, который со всех сторон грозил человеку клыками и когтями, где любая рука, кроме руки соплеменника, готова была нанести смертельный удар, инстинкт племенного родства был чем-то большим, нежели пустым словом, каким он стал сейчас. Он был тогда частью человека, столь же необходимой, как сердце или правая рука. И не могло быть иначе. Только так, тесно сплотившись, и мог род человеческий выжить в страшных условиях первобытного мира. Поэтому то личное горе, которое я пережил, увидев останки моих друзей, тоска по безвозвратно ушедшим гибким, сильным юношам и веселым быстроногим девушкам тонули в море печали и ярости, глубина и интенсивность которых были воистину беспредельными. Я понуро сидел, согнувшись, а Гром выжидательно поглядывал то на меня, то на грозную долину, где, словно поломанные зубы хохочущих ведьм, торчали из листьев проклятые колонны.

Я, Ньёрд, не был одним из тех, что постоянно шевелят мозгами. Я жил в мире, где царила физическая сила и за меня думали старейшины племени. Но только тупым безмозглым животным я тоже не был. Итак, я сидел, и в моей голове сначала туманно, затем все более явственно начал складываться план.

Я встал и вместе с Громом приступил к работе. Мы сложили на берегу озера огромную кучу из сухих веток, обломков шатерных стоек, поломанных древков копий. Тщательно собрав то, что осталось от людских тел, мы положили нашу печальную ношу на самый верх кучи, и я высек искру.

Темный густой дым устремился к небу, а я повернулся к Грому и потребовал, чтобы он отвел меня в джунгли, туда, где подстерегал очередную добычу Сатха, великий змей. Пикт посмотрел на меня ошарашенно. Даже лучшие из лучших пиктских охотников уступали дорогу этому грозному повелителю болот.

Но моя воля подхватила Грома, словно вихрь, и он пошел со мной. Мы выбрались из долины, пересекли хребет и углубились в джунгли, держа направление строго на юг. Это был долгий и трудный путь, но Гром в конце концов вывел меня к краю обширной низины. Ее целиком покрывал губчатый ил, в котором по щиколотки вязли наши ноги, из-под слоя гниющей растительности при каждом шаге брызгали вверх струйки липкой жидкости. Гром сказал, что именно здесь время от времени появляется Сатха, великий змей. Вам повезло, что вы никогда не видели Сатху. Никого, подобного ему, на Земле давно уже нет. Как хищные динозавры, как саблезубы, он был реликтом, выходцем из прошлых, давно ушедших эпох – более суровых и жестоких, чем последующие. В мое время, однако, эти ужасные, покрытые жесткой чешуей змеи еще жили, хотя было их уже очень и очень мало. Каждый из них был гораздо длиннее и толще самого большого из современных питонов. С их клыков стекал яд, в тысячу раз более опасный, чем яд королевской кобры. Сатха был воплощением зла и страха для всего живого на Земле. Легенды о нем навсегда вписаны в анналы демонологии. В мифологии стигийцев, а затем египтян он известен под именем Сета, для семитов Сатха был Левиафаном, или Сатаной. Он был ползучей смертью, неумолимой и достаточно ужасной, чтобы удостоиться обожествления. Мне довелось увидеть, как огромный слон пал мертвым от одного-единственного его укуса. Я издали наблюдал за тем, как, величаво извиваясь, проползает его гигантское тело сквозь густые джунгли, как он атакует очередную жертву, но я никогда не охотился на Сатху – даже я, не побоявшийся сразиться с саблезубом, раньше никогда не решался становиться на его пути.

Теперь же я искал встречи с ним, искал в одиночку. Даже те горячие дружеские чувства, которые питал ко мне Гром, не смогли заставить его пойти со мной дальше. Он посоветовал мне перед расставанием вымазать грязью лицо и спеть песню смерти, но я пропустил его слова мимо ушей.

Среди густых деревьев я нашел нечто похожее на тропу и поставил на ней западню. Прежде всего, я выбрал огромное дерево с мягкой волокнистой древесиной, но толстым и тяжелым стволом. Я срубил его мечом у самых корней и свалил так, что его верхушка упала на ветви дерева поменьше, росшего по другую сторону тропы. Затем я обрубил нижние ветви, вытесал тонкий, но крепкий кол и подпер им верхушку колосса. Когда я срубил дерево-опору, тяжеленный ствол глубоко вдавил кол в землю, но я знал, что стоит мне потянуть за длинную и толстую лиану, заранее привязанную к нему, ловушка сработает.

Затем я вновь углубился в тонувшие в полумраке джунгли. Вдруг удушающая, отвратительная вонь ударила в мои ноздри, и над деревьями появилась, раскачиваясь из стороны в сторону, кошмарная голова Сатхи. Раздвоенный язык высовывался и прятался, огромные желтые глаза холодно вглядывались в меня. В них светилась зловещая мудрость мрачного стародавнего мира, в котором не было места людям. Я отшатнулся и побежал. Страх не было, лишь какой-то странный холодок в области позвоночника. Сатха, извиваясь,

следовал за мной. Его восьмидесятифутовое тело волнами перекатывалось через гниющие останки растений в абсолютной, гипнотической тишине. Его клиновидная голова была больше лошадиной, туловище толще человеческого, чешуя переливалась тысячами цветов и оттенков. Я был для него такой же легкой добычей, как мышь для питона, но таких клыков, как у меня, не имела ни одна мышь на свете.

Я бежал быстро, но знал, что от молниеносного удара треугольной головы уйти не смогу. Сатху нельзя было подпускать близко. Я мчался по тропе, прислушиваясь к похожему на шелест травы под ветром шуршанию ползшего за мной гибкого тела.

Он уже почти догнал меня, когда я пробежал под западной. Когда я обернулся, под деревом уже скользило его длинное блестящее тело. Схватившись обеими руками за лиану, я напряг мышцы и отчаянно рванул ее на себя. Огромное бревно с грохотом обрушилось на чешуйчатое тело Сатхи примерно в шести футах за его головой. Я надеялся, что такой удар сломает ему позвоночник, но не думаю, что это случилось на самом деле. Гигантское тело извивалось и крутилось, могучий хвост косил деревья, словно траву. Когда бревно рухнуло на змея, его огромная голова мгновенно повернулась и стремительно атаковала нового врага. Мощные клыки вспороли кору, словно лезвия кинжалов. Однако Сатха тут же понял, что сражается с неодушевленным противником, и снова повернул голову ко мне. Я стоял в безопасном отдалении. Он выгнул покрытую чешуей шею и разинул пасть, обнажая футовой длины клыки. Яд, стекавший с них, способен был прожечь насквозь даже скалу.

Думаю, что если бы не сломавшийся сук, глубоко вонзившийся ему в бок и удерживавший его на месте, подобно гарпуну, он сумел бы выбраться из-под дерева. Его шипение заглушало шум, поднявшийся между тем в джунглях, глаза вглядывались в меня с такой ненавистью, что я задрожал помимо воли. О да, он отлично знал, что это я поймал его. Я подошел настолько близко, насколько мне хватило отваги, и быстрым сильным движением метнул копьё в шею Сатхи, целясь в точку тут же за разинутой пастью, оно пронзило тело змея насквозь и увязло в дереве. Я сильно рисковал. Сатхе далеко было до смерти, и я знал, что ему хватит секунды, чтобы вырвать копьё и освободиться, но этой секунды у него уже не оказалось – я подскочил вплотную, размахнулся и ударил изо всей силы мечом, отрубая напрочь его клыкастую голову.

Изгибы и рывки пойманного Сатхи были ничем в сравнении с конвульсиями его обезглавленного тела. Я оттащил подальше свой трофей и, убедившись, что устроился вне досягаемости для смертоносных ударов могучего хвоста, принялся за дело. Никто из людей никогда не работал с большей осторожностью, чем я тогда – малейшая ошибка грозила мгновенной смертью. Я вскрыл мешочки с ядом и погрузил в них наконечники одиннадцати стрел. Я тщательно следил за тем, чтобы только бронзовые острия имели контакт с этой страшной жидкостью, деревянные древки стрел она пережгла бы без труда.

Тут из-за деревьев осторожно выглянул Гром – любопытство и страх за меня не дали ему усидеть там, где я его оставил. Глаза и рот пикта широко раскрылись, когда он увидел голову Сатхи.

Несколько долгих часов вымачивались наконечники в яде, пока не покрылись смертоносным зеленоватым налетом, там и сям на них заметны стали мелкие черные точки – следы травления металла ядом. Затем, хотя ночь уже спустилась на землю и вокруг слышались порывания охотившихся хищников, мы с Громом отправились в обратный путь и на рассвете добрались до скал, нависавших над Долиной Потрескавшихся Камней.

Перед тем как спуститься в долину, я сломал свое копьё, вытащил из колчана, сломал и

выбросил все неотравленные стрелы. Затем я выкрасил лицо и руки так, как это принято у эсиров, когда они идут на верную смерть. Утренний ветер трепал мою светлую гриву, когда я, повернувшись лицом к восходящему над хребтом солнцу, пел свою песню смерти. Наконец, проверив лук, я направился вниз.

Гром не решился последовать за мной. Он упал лицом вниз на камни и завыл, словно раненый пес.

Я прошел мимо озера, оставив в стороне дымящиеся еще угли погребального костра, и углубился в рощу.

Везде вокруг высились колонны – оплывшие, бесформенные, невероятно древние. Деревья росли густо – свет, казалось, затухал и чах в их развесистых кронах. В полумраке обрисовались очертания полуразвалившихся циклопических стен огромного храма, возле них валялись в пыли груды осыпавшейся штукатурки и цельные скальные блоки. Примерно в шести сотнях ярдов на краю прилегающей к храму большой поляны стояла колонна высотой в семь или восемь сотен футов. Время и непогода изрядно потрудились над нею, так что теперь любой ребенок из моего племени без труда вскарабкался бы на самый ее верх. Увидев эту колонну, я изменил первоначальный план.

Подойдя ближе, я пригляделся внимательнее к циклопическим стенам, на которых чудом держался купол крыши. Он был настолько дыряв, что напоминал выгнутый вверх, поросший мхом скелет некоего сказочного животного. Вход стерегли гигантские колонны, он был настолько широк, что через него свободно прошел бы десяток слонов, двигаясь бок о бок. Быть может, когда-нибудь на них были высечены какие-то знаки или иероглифы, но даже если это было так, их давно уже стерло время. Внутри храма также стояли колонны, сохранившиеся несколько лучше наружных.

Каждую из них венчал плоский пьедестал. Подсознание тут же нарисовало туманные образы чудовищных отвратительных существ, восседавших на этих пьедесталах, верша неведомые обряды, истоки которых терялись где-то во мраке юности вселенной.

Алтаря не было. Только дыра в каменном полу, а вокруг нее странные, омерзительные статуи. Я выворачивал из потрескавшегося пола камни побольше и швырял их во мрак дыры. Я слышал, как они ударялись об стенку колодца, но так и не дождался характерного стука, сообщавшего бы о падении камня на дно. Камень за камнем летел в колодец, и каждый из них я сопровождал проклятием. Но вот, наконец, я услышал звук, который не был отголоском падения камней. Из колодца поплыли чарующие звуки пищалки. Я заглянул в него. Внизу, где-то глубоко во тьме, ворочалась некая огромная белая масса.

По мере того, как музыка становилась громче, я медленно отступал назад. Пройдя под аркой, я вышел наружу и остановился. Послышался скрежет и царапание, и секундой позже из-за колонны выскочило, приплясывая, какое-то существо. Похожее на человека фигурой, оно целиком покрыто было густой шерстью. Если и были у него уши, нос и рот, я их не заметил. Лишь пара багровых глаз таращилась на меня из-под шерсти. Это существо держало в деформированных руках странные пищалки, извлекая из них звуки демонической мелодии. Приплясывая и подпрыгивая, оно приближалось ко мне.

Я вытащил стрелу, натянул лук и послал ее прямо в грудь плясуну. Тот упал, как подкошенный, но музыка, к моему удивлению, звучала по-прежнему, хотя пищалки выпали из бесформенных ладоней. Я подбежал к колонне и, не оглядываясь, вскарабкался по ней вверх. Добравшись до верхушки, я глянул вниз и чуть не свалился от ужаса и неожиданности.

Из храма выползал его невероятный страж. Я готов был к встрече с чем-то страшным, но

то, что я увидел, лежало вне границ человеческого восприятия, было воплощением ночного кошмара. Не знаю, из каких адских глубин оно всплыло века назад, и какая эпоха его породила. Оно не было животным в точном значении этого слова. Ни в одном из земных языков нет слова, которое могло бы послужить ему названием, и я, за неимением лучшего термина, буду называть его Червем. Могу лишь сказать, что он, действительно, больше походил на червяка, чем на змею, осьминога или динозавра.

Он был белым и мягким и, подобно червяку, волочил по земле свое студенистое тело. Но у него были также широкие плоские щупальца и какие-то длинные мясистые выросты, назначение которых осталось для меня тайной. Был у него и длинный хобот, который сворачивался и разворачивался, подобно слоновьему. Четыре десятка глаз, расположенных по кругу, складывались из многих тысяч фасеток, переливавшихся яркими красками, неустанно изменявших цвет и оттенок. Я угадывал скрытый за ними могучий ум – не людской, не звериный, но рожденный во мраке демонический разум, пульс мыслей которого, бьющийся в черной бездне за границами нашей вселенной, иногда ощущается нами во сне. Сказать, что это проклятое чудовище было огромным – значило бы не сказать ничего. Рядом с ним мамонт показался бы карликом.

Я дрожал от страха, но натянул тетиву аж до уха и послал в него стрелу. Чудовище ползло ко мне, словно живая гора, подминая под себя кусты и мелкие деревья. Я слал, не целясь, стрелу за стрелой, промахнуться в столь гигантскую цель было невозможно. Стрелы по оперение вонзались в трясущееся тело, некоторые тонули в нем полностью, и каждая несла слоновую дозу яда. Но чудовище неумолимо надвигалось на меня с ужасающей скоростью, не обращая внимания ни на стрелы, ни на смертельный для всех иных существ яд. И все это время звучала сводящая с ума мелодия, лившаяся из валявшихся на земле пищалок. Моя вера в победу таяла – даже яд Сатхи оказался бессильным против этого адского творения. Последнюю стрелу я послал в эту белую, трясущуюся гору почти вертикально вниз – так близко подполз он к моему убежищу.

И вдруг я увидел, что цвет тела чудовища меняется. По нему пробежала волна жуткой синевы, и оно содрогнулось в конвульсиях, подобных землетрясению. Тварь обрушилась на нижнюю часть моей колонны, сокрушая ее в прах. Но прежде, чем это произошло, я изо всех сил оттолкнулся ногами и прыгнул вперед, стараясь попасть на спину чудовищу.

Губчатая масса спружинила под моими ногами. Я поднял меч обеими руками и по рукоять вбил его в мягкое тело и тут же вытащил. Из ужасного, длиной в ярд, разреза фонтаном хлынула струя зеленой слизи. Секундой позже удар толстого щупальца смахнул меня со спины колосса, как козявку, и подбросил на три сотни футов вверх. Я камнем упал на кроны деревьев.

Этот удар переломал половину моих костей. Я не смог пошевелить ни рукой, ни ногой, когда попытался схватить меч и продолжить сражение. Что можно сделать с перебитым позвоночником? Лишь извиваться беспомощно. Но я видел тварь, и до меня начало доходить, что, несмотря ни на что, победил все же я. Гигантское тело вздымалось и выгибалось, щупальца бешено молотили по воздуху, хобот скручивался и распрямлялся. Тошнотворная белизна тела сменилась бледной мрачной зеленью. Бестия неуклюже развернулась и поползла назад к храму, раскачиваясь из стороны в сторону, словно корабль в бушующем море. Деревья гнулись и ломались, когда она цеплялась за них своим телом.

Я рыдал от бешенства, ибо не мог схватить свой меч и погибнуть с честью, насытив могучими ударами пылавшую в моей душе ярость. Но бота-червя уже коснулось крыло

смерти, и мой меч едва ли принес бы тут много пользы. Дьявольские пищалки все еще наигрывали свою демоническую мелодию, песню смерти для чудовища. Я видел, как монстр схватил тело своего мертвого раба. Оно на секунду повисло в воздухе, оплетенное одним из щупалец, затем чудовище ударило им о стену храма с такой силой, что от обезьяноподобного плясуна, кроме кровавого пятна, ничего не осталось. Лишь после этого пищалки, страшно взвизгнув, умолкли навсегда.

Червь дотащился до края колодца. Тут в нем снова произошло изменение, сути которого я не смогу описать. Даже сейчас, когда я пытаюсь обдумать это спокойно, лишь смутно осознаю, что что-то сверхъестественное, кощунственное, шокирующее творилось с самой материей, ее формой. Тварь сползла в колодец и рухнула вниз, в кромешную тьму, из которой появился, и я знал уже, что он мертв. В то же мгновение, когда тело чудовища исчезло в колодце, стены храма дрогнули, колонны выгнулись вовнутрь и рассыпались с оглушительным треском, свод с грохотом обрушился вниз. Некоторое время в воздухе висела сплошная завеса пыли, деревья вокруг качались и шумели, словно под ударами бури, затем все стихло. Я вытер ладонью кровь с лица и осмотрелся. Там, где прежде стоял храм, возвышалась огромная куча каменных обломков. Все колонны в долине рухнули, превратившись в груды камней.

Воцарившуюся тишину прервал горестный голос Грома, певший песню скорби над моим телом. Я попросил его вложить меч в мою руку. Он сделал это и наклонился надо мной, чтобы выслушать то, что я хотел ему сказать. Ибо мое время уже истекало.

– Пусть люди помнят, – сказал я тихо. – Пусть весть о том, что здесь случилось, летит из деревни в деревню, из клана в клан, от племени к племени. Положите меня с луком и мечом в руках здесь, на этом месте, и насыпьте надо мной курган. Если дух убитого мною бога вернется из бездны, мой дух всегда готов будет встретить его достойно.

Гром стонал и бил себя кулаками в грудь, когда смерть нашла меня в долине Ужаса.

Шествующий из Вальхалы

Небо пылало – мрачное, отталкивающее, цвета потускневшей вороненой стали, исполосованное тускло-матовыми подтеками. И на фоне этого мутно-красноватого пятна крошечными казались невысокие холмы, бывшие настоящими пиками на этом плоскогорье – безотрадной равнине из наносов песка и зарослей мескита; равнине, расчерченной квадратами бесплодных полей, где фермеры-арендаторы надрывались, влача нищее существование. Всю свою жизнь проводили они в бесполезных трудах и горькой нужде.

Я доковылял до холма, который казался выше остальных. С двух сторон к нему подступали заросли сухого мескита. Расстилавшаяся передо мной панорама страшной бедности и мрачного запустения ничуть не улучшила моего настроения. Я тяжело опустился на полусгнившее бревно, и на меня накатила волна мучительной меланхолии, порожденной этой унылой, серой землей. Наполовину затянутое пеленой пыли и прозрачными облаками, красное солнце почти село. Оно застыло над краем западного горизонта, отделенное от него полоской не шире ладони. Но закат ничуть не изменил песчаные наносы и заросли. Мрачный вид солнца лишь подчеркивал страшную заброшенность этой страны.

Неожиданно я сообразил, что нахожусь на вершине не один. Из густых зарослей вышла женщина. Она остановилась, глядя прямо на меня. Я же в безмолвном удивлении воззрился на нее. Внешность ее была весьма необычной. Однако я понял, что она все-таки красива. Не маленькая, не высокая, стройная и с великолепной фигурой. Не помню, какое на ней было платье. У меня сложилось смутное впечатление, что одежда ее выглядела богато, но скромно. Я лишь запомнил странную красоту ее лица, обрамленного темным волнистым ореолом волос. Ее глаза притягивали мой взгляд, как магнит. Но я не могу сказать вам, какого цвета они были. Они казались темными и светящимися, ничуть не похожими на глаза всех тех женщин, что я встречал в своей жизни. Она заговорила, и ее голос со странным акцентом показался мне чуждым и звонким, словно отдаленные переливы колоколов.

– Почему ты так нервничаешь, Хьяльмар?

– Вы меня с кем-то пугаете, мисс, – ответил я. – Меня зовут Джеймс Эллисон. Вы кого-то ищите? Она медленно покачала головой:

– Я пришла снова посмотреть на этот край. Не думала, что найду здесь тебя.

– Не понимаю вас, – удивился я. – Я никогда вас прежде не видел. Вы местная? Говор ваш не похож на техасский.

Она покачала головой:

– Нет. Но в давние времена я долго жила в этих местах.

– На вид вы не такая уж старая, – сказал я напрямик. – Извините, что не встаю. Как видите, у меня только одна нога, а подъем сюда оказался для меня столь долгим, что теперь мне пришлось присесть отдохнуть.

– Жизнь обошлась с тобой сурово, – тихо произнесла незнакомка. – Я еле узнала тебя. Тело твое сильно изменилось.

– Должно быть, вы видели меня до того, как я потерял ногу, – с горечью заметил я. – Хотя я готов поклясться, что не могу вас узнать. Мне было всего четырнадцать, когда на меня упал мустанг и раздробил мне ногу так, что пришлось ее ампутировать. Ей-богу, иногда я жалею, что это случилось с ногой, а не с шеей.

Вот так калеки иногда говорят с совершенно незнакомыми людьми – не столько стремясь вызвать сочувствие, сколько пытаюсь дать выход отчаянно невыносимо измученной души.

– Не волнуйся, – мягко сказала девушка. – Жизнь отнимает, она же и дарует...

– Только не надо читать мне проповеди про смирение и бодрость духа! – гневно воскликнул я. – Будь у меня силы, так и передушил бы всех этих проклятых крикливых оптимистов! С чего мне веселиться? Что мне делать, кроме как сидеть и ждать медленно надвигающейся смерти от неизлечимой болезни? У меня нет никаких радостных воспоминаний... Мне нечего ждать от будущего... за исключением еще нескольких лет боли и горя. А потом наступит чернота полного забвения. В моей жизни не было ничего хорошего, я провел ее в этом заброшенном, пустующем крае.

Плотину моей сдержанности прорвало, и все, накопившееся за долгие годы, разом выплеснулось. Мне даже не казалось странным, что я изливаю душу незнакомке, женщине, которую я никогда прежде не видел.

– У этого края есть свои воспоминания, – сказала девушка.

– Да. Но я-то к ним непричастен. Даже здешняя жизнь пришлась бы мне по душе, если бы я прожил ее, веселясь на всю катушку, как ковбой. Но скваттеры превратили этот край из пастбища в скопище нищих ферм. Я не смог бы повеселиться, охотясь на бизонов, воюя с индейцами или исследуя этот край. Я родился не в тот век. Но мне недоступны подвиги даже этого усталого века.

Невозможно рассказать, как горько сидеть прикованным к креслу, беспомощным и чувствовать, как пересыхает в жилах горячая кровь, а в голове тускнеют сверкающие мечты. Я происхожу от расы людей беспокойных, непоседливых, боевых. Мой прадед погиб в Аламо, сражаясь плечом к плечу с Дэвидом Крокеттом. Мой дед скакал рядом с Джеком Хейсом и Большеногим Уоллесом. Он погиб вместе с тремя четвертями бригады Худа. Самый старший из моих братьев пал при Вайми-Риджи, сражаясь с канадцами, а другой погиб в Аргонне. Отец мой – тоже калека. Он день-деньской дремлет в кресле, но его сны заполнены прекрасными воспоминаниями, так как пуля пробила ему ногу, когда он участвовал в атаке на холм Сан-Хуан.

Но мне-то что вспоминать, о чем мечтать или думать?

– Тебе следовало бы помнить, – тихо произнесла незнакомка. – Даже сейчас воспоминания возвращаются к тебе, словно эхо далекой лютни. Я помню!

Помню, как ползла к тебе на коленях, и ты пощадил меня... Да, и помню гром и грохот, когда разверзлась земля... Неужели тебе никогда не снилось, как ты тонешь?

Я пораженно вздрогнул:

– Откуда ты знаешь? Не раз и не два мне казалось, что бурлящие и пенящиеся воды вздымаются надо мной, словно зеленая гора, и я просыпался, хватая воздух открытым ртом. Я задыхался... Но откуда ты-то об этом знаешь?

– Тела меняются, а душа остается прежней, – загадочно ответила она. – Даже мир меняется. Край этот, как ты говоришь, безотраден, однако прошлое у него подревнее и почудесней, чем у Египта.

Я, дивясь, покачал головой:

– Из нас двоих кто-то сумасшедший, либо вы, либо я. У Техаса есть славные воспоминания. Тут шла война... Но что такое несколько столетий истории по сравнению с египетскими древностями? Я имею в виду настоящую древность.

– В чем особенность этого штата? – спросила женщина.

– Не знаю, что именно вы имеете в виду, – ответил я. – Если вы подразумеваете геологическую особенность, то меня лично поразило то, что край этот представляет собой скопление обширных плоскогорий, или террас, поднимающихся постепенно от уровня моря до высоты в четыре тысячи футов, словно ступени гигантской лестницы, разделенные грядами поросших лесом гор. Последняя такая гряда – Кэпрок, а за ней уже начинаются Великие Прерии.

– Некогда Великие Прерии тянулись до Залива {1 Имеется в виду Мексиканский залив}, – сказала она. – В давние-предавние времена то, что теперь является штатом Техас, было единым огромным плато, полого опускающимся к побережью, но без нынешних горных хребтов и террас. Страшный катаклизм разломил этот край по линии Кэпрока, и на опустившуюся сушу с ревом хлынул океан. Затем, век за веком, воды постепенно отступали, оставляя земли такими, как ныне. Но, отступая, они унесли в глубины Залива много любопытных вещей... Да неужели же ты не помнишь! Огромные бескрайние прерии, протянувшиеся до утесов над сверкающим морем? А над этими утесами поднимался великий город!

Я недоуменно уставился на незнакомку. Неожиданно она нагнулась ко мне, и из-за ее близости и необычной красоты меня захлестнула волна странных чувств. Незнакомка сделала странный жест.

– Ты увидишь! – резко выкрикнула она. – Ты видишь... Что ты видишь?

– Вижу песчаные наносы и мрачные на закате заросли мескита, – ответил я, говоря медленно, словно человек, погружающийся в транс. – Вижу, как солнце садится на западном горизонте.

– Ты видишь огромные прерии, вытянувшиеся до сияющих утесов? – воскликнула она. – Ты видишь переливающиеся на закате шпили и золотой купол города? Ты видишь...

И тут неожиданно наступила ночь. На меня накатила волна темноты и нереальности, в которой существовал только ее голос, настаивающий, повелевающий...

У меня возникло ощущение, что пространство и время тают. Мне показалось, я кружу над бездонными безднами и меня обдувает космический ветер.

А потом я смотрел на клубящиеся облака, нереальные и светящиеся, из которых выкристаллизовывался странный ландшафт, знакомый – и в то же время фантастически незнакомый. Во все стороны тянулись прерии, сливаясь в жарком мареве с горизонтом. Вдали, на юге, вздымая шпили на фоне вечернего неба, застыл громадный черный циклопический город, а за ним сияли голубые воды спокойного моря. Неподалеку от меня по прерии двигалась цепочка фигур. Это были рослые люди с желтыми волосами и

холодными голубыми глазами, облаченные в чешуйчатые кольчуги и рогатые шлемы, со щитами и мечами в руках.

Один из них отличался от остальных тем, что был невысоким, хотя и крепкого телосложения, и темноволосым. А шедший рядом с ним высокий желтоволосый воин... на какой-то миг у меня возникло отчетливое ощущение двойственности. Я, Джеймс Эллисон из двадцатого века, увидел и узнал того человека, который был мною в тот смутный век и в той странной стране. Ощущение это растаяло почти мгновенно, а я уже был Хьяльмаром, сыном Харфагра, не сознающим никакого иного существования, ни былого, ни грядущего.

Однако, рассказывая повесть о Хьяльмаре, я волей-неволей стану растолковывать вам кое-что из того, что он видел, делал и ощущал, словами современного человека. Но помните, что Хьяльмар был Хьяльмаром, а не Джеймсом Эллисоном. Он знал не больше и не меньше, чем вмещал его жизненный опыт, ограниченный сроком его жизни. Я – Джеймс Эллисон, и я был Хьяльмаром, но Хьяльмар-то не был Джеймсом Эллисоном. Человек может оглянуться в прошлое десятитысячелетней давности, но не может заглянуть в будущее ни на мгновение.

НАС ЧЕЛОВЕК ПЯТЬСОТ, и мы не сводили глаз с черных башен, высившихся на фоне одинаково голубых моря и неба. Весь день, с тех пор как первые сполохи зари открыли их нашим удивленным взглядам, мы шли к этому городу. На этих ровных травянистых прериях видно было далеко. Впервые завидев город, мы решили, что он близко, но нам пришлось тащиться весь день, и нас по-прежнему отделяли от него много лиг. Мы решили было, что это призрачный город – один из тех фантомов, что являлись нам во время долгого перехода через пыльные пустыни на западе, где в пылающих небесах мы видели неподвижные озера, окруженные пальмами, извилистые реки и просторные города, неизменно исчезающие, когда мы приближались. Но это был не мираж, порожденный солнцем, пылью и безмолвием. В ясном вечернем небе мы отчетливо видели гигантские детали массивной зубчатой башни, мрачного контрфорса и титанической стены.

В каком же смутном веке я, Хьяльмар, шагал через эти прерии к безымянному городу со своими соплеменниками? Не могу сказать. Это было давно. В Нордхейме тогда жили желтоволосые люди. Звались они не арийцами, а рыжеволосыми ванирами и златовласыми асирами. Это происходило до великого переселения, когда мой народ разбросало по всему миру. И все же переселения поменьше уже начались. Мы не один год находились в пути, далеко уйдя от своей северной отчизны. Теперь нас разделяли земли и моря. О, этот долгий-предолгий путь! С ним не могло сравниться никакое переселение народов, даже тех из них, что стали эпическими. Мы совершили почти что кругосветное путешествие – от заснеженного Севера до холмистых равнин Юга. Мы побывали в горных долинах, которые возделывали мирные люди с коричневым цветом кожи. Довелось нам побывать и в жарких, душных джунглях, воняющих гнилью и кишачих живностью, и в восточных землях, где под колышущимися пальмами пламенели первобытные цветы, где в городах из тесаного камня жили древние народы. И мы вернулись в земли, засыпанные снегом, переправились через замерзший пролив, а потом шли по ледяной пустыне. Коренастые поедатели ворвани с воплями бежали от наших мечей. Мы шли на юго-восток через гигантские горы и огромный лес – пустынный, как Рай после изгнания человека. Преодолели мы и раскаленные песчаные пустыни, и бескрайние прерии, и за безмолвным черным городом мы снова увидели море.

В том путешествии многие состарились. Я, Хьяльмар, возмужал в этом путешествии. Когда я впервые отправился в долгий путь, я был еще юнцом, а теперь стал юношей,

отважным воином, с сильными руками и ногами, могучими широкими плечами, жилистой шеей и железным сердцем.

Мы все были могучими людьми – гигантами, непостижимыми для современного человека. Ныне на земле нет никого столь же сильного, как самый слабый из нашего отряда. Мы были столь сильны, свирепы и отважны, что по сравнению с нами современные атлеты выглядели бы тяжеловесными, неуклюжими и медлительными. Мощь наша была не только физической. Порожденные волчьей расой, проведя годы в скитаниях и сражениях с людьми, зверьми и стихиями, мы впитали в души сам дух дикой жизни – ту неосязаемую силу, что слышится в протяжном вое серого волка; силу, что ревет в северном ветре, что спит в могучем бурлении горных рек; силу, что звучит в стуке града, слышится в ударах крыльев орла и таится в мрачном безмолвии бескрайних просторов диких земель.

Скажу вам, это было странное путешествие. Наш поход был не переселением целого племени – мужчин, желтоволосых женщин и голых детей. В нашем отряде подобрались сплошь мужчины – искатели приключений, которым даже обычаи их бродячего воинственного народа представились чересчур мягкими. Мы ступили на путь в одиночку, покоряя народы, исследуя мир и скитаясь, побуждаемые только безумным стремлением увидеть, что же лежит за гори зонтом.

Нас отправилось в поход больше тысячи. А теперь нас осталось лишь пятьсот. Кости остальных блестели, отмечая наш путь вокруг мира. Много вождей возглавляло нас, и все они погибли в боях. Теперь же нашим вождем был Асгрим, состарившийся в бесконечных скитаниях – суровый, свирепый воин, поджарый, словно волк, и одноглазый, вечно грызущий свою седую бороду.

Мы происходили из разных родов, но все принадлежали к народу златовласых асиров, за исключением воина, шагавшего рядом со мной. Это был Келка, мой брат по крови – пикт. Он примкнул к нам в поросших джунглями холмах далекой страны, отмечавших восточную границу земель, заселенных его народом. Там в жаркую, усыпанную звездами ночь стучали барабаны его племени. Он был воином невысокого роста, с мощными руками и ногами, опасным, как кошка джунглей. Мы, асиры, считались варварами, но Келка по сравнению с нами был настоящим дикарем. Он провел большую часть жизни в опасных, темных джунглях. В его крадущейся походке было что-то от поступи тигра, а в его руках с черными ногтями – от лап гориллы. В глазах Келки горел огонь взбешенного леопарда.

Мы были жестокой ордой. За спиной у нас осталось много стран, где пролились реки крови и где тлели угли зажженных нами пожаров. Я не в силах рассказать вам, какие боины и грабежи мы устраивали. Услышав такое, вы в ужасе отшатнетесь. Вы из более мягкого, умеренного века, и вам не понять те жестокие времена, когда одна волчья стая рвала другую, а нравы и нормы жизни отличались от принятых в этом веке, как мысли серого волка-убийцы отличаются от мыслей дремлющей перед камином толстой комнатной собачонки.

Это длинное объяснение я привел, чтобы вы могли понять, что за люди шли через равнину к городу, и, понимая это, правильно истолковать то, что случится позже. А без такого понимания сага о Хьяльмаре – всего лишь история грабежей и убийств.

Тогда же, глядя на великий город, лежащий перед нами, мы испытывали трепет. В других землях за морем мы опустошили не один город. Многочисленные столкновения научили нас избегать, когда можно, сражений с превосходящими силами противника, но страха мы не испытывали. Мы были одинаково готовы и к войне, и к дружескому пиру, как уж выберут жители го рода.

Горожане нас заметили. Мы находились достаточно близко, чтобы разглядеть сады, поля и виноградники перед стенами, увидеть спешащие к городу фигурки крестьян. Мы увидели, как засверкали копья на зубчатой стене, и услышали громкий рокот боевых барабанов.

– Быть войне, брат, – гортанно произнес Келка и спокойно надел на левую руку круглый щит. Мы подтянули пояса и взяли за оружие – не медное и бронзовое, какое выделывали наши современники в далеком Нордхейме, а из острой стали, сработанное в стране пальм и слонов покоренными нами хитрыми людишками, чьи вооруженные сталью воины не сумели устоять против нас.

Мы выстроились на равнине неподалеку от высоких черных стен, которые казались построенными из гигантских базальтовых блоков. Из наших рядов вышел вперед Асгрим. Он был без оружия. Наш вождь протянул руки ладонями в сторону города в знак мира. Но в землю рядом с ним вонзилась стрела, прилетевшая со стороны башен, и он отступил, присоединившись к нам.

– Война, брат! – прошипел Келка, в его черных глазах замерцали красные огоньки. В тот же миг огромные ворота распахнулись, и из города выступили шеренги воинов с колышущимися в блеске копий султанами перьев. Заходящее солнце полыхало на их начищенных до блеска медных шлемах.

Воины были высокими и поджарыми, с темной кожей, хотя и коричневой, а не черной, и хищными, ястребиными чертами. Их амуниция была из меди и кожи, а круглые щиты покрывала блестящая шагрень. Копья, тонкие мечи и длинные кинжалы у них были бронзовыми. Они наступали, выстраиваясь в идеальном порядке – полторы тысячи мечей, неукротимый поток колышущихся султанов и сверкающих камней. На зубчатых стенах города появились зрители.

Никаких мирных переговоров.

Когда они подошли поближе, старый Асгрим подал голос, словно волк, вышедший на охоту, и мы ринулись навстречу атакующим. Мы не строились ни в какой порядок. Мы бежали к ним, словно волки, и, приблизившись, увидели презрение, написанное на их ястребиных лицах. Они не стреляли из луков, и из наших рядов не вылетело ни одной стрелы, ни одного копья. Единственным нашим желанием было сойтись в рукопашной. Когда же мы оказались на расстоянии броска дротика, они обрушили на нас град копий, которые по большей части отскочили от наших щитов и кольчуг, а потом с глухим гортанным ревом наши воины врезались в ряды врага.

Кто сказал, что дисциплина выродившейся цивилизации способна потягаться со свирепостью варваров? Наши противники старались биться, как один, а мы сражались каждый за себя, бросаясь очертя голову прямо на их копья, рубя, как бешеные. Весь их первый ряд рухнул под ударами наших мечей, а задние ряды отступили и заколебались, когда ощутили наш грубый напор. Если б они устояли, то могли бы зажать нас с флангов, окружить своими превосходящими силами и перебить. Но они не выдержали. В буре молотящих мечей мы прошли сквозь их строй, ломая их ряды, ступая по телам убитых, и неудержимо помчались дальше. Их строй распался. Битва превратилась в бойню. По части силы и свирепости они оказались нам не чета.

Мы косили их, как пшеницу, пожинали, как созревшую рожь! Когда я вновь воскрешаю в памяти ту битву, Джеймс Эллисон во мне уступает место бешеному Хьяльмару, объятomu безумием, без конца выкрикивающему боевой клич. Я снова пьянею от звона мечей, плеска горячей крови и рева битвы.

Наши враги побежали, побросав копья. Мы помчались за ними по пятам и гнали их до самых ворот, через которые не так давно вышло это воинство.

Ворота захлопнулись у нас перед носом – и перед носом толпы несчастных, искавших спасения от наших мечей. Горожане закрыли путь к спасению своим же воинам, и те царапали и колотили в неподатливые порталы. Но мы перебили всех, кто не успел спастись. После мы, в свою очередь, стали колотить в ворота, пока град камней и бревен со стен не вышиб мозги трем нашим воинам. Тогда мы отступили на безопасное расстояние. Мы слышали, как воют на улицах женщины, а выстроившиеся на стенах мужчины стреляли по нам из луков, не выказывая особой меткости.

От места, где столкнулись войска, до ворот равнину усеяли тела убитых, и там, где погиб кто-то из наших, лежало с полдюжины воинов с султанами на шлемах.

Солнце зашло. Мы разбили небольшой лагерь перед воротами и всю ночь слышали доносившиеся из-за стен завывания и стенания. Там плакали по тем, чьи неподвижные тела мы ограбили и свалили в кучу неподалеку от поля битвы. На рассвете мы взяли тела тридцати павших в бою асиров и, оставив лучников наблюдать за городом, отнесли мертвых к утесам, отвесно возвышавшимся в полутора тысячах футов над белым песчаным берегом. Мы нашли ведущие вниз пологие ущелья и отнесли мертвых к кромке воды.

Там из вытащенных на песок рыбацких лодок мы соорудили большой плот и уложили на него большую кучу плавуна. На нее мы положили мертвых воинов, облаченных в кольчуги, и их оружие. Мы перерезали глотки дюжине пленных и вымазали их кровью мечи мертвецов и борта плота, а затем подожгли его и оттолкнули от берега. Он уплыл далеко по зеркальной поверхности голубой воды, пока не превратился в красный огонек и не растаял в занимающейся заре.

После этого мы поднялись обратно по ущелью и расположились перед городом, распевая боевые песни. Мы снова взялись за луки, и с башен один за другим посыпались воины, пронзенные нашими длинными стрелами. Из деревьев, растущих в садах за городом, мы соорудили штурмовые лестницы и приставили их к стенам, а потом ринулись по ним вверх, навстречу стрелам, копьям и факелам. На нас лили расплавленный свинец. Четырех воинов сожгли словно муравьев. Тогда мы снова стали пускать стрелы, пока между зубцами стены не осталось ни одной головы с султаном перьев.

Под прикрытием наших лучников мы опять приставили лестницы. Когда мы собрались снова рвануться вверх, на одной из башен появилась фигура, при виде которой мы остановились, как вкопанные.

Эта была женщина, такая, какой мы уже давно не видели. Ветер развевал ее золотистые волосы. Ее молочно-белая кожа сверкала на солнце. Она окликнула нас на нашем родном языке, запинаясь, словно много лет не говорила на нем:

– Подождите! У моих хозяев есть что сказать вам.

– Хозяев? – Асгрим произнес это слово так, словно выплюнул его. – Это кого же дочь асиров называет хозяевами? Никто не может повелевать ею, кроме мужчин ее собственного племени!

Девушка, казалось, не поняла слов нашего предводителя, но ответила:

– Это – город Хему, и хозяева Хему – владыки этой страны. Они велели мне сказать вам, что не могут выстоять перед вами в бою. Однако вам будет мало прока, если вы влезете на стены, потому что они собственными руками перебьют своих женщин и детей, подожгут дворцы, так что вам достанется лишь груда окровавленных камней. Но если вы пощадите

город, вам пришлют в подарок золото и драгоценные камни, вино, редкие яства и прекраснейших девушек.

Асгрим дернул себя за бороду. Ему очень не хотелось отказываться от грабежа и резни. Но воины помоложе заревели, как быки: – Пощади город, старый медведь! А то они всех баб перебьют... А мы много лун бродили там, где женщинами и не пахнет...

– Глупые юнцы! – воскликнул Асгрим. – Женские поцелуи и любовные стоны быстро приедаются, а вот меч при каждом ударе заводит новую песню. Что вы предпочтете: приманку в виде женщин или безумие побоища?

– Женщин! – проревели молодые воины, бряцая мечами. – Пускай пришлют девок, и мы пощадим их проклятый город.

С усмешкой, выразившей горькое презрение, старый Асгрим повернулся к воротам города и крикнул златовласой девушке на башне:

– Моя б воля, я б стер в пыль ваши стены и шпиды, окропил бы пыль кровью твоих хозяев. Но мои молодые воины – дурни! Присылайте яства и женщин... и пришлите в заложники сыновей вождей!

– Будет сделано, мой господин, – ответила девушка.

Тогда мы убрали штурмовые лестницы и вернулись в свой лагерь.

Вскоре ворота распахнулись, и из города вышла процессия нагих рабов, нагруженных золотыми сосудами с яствами и винами, о существовании которых мы и знать не знали. Рабами командовал человек с ястребиным лицом в мантии из перьев яркого цвета. В руках он держал жезл из слоновой кости, а на голове носил медный обруч в виде свернувшегося в кольцо змея. Судя по осанке, этот человек был жрецом. Он, показывая на себя, назвал имя: Шаккару. Вместе с ним явилось с полдюжины юнцов, одетых в шелковые штаны с усыпанными самоцветами поясами. Молодые люди дрожали от страха. Желтоволосая девушка, по-прежнему стоявшая на башне, крикнула нам, что это сыновья князей, и Асгрим заставил их опробовать вино и яства, прежде чем отдать нам.

Асгриму же рабы поднесли янтарные кувшины, наполненные золотым порошком, плаш из пламенно-алого шелка, шагреновый пояс с усыпанной самоцветами золотой пряжкой и начищенный до блеска медный головной убор, украшенный большим султаном перьев.

Наш вождь покачал головой и пробурчал:

– Броские побрякушки и яркие украшения – все это суетный прах, и с годами они поблекнут, но острота ощущений во время побоища не притупится, а запах свежепролитой крови полезен ноздрям старика.

Но он все-таки облачился в эту блестящую сбрую, и тогда вперед выступили девушки – стройные, молодые создания, гибкие и темноглазые, одетые в переливающиеся шелка – Асгрим выбрал самую красивую, хотя и оставался угрюмым. В тот миг он выглядел, как человек, срывающий горький плод.

Прошло немало лун с тех пор, как мы видели женщин, если не считать смуглых, прокопченных созданий из племени пожирателей ворвани. Наши воины со свирепой жадностью расхватывали перепуганных девушек... но моя душа пала при виде златовласой красавицы на башне. В голове у меня не осталось места ни для каких иных мыслей. Асгрим поручил мне охранять заложников и перерезать их без всякой жалости, если вино и яства окажутся отравленными, или какая-нибудь женщина заколет воина припрятанным кинжалом, или горожане неожиданно и вероломно нападут на нас.

Тем временем горожане вышли собрать тела убитых. Соблюдая множество странных

ритуалов, они сожгли своих мертвых на мысу, далеко выдающемся в море.

Затем из города к нам вышла еще одна процессия, подлиннее и поважнее первой. Вожди города явились безоружными, сменив броню на шелковые туники и плащи. Впереди, подняв кверху свой жезл из слоновой кости, шагал Шаккару, а две шеренги молодых рабов, одетых лишь в короткие мантии из перьев попугаев, вынесли покрытые балдахинном носилки из красного дерева, инкрустированные драгоценными камнями.

Под балдахинном сидел худощавый мужчина. На его узкой голове была странная корона. А рядом с носилками шла та белокожая девушка, которая говорила с башни. Процессия подошла к нам, и рабы, по-прежнему держа носилки, опустились на колени, в то время как знать расступилась в стороны и тоже преклонила колени. Стоять остались только Шаккару и девушка.

Старый Асгрим повернулся к ним, суровый, свирепый, настороженный. Колыхавшиеся у него над головой черные перья султана отбрасывали тень на его изрезанное глубокими морщинами лицо. И я подумал, насколько же больше он походил на короля, стоя с мечом в руке среди своих воинов-великанов, чем человек, который сидел, развалясь на носилках.

А потом я уставился на девушку, с которой впервые столкнулся лицом к лицу. На ней была лишь короткая туника из голубого шелка, без рукавов, с низким вырезом спереди. Подол туники едва доходил ей до коленей. На ногах ее были мягкие сандалии из зеленой кожи. Глаза девушки оказались большими и прозрачными, а волосы золотом блестели на солнце. В ее стройной фигуре проглядывала такая мягкость, какой я никогда не видел ни в одной асирке. Наши женщины с их льняными волосами обладали своего рода свирепой красотой, но эта девушка была и так прекрасна. Она выросла не в пустынной стране, как женщины нашего племени; не там, где жизнь – постоянная борьба за существование, как для мужчин, так и для женщин.

Но я сбился с мысли...

Так вот, я стоял, ослепленный сиянием ее золотых волос, пока она переводила слова короля и рыкающие гортанные ответы Асгрима.

– Мой господин говорит тебе: «Внемли, я – Акхеба, жрец Ишгар, царь Хему. Да будет дружба между нами. Мы нуждаемся друг в друге, ибо вы, как сказало мне колдовство – люди, слепо скитающиеся по голой стране, а городу Хему нужны острые мечи и могучие руки. С моря надвигается на нас враг, которому мы в одиночку противостоять не сможем. Поживите в нашей стране, одолжите нам свои мечи, возьмите наши подарки и отдыхайте в свое удовольствие. Женитесь на наших девушках. Наши рабы будут трудиться на вас. Каждый день вы будете садиться за стол, ломящийся под тяжестью мяса, рыбы, белого хлеба, фруктов и вина. Носить вы будете прекрасные одеяния, жить в мраморных дворцах с шелковыми ложами и журчащими фонтанами».

Теперь-то Асгрим понимал, о чем речь, ибо мы однажды уже встречали подобный прием в одном городе среди пальм. Глаза асира засверкали при мысли о врагах и предстоящих битвах.

– Мы останемся, – ответил он. И остальные асиры взревели, выражая согласие. – Мы поживем тут и вырежем сердца ваших врагов. Но лагерь свой мы устроим за стенами города, и заложники будут находиться при нас днем и ночью.

– Хорошо, – согласился Акхеба, степенно склонив голову, а знать Хему встала на колени перед Асгримом и осыпала поцелуями его сандалии. Но он обругал заискивающих богачей и попятился в гневном смущении, в то время как его воины захохотали в глупом веселье.

Потом Акхеба вернулся в город, покачиваясь в носилках на плечах рабов, а мы приготовились к долгому отдыху. Но я не мог отвести взгляда от златовласой переводчицы, пока за ней не закрылись ворота города.

Так мы и зажили за стенами города. День за днем горожане приносили нам еду и вино и присылали все новых и новых девушек. Выходили и рабы. Они трудились в садах, полях и виноградниках, не опасаясь нас. В море плавали рыбачьи лодки – узкие суда с резными носами и полосатыми шелковыми парусами.

В один прекрасный день мы приняли приглашение короля и через раскрытые железные ворота вошли в город плотной толпой, поместив в центре строя заложников с приставленными к их шеям обнаженными мечами.

Клянусь Имиром, Хему выглядел величественной постройкой! Наверняка нынешние хозяева города происходили из чресел богов, ибо кто же еще мог возвести такие могучие, черные базальтовые стены в восемьдесят футов высотой и сорок в основании? Или воздвигнуть огромный золотой купол, поднимающийся на пятьсот футов над вымощенными мраморными улицами?

Миновав широкую улицу с колоннами по обеим сторонам, мы, сжимая в руках мечи, вышли на широкую рыночную площадь. Из дверей и окон на нас глазело множество людей, испуганных и замороженных. Рыночный гомон неожиданно стих, когда мы свернули на площадь, и народ подался прочь из лавок, чтобы уступить нам место. Мы держались настороженно, как тигры. Хватило бы самого малого неприятного происшествия, чтобы мы взорвались в неистовой вспышке побоища. Но жители Хему все понимали и не злили нас.

Вышли жрецы. Они склонились перед нами, а потом отвели нас в огромный дворец короля – колоссальное здание из черного камня и мрамора. Рядом с дворцом был широкий и открытый двор, вымощенный мраморными плитами. Из этого двора мраморная лестница (достаточно широкая, чтобы по ней могло подниматься, встав в ряд, человек десять) вела на возвышение, куда иной раз выходил король произнести речь перед огромной толпой собравшегося народа.

За этим двором вытянулось одно дворцовое крыло. К его порталу вела широкая лестница. Эта часть здания выглядела более древней, чем остальной дворец. Стены ее покрывала странная резьба, а каменная крыша была крутой и высокой, поднимавшейся над всеми другими шпилями города, кроме золотого купола. Что находилось в этом крыле дворца, так и не узнал ни один из асиров. Горожане поговаривали, что там располагался гарем Акхебы.

По другую сторону двора стояли таинственные каменные портики, там на широкой, вымощенной мрамором улице жили младшие жрецы. За этими домами высился золотой купол, венчавший храм Иштар. Сапфировые шпили и сверкающие башни поднимались со всех сторон, но купол был выше и сиял точно так же, как ореол Иштар. Это объяснил нам Шаккару. Проведя среди нас несколько дней, молодые вельможи порядком обучились нашему грубому, простому языку, и теперь жрецы Хему разговаривали с нами, объясняясь через них и при помощи знаков.

Служители Иштар отвели нас к высоким порталам храма. Заглянув сквозь ряды высоких мраморных колонн в таинственный, неяркий сумрак внутренних помещений, мы не решились войти, опасаясь засады. Все это время я нетерпеливо искал взглядом златокудрую девушку, но ее нигде не было. Горожане больше не нуждались в ней как в переводчице, и она исчезла, растворившись в этом таинственном городе.

После первой экскурсии мы возвратились в свой лагерь, но стали заходить в город снова

и снова, сначала группами, а потом, когда наши подозрения поутихли, поодиночке. Однако мы не ночевали в городе, хотя Акхеба и предлагал нам разбить палатки на большой рыночной площади, если уж нам не нравятся предложенные им мраморные дворцы. Никто из нас никогда не жил в каменном доме или за высокими стенами. Наш народ обитал в шатрах из дубленых шкур или в хижинах-мазанках, а за долгие годы пути мы привыкли спать, как волки, на голой земле. Но днем мы бродили по городу, дивясь на его чудеса, забирали с лотков, к отчаянью купцов, все, чего ни пожелаем, и осторожно заходя во дворцы. Там нас развлекали испуганные женщины, которых мы просто завораживали. Жители Хему оказались на диво способными. Вскоре они говорили на нашем языке не хуже нас, в то время как их язык с трудом давался нашим варварским глоткам.

Но все это пришло со временем. На следующий же день после первого посещения города многие из нас снова вошли в город. Шаккару проводил нас ко дворцу старших жрецов, примыкавшему к храму Иштар. Когда мы вошли, я увидел златокудрую девушку, начищавшую шелковой тряпкой толстого медного идола. Асгрим опустил свою тяжелую руку на плечо одного из молодых вельмож.

– Передай жрецу, что эта девушка будет моей, – проворчал он. Но прежде, чем жрец успел ответить, во мне вспыхнула бешеная ярость, и я шагнул к Асгриму, как тигр подходит к своему сопернику.

– Если кто и возьмет эту девушку, то им будет Хьяльмар, – прорычал я. Асгрим развернулся с кошачьей стремительностью, заслышав в моем голосе мурлыкающие нотки убийцы из джунглей. Мы напряженно стояли лицом друг к другу, положив руки на эфесы мечей. Келка по-волчьи оскалился и начал потихоньку подкрадываться к Асгриму со спины, украдкой доставать свой длинный нож, но тут Акхеба обратился к нам через одного из заложников:

– Нет, господа мои. Алуна не для вас и вообще ни для кого. Она – служанка богини Иштар. Просите любую другую женщину в городе, и она будет ваша, будь она даже моей фавориткой. Но эта женщина – священна.

Асгрим крякнул и не стал настаивать. Девушка, дышавшая фимиамами таинственного храма, произвела впечатление даже на его свирепую душу, и хотя мы, асиры, не слишком почитали богов других народов, однако тогда мы не испытывали ни малейшего желания брать девушку, посвятившую свою жизнь таинственному божеству. Однако мои суеверия оказались слабее желания обладать Алуной.

Я снова и снова приходил ко дворцу жрецов, и, хотя тем не слишком нравились мои визиты, они не сочли нужным (или не посмели) запретить мне приходить. Постепенно я начал ухаживать за Алуной.

Рассказать вам о моем умении ухаживать за девушками? Любую другую женщину я бы просто уволок за волосы в свою палатку, но даже без запретов жрецов в моем отношении к Алуне было что-то, связывавшее мне руки. Тут я не мог допустить никакого насилия. Я ухаживал за ней, как мы, асиры, ухаживаем за своими свирепыми и гибкими красавицами. Я хвалился своей мощью и рассказывал байки о побоищах и грабежах. Без преувеличения можно сказать, что мои повести о битвах и убийствах привлекли бы самых свирепых красавиц Нордхейма. Но Алуна была мягкой и скромной. Она выросла в храме и дворце, а не в глинобитной хижине в ледяной пустыне! Моя свирепая похвальба пугала ее. Она не понимала меня.

И, по странной прихоти природы, ее непонимание и делало ее еще более очаровательной

в моих глазах. Равно как и моя дикость, пугающая ее, заставляла ее смотреть на меня с большим интересом, чем на мягкотелых мужчин Хену.

Разговаривая с Алуной, я узнал, как она попала в Хену. Ее сага оказалась столь же странной, как и повесть об Асгриме и нашем отряде. Алуна мало что могла рассказать о тех краях, где жила в детстве. Она не имела не малейшего понятия о географии, но говорила, что родилась где-то далеко на Востоке. Она помнила унылое побережье и беспорядочно разбросанные мазанки. Вокруг нее тогда были желтоволосые люди, как и она сама. Думаю, происходила она из ветви асиров, живущих на западной границе страны, заселенной в те века народом Хьяльмара. Алуне было лет девять-десять, когда ее захватили во время набега темнокожие люди на галерах. Девушка не знала, кто они такие. Да и мое знание древних племен ничего не могло мне подсказать, ибо в те времена финикийцы еще не выходили в море, да и египтяне тоже. Могу лишь предположить, что это были люди какого-то древнего племени былых веков, как и жители Хему.

Они захватили Алуну в плен, но буря унесла их на юго-запад. Много дней блуждали они по морю, пока их галера не налетела на рифы страшного острова, где жили странные, раскрашенные люди. Островитяне перебили уцелевших, отправив их мясо в свои котлы. Желтоволосую девочку они по какой-то прихоти пощадили. Посадив ее в большое каноэ, разрисованное скалящимися черепами, они отправились в путь и плыли, пока не увидели на высоких утесах шпили Хему.

Там Алуну продали жрецам Хему. Так она и стала служительницей богини Иштар. Я полагал, что ее должность священна и почетна, но обнаружил, что дело вовсе не в этом. В душе моей зашевелился червячок сомнений, когда я понял, с каким презрением относились горожане к людям других, более молодых рас.

Ее положение в храме не было ни почетным, ни достойным; хотя и звалась она служанкой богини, она не имела никаких привилегий, за исключением того, что прикасаться к ней не дозволялось никому из жрецов. Фактически она была не более чем рабыня, на которую холодные и похожие на ястребов жрецы изливали свою жестокость. Для них она не выглядела красавицей. Светлая кожа и переливающиеся золотые волосы казались горожанам всего лишь признаками неполноценности. Даже мне, не склонному напрягать свой разум, приходила в голову смутная мысль, что если блондинка выглядела достойной презрения, то какое же вероломство могло таиться за почетом, оказываемым ей мужчинами этого города.

От Алуны я узнал мало о городе Хему. Много больше рассказали мне жрицы и молодые вельможи. Горожане были очень древним народом и считали, что происходят от полумифических лемурийцев. Некогда их города опоясывали весь залив, на берегу которого стоял Хему. Но некоторые города поглотило море, иные пали под натиском разрисованных дикарей с островов, а другие оказались разрушены в ходе гражданских войн, так что теперь уже почти тысячу лет тут был только Хему. Торговые отношения горожане поддерживали лишь со своевольными, размалеванными жителями островов, которые до самого недавнего времени (около года) регулярно приплывали на своих длинных каноэ с высокими носами торговать серой амброй, кокосами, китовым усом и добытыми среди островов кораллами. Взамен горожане снабжали их красным деревом, леопардовыми шкурами, золотом, слоновыми бивнями и медной рудой, которые привозили с какого-то неизвестного материка, расположенного далеко на юге.

Жители Хему – угасающая раса. Хотя их еще было несколько тысяч, многие считались

рабами, потомками тысяч поколений рабов. Их народ представлял собой лишь тень былого величия. Еще несколько веков – и вымерли бы последние из них. Но на островах, лежащих к югу, зародилась опасность, готовая одним махом покончить с существованием Хему.

Раскрашенные воины перестали приплывать для мирной торговли. Теперь они появлялись лишь на боевых каноэ, стуча копьями по обтянутым шкурами щитам и распевая варварские боевые песни. Среди них объявился вождь, объединивший враждующие племена и бросивший их в поход против Хему. Он отправился в поход не против бывших хозяев этих земель, ибо прежняя империя, частью которой был город Хему, рухнула еще до переселения дикарей на острова с далекого континента – колыбели их расы. И вождь дикарей не походил на своих подданных. Он был гигантом с белой кожей (вроде нас, асиров), с безумными голубыми глазами и алыми, как кровь, волосами.

Жители Хему видели его. Ночью его боевые каноэ, переполненные раскрашенными копейщиками, прокрались вдоль берега, а на рассвете дикари хлынули вверх по ущельям меж утесов, убивая рыбаков, спавших в хижинах на берегу, рубя земледельцев, как раз собиравшихся на поля. Дикари пытались штурмовать город. Однако в тот раз могучие стены устояли, и нападающие, отчаявшись взять город, отступили. Но рыжий король, появившись перед воротами, размахивая отрубленной женской головой, которую держал за волосы, что есть мочи клялся вернуться с таким флотом каноэ, от которого почернеет море, и стереть в пыль башни Хему. Вот он-то и его убийцы и были теми самыми врагами, для борьбы с которыми нас наняли, и мы со свирепым нетерпением ждали их прибытия, все больше и больше привыкая к благам цивилизации, так как варвары могут за короткий срок приспособиться к цивилизованным обычаям. Мы по-прежнему жили в лагере на равнине и держали мечи под рукой, но больше из врожденной осторожности, чем из опасения. Даже Асгрим, как казалось, не чувствовал больше опасности, особенно после того, как Келка, обезумев от вина, убил на рыночной площади трех горожан, и за этим кровавым деянием не последовало никакой мести, и никто не запросил виры.

Преодолев свою подозрительность, мы позволили жрецам провести нас в душное, темное здание храма Иштар. Мы даже побывали во внутреннем святилище, где во мраке, пропитанном запахом фимиама, тускло горели жертвенные огни. Там, на большом черном с красными прожилками алтаре, у подножия мраморной лестницы, принесли в жертву вопящую рабыню. Эта лестница, уходившая куда-то наверх, в темноту, пропадая из вида, как сказали нам, вела в обитель Иштар. Дух жертвы поднимался по ней, чтобы служить богине. Я счел это правдой, так как после того, как тело на алтаре перестало двигаться и ритуальные песнопения стихли до леденящего шепота, я услышал где-то высоко, на верхней площадке лестницы, звуки, похожие на плач, и решил, что нагая душа жертвы, рыдая от ужаса, предстала перед богиней.

Позже я спросил Алуну, видела ли она когда-нибудь богиню. Девушка затряслась от страха, сказав, что на Иштар могут смотреть лишь духи мертвых. Она, Алунa, никогда не ступала на мраморную лестницу, что ведет к обители богини. Алуну звали служанкой Иштар, но ее обязанности заключались в исполнении приказов жрецов с ястребиными ликами и их голых женщин со злыми глазами, которые, словно тени, скользили в пурпурном полумраке меж колонн.

Однако среди воинов-асиров росло недовольство. Они устали от праздной жизни, роскоши и даже от темнокожих женщин. Ведь в душе асира постоянной остается только жажда кровавой битвы и дальних странствий. Асгрим ежедневно беседовал с Шаккару и

Акхебой о древних временах. Я был очарован Алуной, а Келка каждый день напивался в винных лавках. Он пил, пока без чувств не падал прямо на улице. Но остальные воины шумно выражали свое недовольство той жизнью, которую вели, и спрашивали у Акхебы, как же насчет врага, которого им обещали предоставить.

– Потерпите, – отвечал Акхеба. – Враги приплывут, а с ними явится и их рыжий король.

Над переливающимися шпилями Хему занялся рассвет. К тому времени, о котором речь пойдет дальше, воины начали проводить в городе не только дни, но и ночи. Предыдущей ночью я как раз напился с Келкой и валялся с ним на улице, пока утренний бриз не выветрил из моей головы винные пары. С утра пораньше отправившись на поиски Алуны, я прошелся по мраморной мостовой и зашел во дворец Шаккару, примыкавший к храму Иштар. Миновав обширные внешние покои, где все еще спали жрецы и их женщины, я вдруг услышал доносящиеся из-за закрытых дверей звуки ударов плети по обнаженному телу. К ним примешивался жалобный плач и мольбы о пощаде. И голос молящей был мне знаком.

Дверь из проложенного серебром красного дерева оказалась закрытой на засов, но я вышиб ее, словно она была из картона. Алуна стояла на четвереньках. Туника ее была задрана. Жрец с холодным, ядовитым презрением бичевал ее плетью из мелких ремешков, которая оставляла на коже ягодиц девушки алые рубцы. Когда я ворвался в комнату, жрец обернулся. Лицо его стало пепельным. Прежде чем он успел пошевелиться, я сжал кулаки и одним ударом расколол ему череп, как яйцо, заодно и сломав ему шею.

Мой взор заволокло красной пеленой. Наверное, дело было не столько в боли, которую тот жрец причинял Алуне (потому что боль в варварской жизни тех времен – дело обычное), сколько в осознании того, что жрец обладал ею... и, скорее всего, не он один.

Настоящего мужчину можно распознать по тем чувствам, которые он испытывает к женщине одной с ним крови. Это – единственный тест расового сознания. Можно взять себе в жены иноземку, сесть с иноземцем за один стол и не испытывать ни малейшего неудобства. Только при виде иноземца, овладевшего или собирающегося овладеть женщиной одной с вами крови, вы осознаете расовые и национальные различия.

Так и я, державший в своих объятиях женщин многих рас и ставший кровным братом дикарю-пикту, затрясся в безумной ярости при виде чужака, поднявшего руку на асирку.

Я считаю, осознание, что она в рабстве у иного народа, и порожденный этим гнев и послужили первопричинами моих чувств. Корни любви лежат в ненависти и ярости. А непривычная мягкость и нежность этой женщины выкристаллизовала мое первое смутное ощущение.

Теперь же я стоял, хмуро глядя на Алуну, а она рыдала у моих ног. Я не помог ей встать, не вытер ее слез, как сделал бы цивилизованный человек. Приди мне в голову такая мысль, я немедленно отверг бы ее как недостойную мужчины.

Стоя там, я вдруг услышал, как меня громко зовут по имени, и в покои вбежал Келка, кричащий во все горло:

– Они плывут, брат, как и говорил старик! В город прибежали дозорные с утесов. Они говорят: в море черно от боевых лодок!

Бросив взгляд на Алуну, я повернулся, собираясь уйти вместе с пиктом. Но тут девушка, пошатываясь, поднялась на ноги и подошла ко мне. Со струящимися по щекам слезами, она протянула ко мне руки:

– Хьяльмар! Не покидай меня! Я боюсь! Мне страшно!

– Сейчас я не могу тебя забрать, – проворчал я. – Будет битва. Но, вернувшись, я заберу тебя, и никакие жрецы меня не остановят!

Я быстро шагнул к ней. Мои руки рванулись вперед... а затем, из боязни оставить синяки на нежной коже Алуны, я отдернул их. Какое-то мгновение я безмолвно стоял, и меня терзали противоречивые чувства.

Они лишили меня способности говорить и действовать. Потом, освободившись от наваждения, я вышел на улицу вслед за пиктом, не находившим себе места от нетерпения.

Солнце уже всходило, когда мы, асиры, выступили к очерченным алым светом утесам. Следом за нами отправились полки жителей города. Мы сбросили нарядные одежды и головные уборы, которые носили в городе. Восходящее солнце искрилось на наших рогатых шлемах, длинных поношенных кольчугах и обнаженных мечах. Мы шагали, позабыв о месяцах безделья и кутежей. Наши души трепетали от предвкушения предстоящей схватки. Мы шли на битву, как на пир, и, вышагивая, гремели мечами и щитами, словно пели победную песню о Ньерде, съевшем красное, дымящееся сердце Хеймдаля. Воины Хему в изумлении смотрели на нас, а люди, высыпавшие на стены города, ошеломленно качали головами и перешептывались.

Вот так и подошли мы к утесам. Там мы увидели, что море, как и сказал Келка, черно от боевых каное с высокими носами, украшенными ухмыляющимися черепами. Десятка два лодок уже пристали к берегу, а другие покачивались на гребнях волн. Вражеские воины плясали на песке и кричали. Их крики доносились и до нас. Приплыло их много, самое малое – тысячи три, но, возможно, много больше. Жители Хему побледнели, но старый Асгрим лишь рассмеялся, как не смеялся на моей памяти много лун. Годы спали с его плеч, словно отброшенная в сторону мантия. На берег от подножия утесов вело с полдюжины расселин, и именно по ним должны были наступать захватчики, так как ни один человек не смог бы забраться по отвесным скалам. Мы собрались у верхних концов этих ущелий, а позади нас выстроились горожане. Они не собирались принимать участия в битве, оставаясь в резерве на тот случай, если нам потребуется помощь.

Распевающие, раскрашенные воины хлынули вверх по ущельям, и мы наконец увидели их короля, возвышающегося над огромными фигурами воинов. Утреннее солнце зажгло его волосы алым пламенем, а смех его походил на порывы морского ветра. Он один из всей этой

орды носил кольчугу и шлем, а большой меч в его руке сверкал, словно серебряный. Да, это был один из бродячих ваниров, наших рыжих родичей из Нордхейма. Я ничего не знаю о его долгом пути в эти земли, о его скитаниях и не смогу пропеть его сагу, хотя она могла оказаться еще более дикой и невероятной, чем у Алуны или у нас. Какое безумство помогло ему стать королем свирепых дикарей, я даже и предположить не могу. Но когда он увидел, что за люди противостоят ему, его яростные крики зазвучали с новой силой. Повинуясь ему, раскрашенные воины бросились вверх по склонам, словно волны со стальными гребнями.

Мы натянули луки, и тучи наших стрел засвистели по ущельям. Передние ряды скосил наш стальной дождь. Орда завоевателей отступила, а потом, сплотив ряды, опять хлынула вверх. Мы отбивали атаку за атакой, но снова и снова налетали они на нас в слепой ярости.

Атакующие не имели никаких доспехов, и наши длинные стрелы прошивали их обтянутые кожей щиты, словно холстину. Сами они из луков стреляли плохо. Когда же им удавалось подойти достаточно близко, они швыряли в нас копья. Так погибли некоторые из нас. Но мало кому из врагов удалось приблизиться к нам на расстояние броска копья. Еще меньше дикарей прорвалось наверх. Помню, как один огромный воин выполз из ущелья, словно змей, с пузырящейся на губах алой пеной. Из его живота, шеи, груди, рук и ног торчали оперенные стрелы. Он был, как бешеный пес, и его предсмертный укус оторвал пятку моей сандалии. Я растоптал ему голову, превратив ее в кровавое месиво.

Некоторые, очень немногие, прорвались сквозь этот слепящий смертоносный град и сошлись с нами врукопашную, но их судьба оказалась немногим лучше. В схватках один на один мы, асиры, были сильнее. Наши доспехи отражали удары их копий, в то время как наши мечи и топоры пробивали их деревянные щиты, словно бумажные. Однако врагов было так много, что, если бы не преимущество нашей позиции, все мы погибли бы на утесах, и заходящее солнце осветило бы лишь дымящиеся развалины Хему.

Весь этот долгий летний день мы держали оборону. Когда же у нас опустели колчаны, тетивы луков истрепались, а ущелье завалили груды раскрашенных тел, мы отбросили луки, выхватили мечи, ринулись вниз и сошлись с захватчиками один на один, меч против меча. Дикари гибли, как мухи, однако их осталось еще слишком много, и огонь мести пылал в их сердцах. Они желали поквитаться за убитых друзей и родичей, чьи тела теперь устилали ущелья.

Дикари рвались вперед, завывая, словно штормовой ветер. Они потрясали копьями, размахивали боевыми дубинами. Мы встретили их вихрем стали, разрубая груди, отсекая руки и ноги и снося головы с плеч. Ущелья превратились в настоящую бойню, где люди едва могли удержаться на ногах, ступая по залитым кровью, заваленным трупами тропам.

По земле уже пролегли длинные тени, когда я встретился с королем нападавших. Он стоял на ровной площадке, где полого поднимающийся склон выравнивался, прежде чем снова перейти в еще более крутой подъем. Его задело несколькими стрелами, и на его теле было несколько рубленых ран, но безумный огонь в его глазах не померк. Его громовой голос все еще призывал к атакам шедших за ним запыхавшихся, усталых, шатающихся воинов. Хотя в других ущельях еще бушевала яростная битва, он стоял здесь на груде мертвецов, и рядом с ним застыли два огромных воина с копьями, липкими от крови асиров.

Я бросился на ванира. Келка мчался за мной по пятам. Двое раскрашенных воинов ринулись мне наперерез, но на них налетел Келка. Телохранители ванира напали на кельта с двух сторон, со свистом рассекая копьями воздух. Но как волк уворачивается от ударов, пикт уклонился от их окровавленных копий. Три фигуры на миг столкнулись. Потом один воин

упал с выпотрошенными кишками, другой рухнул поперек него, и пикт ловким ударом отсек ему полголовы.

Я подскочил к рыжему королю. Мы одновременно нанесли удары. Мой меч сорвал с его головы шлем, а от его ужасного удара его меч и мой щит разлетелись вдребезги. Прежде чем я смог снова ударить, он отшвырнул рукоять меча и схватился со мной голыми руками. Я выпустил меч, бесполезный в ближнем бою, и мы сцепились в смертоносных объятиях.

Мы оказались равны по силе, но его сила покидала тело вместе с кровью, сочащейся из двух десятков ран. Напрягаясь и пыхтя от усилий, мы шатались из стороны в сторону. Я чувствовал, как пульс стучит у меня в висках, видел, как вздулись его жилы. Вдруг он неожиданно подался назад, и мы полетели кувырком, покатались по склону. В схватке ни он, ни я не рискнули вытащить кинжалы. Но пока мы катились по склону и рвали друг друга, я почувствовал, как его могучие руки медленно теряют свою железную силу. Извернувшись из последних сил, я оказался наверху и вонзил пальцы в его жилистое горло. От пота и крови в глазах у меня померкло, дыхание со свистом вырывалось из моих легких, но я все глубже впивался пальцами в его горло. Его руки бесцельно и вслепую стали хватать воздух, и тут я, заскрипев зубами от усилий, вырвал кинжал и вонзил его в тело врага. Гигант подо мной перестал шевелиться.

Затем я, полуослепленный, пошатываясь, поднялся на ноги. Каждая жилка моего тела тряслась от напряжения после отчаянной борьбы. Келка уже собирался отсечь вождю варваров голову, но я этому помешал.

Когда погиб ванир, по рядам наступающих пронесся протяжный крик, и они дрогнули. Он, вождь, был тем огнем, который весь день зажигал их сердца, воодушевляя на бой. Теперь же дикари неожиданно сломались, побежали вниз по ущельям. Мы рубили убежавших. Мы преследовали их до самого берега, забивая, как скот. Когда они добежали до своих каноэ и отчалили, мы бросились за ними и гнались, пока не зашли по плечи в воду. Нас гнала вперед безумная ярость. Когда последние уцелевшие, выгребая, отплыли на безопасное расстояние, берег оказался завален трупами. В кровавой пене прибое плавали тела.

На берегу и на мелководье лежали тела только раскрашенных дикарей, но в ущельях, где бушевал жестокий бой, полегло семьдесят асиров. А из оставшихся в живых почти все были ранены.

Клянусь Имиром, ну это было и побоище! Солнце опускалось к горизонту, когда мы вернулись с утесов, усталые, пыльные, окровавленные. У нас почти не было сил для победной песни, но сердца наши радовались кровавым деяниям. За нас пели жители Хему. Они с громкими криками высыпали из города и расстелили перед нами шелковые ковры, устлали наш путь розами и золотой пылью. С собой мы принесли своих раненых. Но прежде всего мы перенесли своих убитых на берег, разломали каноэ врагов, соорудили плот, уложили на него тела мертвых асиров и подожгли его. И еще мы взяли тело рыжего вождя захватчиков и положили его в большое каноэ вместе с телами его самых храбрых воинов, дабы те служили ему в стране мертвых, и оказали ему тот же почет, что и своим погибшим.

Вернувшись в город, я нетерпеливо стал искать взглядом в толпе Алуну, но не нашел. Горожане разбили палатки на рыночной площади, и мы уложили там своих раненых. Сюда же пришли лекари-горожане. Они стали перевязывать раны асирам. Акхеба приготовил для нас в большом зале своего дворца победный пир. Туда-то мы и отправились, пропыленные и окровавленные. Даже старый Асгрим скалил зубы, словно голодный волк, вытирая с узловатых рук запекшуюся кровь.

Я на какое-то время задержался среди палаток, где лежали раненые. Слишком устал я, чтобы отправляться на пир, пусть даже повиснув на плечах товарищей. Я ждал, что Алуна придет ко мне. Но она не пришла, и я отправился в большой зал королевского дворца, перед которым, неподвижно вытянувшись, стояли воины Хему – человек триста – для оказания большего почета своим союзникам, как сказал Акхеба.

Тот зал был длиной в триста футов и вдвое меньше в ширину. Пол его был выложен полированным красным деревом, но паркет наполовину закрывали толстые ковры и шкуры леопардов. В стенах резного камня оказалось множество сводчатых дверей из красного дерева, занавешенных бархатными гобеленами. На троне в противоположном от входа конце зала сидел Акхеба. Он взирал на пиршество со своего царского возвышения, по обе стороны от которого выстроились ряды щеголявших султанами перьев копьеносцев. А за протянувшимся через весь зал обеденным столом расселись асиры в помятых, испачканных, пыльных одеждах и доспехах. Многие были перевязаны окровавленными тряпками. Они пили, ревели и объедались, им прислуживали рабы и рабыни.

Вожди, вельможи и воины города сидели в начищенных до блеска доспехах среди своих союзников, и мне показалось, что на каждого асира приходится по три-четыре девушки, смеющихся и покорившихся грубым ласкам моих соплеменников. Порой визгливый женский смех перекрывал гомон пирующих. Во всей этой сцене проглядывало что-то фальшивое, какая-то натянутая легкость, искусственное веселье. Но я и тут не нашел Алуны и, выйдя через одну из дверей красного дерева, пересек увешанные шелками покои. Освещались они тускло, и я чуть не налетел на старого Шаккару. Тот отшатнулся. Он выглядел почему-то расстроенным, встретившись со мной. Я заметил, что он прячет что-то под балахоном, который, как сообщил Акхеба, надел сегодня в нашу честь.

Думал я в тот момент только об одном.

– Я хочу поговорить с Алуной, – сказал я. – Где она?

– В настоящее время она исполняет свои обязанности и не может с тобой увидеться, – ответил жрец. – Приходи завтра в храм...

Он потихоньку попятился от меня, и по едва заметной бледности, проступившей под его смуглой кожей, по дрожи в его голосе я понял, что он смертельно меня боится и хочет от меня избавиться. Во мне живо вспыхнули подозрения варвара. Через мгновение я уже сжал горло жреца, выкручивая ему руки. Я отобрал длинный нож, который он извлек из-под балахона.

– Где она, шакал? – прорычал я. – Говори, а то...

Жрец болтался в моих руках, словно марионетка, не доставая брыкающимися пятками до пола. Шея его выгнулась назад и каким-то чудом еще осталась несломанной. Боясь смерти, широко выпучив глаза, он задергал головой, и я чуть ослабил захват.

– Она в святилище Иштар, – пробормотал жрец. – Ее должны принести в жертву богине. Сохрани мне жизнь... я тебе все скажу... открою тайну и весь заговор...

Но я уже услышал достаточно. Схватив жреца за пояс и за колено, я вскинул его над головой, вышиб ему мозги, стукнув о колонну, и, прыжками промчавшись меж рядами массивных колонн, выскочил на улицу.

В городе царила угрожающая тишина, как перед бурей. Той ночью на улицах не собиралось никаких толп празднующих по случаю победы над врагами. Двери всех домов были заперты, окна закрыты ставнями. Свет нигде не горел. Я не увидел во всем городе ни одного сторожа. От этого город выглядел странным и нереальным. Безмолвный, призрачный

город, где единственными звуками стали крики пирующих асиров, доносившиеся из большого зала. Я разглядел пылающие факелы на площади, где лежали раненые.

Увидел я и старого Асгрима, сидевшего во главе стола. Руки у него были в пятнах от засохшей крови, а в дырах шелкового плаща просвечивала иссеченная и пропыленная кольчуга. Над головой у него раскачивались большие черные перья, отбрасывающие тень на его суровое лицо. Вдоль всего стола девушки обнимали и целовали полупьяных асиров, снимая с них тяжелые шлемы и помогая выбраться из кольчуг, в которых после выпитого вина моим соплеменникам стало жарко.

Келка, словно изголодавшийся волк, обгладывал большую мясистую кость. Несколько смеющихся девушек дразнили его, уговаривая отложить меч, пока Келка, разозлившись от их веселья и назойливости, не нанес ближайшей из них такой удар костью, что красавица рухнула на пол то ли замертво, то ли без чувств. Но пронзительный смех и веселье ничуть не уменьшились. Мне вдруг показалось, что предо мной сидят вампиры и скелеты, смеющиеся и пирующие прахом и пеплом.

Я поспешил по безмолвной улице, пересек двор и миновал дома жрецов. Тут никого не было, кроме рабов. Ворвавшись в портик храма с высокими колоннами, я пробежал через полосу густого мрака, выставив вперед руки, влетел в тускло освещенное внутреннее святилище и остановился, замерев. Младшие жрецы и обнаженные девушки столпились вокруг алтаря на коленях. Низко склонившись в поклонах, они распевали песнь жертвоприношения, держа в руках золотые кубки для сбора крови, стекавшей по высеченным в камнях канавкам. А на алтаре, тихо стеная, как могла бы стенать умирающая газель, лежала Алуна.

В святилище царил сумрак из-за клубов дыма фимиама. Но не дым, а жажда крови затуманила мне взор. Издав нечеловеческий крик, жутко прозвеневший под сводчатым потолком, я ринулся вперед. Черепа раскалывались под моим бешено хлещущим мечом. От этой бойни у меня остались только неистовые и хаотические обрывки воспоминаний. Помню крики, свист стали, смертоносные удары, хруст костей, фонтаны крови. Верещавшие жрицы бежали. Они рвали волосы и зывали к богам. А я свирепствовал среди них – разъяренный лев, опьяненный жадой крови. Я напоминал волка, попавшего в стадо овец и обезумевшего от свежей крови. Мало кому тогда удалось сбежать от меня.

Я помню один образ, четко отпечатавшийся на сумрачно-красном фоне всеобщего безумия: гибкая обнаженная девушка застыла от ужаса возле алтаря. Она поднесла к губам кубок с кровью. Глаза ее горели. Я схватил ее левой рукой и швырнул о мраморную лестницу с такой яростью, что, должно быть, переломал ей все кости. Остальное я помню плохо. Краткая вспышка ярости – и святилище оказалось завалено трупами. Потом я стоял среди мертвецов, в святилище, больше напоминающем бойню. По полу протянулись ручейки крови. Повсюду были разбросаны жуткие и непристойные куски человеческой плоти.

Мой меч повис в бессильно опустившейся руке, когда я, еле волоча ноги, приблизился к алтарю. Веки Алуны затрепетали, и, когда я взглянул на нее, она открыла глаза. Мои руки безвольно повисли, я весь обмяк.

– Хьяльмар! – прошептала она. Потом ее веки сомкнулись. От длинных ресниц на щеки легли тени, с тихим вздохом она попыталась поднять голову. Больше всего Алуна напоминала девочку, которая прилегла поспать. Моя душа рвалась из груди, но уста сковала немота. Я был варваром и не умел выразить своих чувств. Я опустился на колени рядом с алтарем и неуверенно провел рукой по ее телу. Я поцеловал губы умирающей, неловко, как

поцеловал бы их зеленый юнец. Один лишь этот поцелуй... только этот неловкий поцелуй... Впервые за всю свою жестокую жизнь я – асир Хьяльмар – отнесся к кому-то с нежностью.

Потом я медленно встал, постоял над мертвой Алуной и так же медленно и механически поднял меч. При прикосновении к его рукояти мой разум обуяло безумие – бешеная ярость, присущая моему племени.

Со страшным криком бросился я к мраморной лестнице. Иштар! Дух Алуны отправился к богине, и пусть по пятам за этим духом явится мститель! Пусть богиня поплатится за Алуно. Моя вера была простым культом варваров. Жрецы говорили мне, что Иштар жила наверху, и что лестница вела в ее обитель. Мне казалось, меня там ждут туманные царства звезд и теней. Я поднялся наверх, на головокружительную высоту, и святилище подо мной стало лишь неясной игрой тусклых огней и теней. Вокруг меня разлилась тьма.

Потом я неожиданно вышел, но не на широкие звездные просторы, где обитают божества, а к решетке с золотыми прутьями. Я услышал, как по ту сторону прутьев рыдает женщина. Но это оказалась не нагая душа Алуны, воющая перед божественным престолом, потому что ее плач я бы узнал, будь Алуна живой или мертвой.

В безумной ярости схватился я за прутья решетки. Они согнулись в моих руках. Я вырвал их и пролез в отверстие, едва сдерживая крик берсерка. В тусклом свете факела, установленного глубоко в нише, я увидел, что нахожусь в круглом сводчатом помещении, стены и потолок которого, казалось, сделаны сплошь из золота. Тут стояли бархатные ложа с шелковыми подушками, а на одном из них возлежала плачущая обнаженная женщина. Я увидел на ее теле следы от бича и остановился, ошарашенный и сбитый с толку. А где же богиня Иштар?

Должно быть, я произнес этот вопрос вслух, коверкая язык горожан, так как девушка подняла голову и взглянула на меня своими темными глазами. Она была очень красива, но в ее красоте таилось что-то чуждое, находящееся вне моего понимания.

– Я и есть Иштар, – ответила она мне. Голос ее звучал тихо, как отдаленный малиновый перезвон колокольчиков, хотя и прерываемый рыданиями.

– Ты? – ахнул я. – Ты – Иштар, богиня Хему?

– Да! – она поднялась на колени, ломая белые руки. – О, человек, кто бы ты ни был... даруй мне милосердие, если оно вообще существует! Снеси мне голову с плеч и покончи с моими муками, дящимися уже целую вечность!

При этих словах я попятился и опустил меч.

– Я пришел убить кровавую богиню, – проворчал я. – Я не собираюсь убивать хнычущую рабыню. Если ты – Иштар, то... что же все это значит?

– Слушай же, и я расскажу тебе! – вскричала она, придвинувшись ко мне на коленях и ухватив меня за подол кольчуги. – Только выслушай меня, а потом даруй ту малость, о которой я прошу... ударь меня своим мечом!.. Я – Иштар, дочь царя сумеречной Лемурии – страны, давным-давно погрузившейся в море. Еще в детстве я была отдана в жены Посейдону, богу моря. Той жуткой, таинственной брачной ночью, когда я лежала на груди океана, Посейдон даровал мне вечную жизнь, которая за долгие века моего плена стала сущим проклятием... Но тогда я жила в пурпурной Лемурии, молодая и красивая, как и сейчас. В то время, как мои товарищи по детским играм старели и седели, я оставалась прежней. А потом Посейдон устал от Лемурии и Атлантиды. Он встал и потрянул своей пенистой гривой. Его белые скакуны промчались над степями, шпилями и алыми башнями, но, как и прежде, волны моего владыки, Посейдона, мягко вынесли меня на берег. Там меня

и нашли жрецы. Жители Хему утверждают, что пришли на эти берега из Лемурии, но на самом деле они – раса рабов, говорящих на ублюдочном языке. Когда я заговорила с ними на языке Лемурии, жрецы закричали народу, что Посейдон ниспослал им богиню. Люди пали ниц и стали поклоняться мне. Но жрецы и тогда уже были такими же хитрыми и коварными, как сейчас, некромантами и дьяволопоклонниками, не признающими никаких богов, кроме Внешней Бездны. Они заключили меня в этом золотом куполе и с помощью пыток вырвали у меня мою тайну... Более тысячи лет народ поклонялся мне, и людям лишь иногда позволяли увидеть меня мельком – стоящей на мраморной лестнице, полускрытой дымом... или услышать мой голос, вещающий на странном наречии. Но жрецы...

О, боги Му, чего я только не вынесла от них! Богиня для народа – рабыня для жрецов!

– Почему ты не уничтожишь их своим колдовством? – недоуменно спросил я.

– Я не колдунья, – ответила она. – Хотя ты мог бы счесть меня ею, если б я рассказала тебе, какие тайны мне ведомы. Лишь одно колдовство я могла бы сотворить... колдовство, влекущее за собой страшную, всеокрушающую гибель... Но для этого мне нужно встать на рассвете на берегу и призвать Посейдона. Тихими ночами я слышу, как он бушует за утесами. Он спит и не внемлет моим крикам. И все же, если б я смогла встать у него на виду и призвать его, он услышал бы и внял моей молитве. Жрецы хитры. Они заперли меня там, где ему не видно меня и не слышно... Больше тысячи лет не смотрела я на его могучее голубое тело...

Неожиданно мы оба вздрогнули. Откуда-то издалека донесся до нас страшный, дикий гам.

– Измена! – воскликнула она. – Твоих соплеменников убивают на улицах! Вы уничтожили врагов, которых боялись горожане, и теперь они обратились против вас!

С проклятием бросился я вниз по лестнице, метнув лишь один, полный муки взор на тело, лежавшее на алтаре. Я выбежал из храма. На улице, за домами жрецов, звенела сталь. Оттуда доносились вой смерти, крики ярости и подобные грому боевые крики асиров. Горожане тоже вопили, переполненные торжеством и ненавистью. Но их крики смешивались с воплями страха и боли. Улицы больше не были безмолвными и пустынными. Они кишели сражающимися людьми. У дверей лавок, хижин и дворцов, появились горожане с оружием в руках. Они жаждали помочь солдатам, сцепившимся в безумной схватке с желтоволосыми чужаками. Эту неистовую сцену освещало пламя многочисленных пожаров.

Мимо меня пробегали воюющие горожане. Когда я приблизился ко дворцу короля, ко мне, пошатываясь, подошел воин-асир, выброшенный бурей битвы, неистовствующей где-то впереди. Он был без доспехов и сгибался чуть ли не пополам. Из груди его торчала стрела. Руками он держался за живот.

– Вино оказалось отравленным, – простонал он. – Нас предали и обрекли на гибель! Мы сильно напились, и женщины уговорили нас отложить мечи и снять доспехи. Только Асгрим и пикт не поддались их уговорам. А потом женщины выскользнули из зала. Старый стервятник Акхеба тоже куда-то подевался! Ах, Имир, мои кишки вертит, словно завязанный в узел канат!.. А потом из дверей неожиданно хлынули лучники, осыпавшие нас стрелами. Воины Хему обнажили мечи и накинулись на нас... Наводнившие зал жрецы выхватили ножи. Слышишь, это крики с рыночной площади, где режут глотки нашим раненым! Имир, ты мог бы посмеяться... но это... ах, Имир!

Воин осел на мостовую, согнувшись, словно натянутый лук. На губах его выступила пена. Руки и ноги его дергались в страшных конвульсиях. Я по мчался во двор. На

противоположной стороне его и на улице перед дворцом шел бой. Там скопилась масса народа.

Стаи темнокожих воинов в доспехах бились с полуголыми желтоволосыми великанами, которые рази ли и рвали врагов, словно разъяренные львы, хотя единственным оружием им служили сломанные скамьи, мечи и копья, выхваченные из рук умирающих врагов, или голые руки. Притом у всех них на губах выступила пена. Их тела терзала страшная боль. Но, клянусь Имиром, они умирали не одни. Под ногами у них сплошным ковром лежали расчлененные трупы. Они дрались, словно дикие звери, чья свирепость может стихнуть лишь когда в их телах умрет последняя, самая малюсенькая искра жизни.

Большой пиршественный зал пылал. В свете пожара я увидел стоящего на тронном возвышении старого Акхебу, трясущегося и дрожащего от зрелища собственного вероломства. Рядом с ним возвышались два могучих телохранителя. Бой шел по всему двору. Я увидел Келку. Тот был пьян, но это ничуть не отразилось на его качествах бойца. Он стоял в центре скопища врагов, и его длинный нож сверкал в свете пожара, распарывая глотки и животы, выпуская на мраморную мостовую кровь и внутренности.

С глухим, мрачным ревом бросился я в гущу свалки, и через несколько минут мы с Келкой стояли одни в кольце трупов. Он по-волчьи оскалился, стиснув зубы:

– В вине был демон, Хьяльмар! Он дерет мне кишки, словно дикая кошка... Пошли, давай еще поубиваем их, прежде чем умрем. Смотри... Наш старик дает последний бой!

Я взглянул туда, где прямо перед горящим залом среди многочисленной стаи горожан-шакалов возвышалась могучая фигура Асгрима. Его меч сверкал, вокруг него падали враги. Какой-то миг черные перья его султана колыхались над ордой, а потом исчезли, и на то место, где он стоял, накатила черная волна.

В следующий миг я огромными прыжками понесся к мраморной лестнице. Мы врзались в шеренгу воинов на нижних ступенях и прорвали ее. Враги нахлынули сзади, пытаясь стащить нас вниз, но Келка развернулся, и его длинный нож затеял смертоносную игру. Враги навалились на него со всех сторон, и вот там-то он и умер – так же, как жил, рубя и убивая в безмолвном неистовстве, не прося и не давая никому пощады.

Я взбежал наверх по лестнице, и старый Акхеба взвыл, завидев меня. Свой сломанный меч я оставил в груди одного из стражников. На двоих телохранителей Акхебы я бросился с голыми руками. Они ринулись мне навстречу, нанося удары копьями. Я схватил за копьё одного и дернул на себя, заставив его полететь вниз по лестнице. Копье другого пробило мне кольчугу. По древку заструилась кровь. Прежде, чем мой враг смог вырвать копьё и снова ударить, я схватил его за горло и пальцами разодрал ему глотку. После этого, выдернув из раны копьё, я отшвырнул его в сторону и кинулся к Акхебе, который завопил и, подпрыгнув как можно выше, ухватился за край крыши позади возвышения. Безумный страх придал ему сил и смелости. Он карабкался по крутой крыше, словно обезьяна, хватаясь за резные украшения. И все время он выл, как побитая собака.

Я последовал за ним. Моя жизнь уходила вместе с кровью, сочащейся из раны под кольчугой. Одежда уже вся пропиталась кровью, но сила дикого зверя еще не покинула меня. Визжа от страха, король лез дальше и дальше. Мы поднимались все выше и выше, пока не оказались на относительно ровном коньке крыши в пятидесяти футах над улицами. Тут мы остановились.

Перекрывая адский шум битвы, перекрывая неистовые завывания Акхебы, над городом прозвенел странный, западающий в память крик. На вершине большого золотого купола, над

всеми башнями и шпилями стояла обнаженная фигура с развевающимися на ветру волосами. Она четко выделялась на фоне разгорающейся зари. Это была Иштар. Она размахивала руками и выкрикивала неистовые призывы на незнакомом языке. Девушка сбежала из золотой клетки, которую я сломал. Теперь она стояла на куполе и призывала бога своего народа – Посейдона!

Но мне нужно было свершить месть. Я приготовился к прыжку, после которого и я, и Акхеба разбились бы, рухнув вниз с высоты в пятьдесят футов. Но тут прочная каменная кладка у меня под ногами закачалась. Акхеба завопил с новой силой. С громовым треском отдаленные утесы рухнули в море. Раздался протяжный грохот, словно землю у нас под ногами разбивали вдребезги гигантским молотом. У меня на глазах вся огромная равнина закачалась, подалась и накренилась к югу.

Землю рассекли огромные трещины, и вдруг, с неопишным грохотом, стали рушиться городские стены и башни. Весь город Хему пришел в движение! Превращаясь в развалины, он стал соскальзывать в море, которое, ревя поднималось ему навстречу! Башня билась о башню. Они опрокидывались, перемалывая вопящих насекомых-людей в пыль, расшибая их падающими камнями. Только что передо мной стоял город со шпилями и крышами, а теперь – безумный, вздымающийся, крошащийся хаос обломков грохочущего камня. Шпили, раскачиваясь над руинами, падали один за другим.

А купол по-прежнему возвышался над обломками. Девушка-богиня все еще кричала и жестикулировала.

Потом с ужасным ревом море взметнулось, и огромные щупальца зеленой пены обрушились на развалины. Волны становились все больше и больше, пока вся южная часть города не скрылась под бурлящими водами.

Какой-то миг конек древней крыши, за который мы цеплялись, возвышался над руинами, устояв при первом натиске стихии. Улучив момент, я прыгнул и схватил старого Акхебу. Его предсмертный крик зазвенел у меня в ушах. Я почувствовал, как плоть его горла рвется под моими железными пальцами, словно гнилая мякоть. Его мышцы отрывались от костей, а сами кости превращались в крошево. Грохот землетрясения стоял у меня в ушах. Зеленые волны бушевали у моих ног. Когда треснула земля, каменная кладка разверзлась прямо у моих ног, и меня захлестывали зеленые волны. Моя последняя мысль была о том, что Акхеба умер от моей руки раньше, чем волны коснулись его тела.

Я с криком вскочил, выбросив руки перед собой, словно пытаюсь отразить натиск бурлящих волн. Я зашатался. Чувства переполняли меня. Хему и старый король исчезли. Я – одноногий инвалид – Джеймс Эллисон – стоял на заросшем мескитом холме, и солнце висело в небе чуть выше зарослей мескита. С тех пор, как незнакомка провела рукой у меня перед глазами, прошли считанные секунды. Теперь же она стояла, глядя на меня с загадочной улыбкой, в которой проглядывала не столько насмешка, сколько жалость.

– Что это такое было? – ошеломленно воскликнул я. – Я был Хьяльмаром... Я – Джеймс Эллисон... Тогда Залив был морем... Великие Прерии простирались тогда до самого берега, а на берегу возвышался проклятый город Хему. Нет! Не могу поверить! Я схожу с ума. Ты меня загипнотизировала... Заставила увидеть сон...

Женщина покачала головой:

– Все это было на самом деле, Хьяльмар. Только произошло давным-давно.

– Как же тогда насчет Хему? – воскликнул я.

– Его перемолотые развалины сейчас спят в синих водах Залива, куда их смыло за долгие века, что прошли с тех пор, как воды отступили, оставив за собой эти бескрайние холмистые степи.

– А как же Иштар – та женщина, их богиня?

– Разве она не была женой Посейдона, который услышал ее крик и уничтожил злой город? Он вынес ее невредимой на своей груди. Иштар была бессмертна. И она обошла много стран, жила среди многих народов, пока не усвоила урок. Та, что некогда была рабыней жрецов, стала их повелительницей. Она стала богиней по жестокой иронии судьбы, но после гибели Хему осталась ею по праву, в силу своей мудрости, скопленной за века... Она звалась Иштар у ассирийцев, и Ашгорет у финикийцев. Она была Милиттой и Белит в Вавилоне. Да... Изидой в Египте, и Астартой в Карфагене. Саксы звали ее Фрейей, а греки – Афродитой, римляне – Венерой. Разные народы называли ее разными именами и по-разному поклонялись ей, но повсюду она была той же самой, и огни на ее алтарях никогда не гасли.

Говоря это, женщина подняла на меня свои ясные, темные, светящиеся глаза. Последнее сияние заката очертило ореол вокруг ее темных, как ночь, волос, обрамляющих странное, чуждое и экзотическое, но красивое лицо. У меня вырвался крик:

– Ты! Ты – Иштар! Значит, это правда! Ты – бессмертна... Ты – вечная женщина, корень и исток Мироздания... символ вечной жизни! А я в прошлой жизни был Хьяльмаром. Видел кровавые битвы и сокровища дальних стран. Познал славу великого воина...

– Воистину ты все изведаеть вновь, усталый человек, – тихо проговорил Иштар. – В скором времени ты снимешь эту жуткую маску искаленного тела и облачишься в новое одеяние, яркое и сверкающее, как доспехи Хьяльмара!

Наступила ночь. Уж не знаю, куда пропала та женщина. А я сидел один на заросшем кустарником холме, и ночной ветер шуршал, скользя по песчаным наносам. Он нашептывал о чем-то мрачным зарослям мескита.

Сад страха

Когда-то я был Ханвульфом, странником. Не могу объяснить этот факт какими-либо таинственными причинами, да и не буду пытаться. Но в воспоминаниях моих не одна прошлая жизнь – многие. Любой нормальный человек порою вызывает в памяти образы детства, отрочества и юности. Моя память открывает мне образы, которые были Джеймсом Эллисоном в давно забытых веках. Не могу сказать, почему эти воспоминания принадлежат мне, как не могу объяснить мириады других феноменов природы, с коими ежедневно сталкиваюсь я и любой другой смертный. Но, лежа и ожидая смерти, а вместе с нею и освобождения от продолжительной болезни, я ясно и безошибочно вижу широкую панораму тянувшихся за мною жизней. Я вижу людей, и каждый из них – я; я вижу зверей, и каждый из них – я.

Когда в этой жизни я стал человеком, моя память продолжала хранить смыслы всех моих прошлых жизней. Иногда Зверь затмевал во мне Человека, и тогда я ощущал, что между ними нет четкой границы. Сейчас, в веренице воспоминаний, я вижу тусклые сумерки, гигантские деревья первобытного леса, по мягкой земле которого никогда не ступала обутая в кожу нога.

Я вижу там широкую косматую фигуру, что двигается неуклюже, но быстро, то прямо, то на четвереньках. Она роется под гнилыми бревнами в поисках гусениц и насекомых, подергивая своими маленькими ушами. Она поднимает голову и, задирая длинную верхнюю губу, скалит желтые зубы. Это – человекообразная обезьяна, и все же я узнаю ее родство с существом, теперь носящим имя Джеймс Эллисон. Родство? Нет, скорее, единство. Я – он, а он – я. Мое тело мягкое, белое, лишенное волос; его тело смуглое, крепкое и косматое. И, тем не менее, мы – одно, и в его слабом, неразвитом мозгу уже начинают шевелиться и трепетать мысли и мечты, незрелые, хаотические, мимолетные, но составляющие при этом основу всех возвышенных и величественных видений, впоследствии являвшихся людям на протяжении всех долгих веков.

Мое знание на этом не кончается. Оно заходит далеко, очень далеко, в незапамятные вереницы воспоминаний, куда я не осмеливаюсь углубляться; в пропасти, слишком темные и жуткие, чтобы в них мог погрузиться человеческий ум. Но даже здесь я осознаю свою личность, свою индивидуальность. Я утверждаю, что личность никогда не исчезает – ни в черной яме, из которой мы когда-то выползли, слепой, бурной и шумной, ни в той вечной нирване, в которой мы в один прекрасный день окажемся, и которую я мельком заметил

вдали, сияющую, как голубое сумеречное озеро среди бесчисленных звезд.

Но довольно. Я расскажу вам о Ханвульфе. О, это было давным-давно! Не осмелюсь даже сказать когда.

Зачем искать жалкие человеческие сравнения, чтобы описать неопишимо, непостижимо отдаленные времена. За эти века земля меняла очертания не один, а дюжину раз, и многие поколения людей исполнили все, предназначенное им судьбой.

Я был Ханвульфом, сыном золотоволосого Эзира – того самого, что с ледяных равнин покрытого тьмой Асгарда рассылал по всему свету племена голубоглазых воинов в походы длиною в несколько веков, дабы они оставили свои следы в самых неожиданных местах. Во время одного из таких южных походов я и родился, потому я никогда не видел родных мест моего народа, где и ныне живет огромное количество северян в своих больших шатрах среди снегов.

Я вырос в этом долгом странствии, стал сильным, мускулистым мужчиной, по образу и подобию Эзира, не знавшего никаких богов, кроме Аймира с заиндевелой бородой, чей топор залит кровью многих народов. Мои мускулы были похожи на переплетенные стальные канаты. Мои белокурые волосы, словно львиная грива, падали на могучие плечи, а на поясе у меня красовалась шкура леопарда. Моя левая рука так же умело владела тяжелым топором, как и правая.

Год за годом наше племя продвигалось на юг, иногда уклоняясь к востоку или западу, а иногда на многие месяцы оседая на плодородных равнинах, где в изобилии обитали травоядные. Но все-таки мы неуклонно держали путь на юг. Иногда он пролегал по широким безмолвным пространствам, кои никогда не слышали человеческого голоса; иногда нам преграждали путь какие-то странные племена, и, проходя их земли, мы видели обогранные кровью пепелища разрушенных селений. В этих странствиях, охотах и сражениях я стал настоящим мужчиной и научился любить Гуд рун.

Что я могу сказать о Гудрун? О, проще описать цвет слепому от рождения! Могу сказать лишь, что ее кожа была белее молока, что ее волосы были живым золотом, а красота ее гибкого тела затмевала красоту греческих богинь. Но вам все равно не понять, какой огонь горел в Гудрун, и каким она была чудом. Вам не с чем сравнивать: вы знаете женщин только по женщинам вашей эпохи, которые рядом с ней просто свечи рядом со светом полной луны. Такие женщины, как Гудрун, рождаются не каждое тысячелетие. Клеопатра, Таис, Елена Троянская были лишь бледной тенью ее красоты, хрупкой имитацией цветка, что расцветает полным цветом только один раз в жизни.

Ради Гудрун я отказался от моего племени и моего народа и ушел в пустыню изгнанником и парией, с руками, обогранными кровью. Она принадлежала к моей расе, но не к моему племени: бездомная девочка, которую мы нашли ребенком, блуждающим в темном лесу, отбившимся от какого-то родственного нам странствующего племени. Она выросла у нас, а созрев и превратившись в прекрасную молодую женщину, была отдана Хеймдулу Сильному, самому могучему охотнику племени.

Мечта о Гудрун породила безумие и вечно горящее пламя в моей душе, и из-за нее я убил Хеймдула, разможив ему череп топором прежде, чем он отнес ее в свой широкий шатер. А затем последовало наше долгое бегство от мести племени. Она охотно пошла со мной, потому что любила меня любовью женщин племен Эзира, этим всепожирающим огнем, презирающим слабость. Да, это был дикий век; жизнь была жестока и кровожадна, а слабый умирал первым. Наши чувства не были нежны, наши страсти были то бурей, то волнами, то

вспышками битв, то вызовом льва. Наша любовь была так же неистова, как наша ненависть.

Итак, я увел Гудрун из племени, а убийцы устремились по нашему следу. Они преследовали нас до бурной горной реки, падающей с высоты ревушим, пенящимся потоком, который не осмеливались переплыть даже люди Эзира. Но в сумасшествии нашей любви и неутомности мы с Гудрун переправились через этот безумный поток и, побитые и израненные, но живые, добрались до дальнего берега.

Потом мы много дней шли гористыми лесами, населенными тиграми и леопардами, пока путь нам не преградили огромные горы, голубой стеной поднимающиеся к небу.

В этих горах на нас обрушились холодные ветры, голод и гигантские кондоры, которые налетали на нас сверху, шелестя огромными крыльями. В жестоких битвах, сопровождавших нас в пути, я расстрелял все стрелы и расколол копьё с кремниевым наконечником, но, в конце концов, мы благополучно перешли через перевал и, спустившись по южному склону, наткнулись на грязные лачуги, уютившиеся между скалами. В них жили миролюбивые люди со смуглой кожей, говорящие на каком-то странном языке и соблюдающие странные обычаи. Нас они встретили мирно, пригласили в свою деревню, поставили перед нами мясо, ячменный хлеб и кислое молоко, а сами сели вокруг.

Пока мы ели, в нашу честь женщина тихо била в круглый тамтам.

Мы пришли в их деревню в сумерках, и, пока мы пировали, наступила ночь. Со всех сторон возвышались массивные утесы и вершины, могучие и прекрасные на фоне звездного неба. Небольшое скопление грязных лачуг и крошечные костры терялись в безграничности ночи. Гудрун охватило чувство одиночества, и она крепко прижалась плечом к моей груди. Я никогда не знал страха; я всегда был спокоен и тверд, и мой топор был при мне каждый миг моего существования.

Маленькие смуглые мужчины и женщины сидели вокруг нас и пытались говорить с нами жестами. Их тонкие руки так и мелькали в свете огней. Они жили все время на одном месте, в относительной безопасности, и им не хватало силы и бескомпромиссной жестокости кочевого племени Эзира.

Я дал им понять, что мы пришли с севера, преодолели перевал и завтра намерены спуститься на высокое плоскогорье, которое заметили к югу от вершин. Узнав наши намерения, они подняли оглушительный крик, неистово замотали головами и, как сумасшедшие, забили в барабаны. Они горели желанием что-то сообщить мне, и все одновременно замахали руками, но это лишь еще больше сбilo меня с толку. Наконец, я понял: они не хотят, чтобы мы спускались с гор. К югу от деревни нас поджидала опасность, но, какого она рода и человек это или зверь, я так и не разобрал.

Удар обрушился как раз в тот момент, когда гвалт достиг апогея и все мое внимание было приковано к их жестам. Первым намеком стал внезапный шелест крыльев над нашими головами; потом из мрака ночи на нас обрушилось странное темное существо, и когда я повернулся, огромным крылом оно ударило меня по голове. Я распростерся на земле и тут же услышал пронзительный крик Гудрун, которую от меня отрывали. Вскочив на ноги, дрожа от неукротимого желания рвать и убивать, я увидел, как громадное чудовище исчезает в темноте, неся в когтях белую, кричащую, извивающуюся фигурку Гудрун.

Взревев от досады и ярости, я схватил топор и бросился в темноту, затем резко остановился в бешенстве и отчаянии: я не знал, куда бежать.

Когда чудовище схватило Гудрун, маленькие человечки с криком бросились врассыпную; прыгая через костры, они стремглав помчались к своим хижинам, но сейчас вернулись

назад, скуля, как побитые собаки. Собравшись вокруг меня, вцепившись в меня еще дрожащими от страха руками, они что-то залепетали на своем языке, я же продолжал изрыгать проклятия, мучаясь от собственного бессилия и зная, что они хотят сказать мне нечто такое, чего я никак не могу понять.

Наконец, они отвели меня обратно к огню. Самый старый человек племени принес кусок выделанной шкуры, глиняные горшочки с красками и палку. На шкуре он нарисовал крылатое существо, несущее белую женщину, – рисунок, конечно, был очень грубый, но смысл до меня дошел. Затем все показали на юг и что-то закричали. Я понял, что чудовище, похитившее Гудрун, и было той опасностью, о которой они меня предупреждали. До сих пор я подозревал, что ее унес один из огромных горных кондоров, но картинка, которую нарисовал старик, скорее напоминала крылатого человека, нежели что-либо другое.

Потом он медленно и старательно начал чертить, и я сразу догадался, что это карта. О да, даже в те далекие времена мы пользовались картами, хотя ни один современный человек был бы не в состоянии их разобрать, настолько отличались наши символы от нынешних.

Работа была трудоемкой – старик закончил уже за полночь. Я с трудом разобрал его каракули. Теперь все прояснилось. Если я проследую курсом, начертанным на карте, – то есть спущусь по длинной узкой долине, в которой находилась деревня, пройду по плато, одолею несколько неровных склонов и пересеку еще одну долину, – я выйду к месту, где скрывается существо, укравшее мою женщину. На этом месте старик нарисовал нечто похожее на уродливую хижину и сделал вокруг нее несколько странных пометок красной краской. Указав на рисунок и снова повернувшись ко мне, он покачал головой и издал громкий крик, означавший, по-видимому, на языке этих людей какую-то угрозу.

Они пытались убедить меня не ходить туда, но я, горя нетерпением, взял кусок шкуры и немного еды, которую они мне собрали (они были поистине странным народом для того века), схватил топор и отправился в безлунную темноту. Мое зрение было острым, как у дикой кошки, что современному человеку просто трудно представить, а чуял нужную дорогу я не хуже волка. Запечатлев в памяти карту один раз, я мог выбросить ее и безошибочно добраться до места, но я сложил ее и заткнул за пояс.

Звезды освещали мой путь. Я шел очень быстро, не обращая внимания на зверей, что рыскали вокруг в поисках добычи – будь то пещерный медведь или саблезубый тигр. Временами я слышал, как шуршит гравий под лапами; однажды мельком заметил желтые глаза, свирепо горящие в темноте, и какую-то тень. Но я шел вперед, пребывая в таком отчаянии, что не уступил бы дорогу даже самому страшному зверю.

Я пересек долину, поднялся на горный хребет и вышел на широкое плато, изрытое оврагами и усыпанное булыжниками. Я прошел его и в темноте, перед самой зарей, начал спускаться по крутому склону. Он казался бесконечным, падая крутой наклонной плоскостью в кромешную темноту. Но я отважно скользил вперед, не останавливаясь даже для того, чтобы подвязаться кожаным канатом, висевшим у меня на плече. Доверившись судьбе и собственной сноровке, я надеялся спуститься, не сломав шею.

В тот самый момент, когда заря коснулась вершин нежным розовым сиянием, я оказался в широкой долине, окруженной огромными утесами. Она простиралась с востока на запад, а на юге утесы сходились друг с другом, придавая ей вид огромного веера.

Долину пересекала извилистая река. Деревья росли редко; вместо подлеска был ковер высокой травы, в это время года обычно довольно сухой. Вдоль реки росла сочная зелень и паслись волосатые мамонты – горы костей и мышц.

Я обошел их, сделав довольно большой крюк, так как с этими могучими исполинами вряд ли мог справиться в одиночку. Когда я приблизился, они наклонили вперед свои огромные головы и угрожающе подняли хоботы, но не напали. Я быстро побежал между деревьями к тому месту, где сходились утесы.

Солнце еще только окаймляло золотым пламенем восточные горы. Восхождение длиной в целую ночь никак не повлияло на мои железные мускулы. Я не чувствовал усталости – во мне горела неукротимая ярость. Я не знал, что скрывалось за утесами, а строить догадки не хотел. В моем мозгу находилось место только для дикого гнева и жажды убийства.

Утесы не составляли сплошную стену – меж ними было ущелье длиной в несколько сотен футов; по нему протекала река и густо росли деревья. Я прошел этот короткий путь и вышел к другой долине или, скорее, к части той же самой, которая снова расширялась за ущельем.

Утесы огибали долину с запада и востока широким овалом, который нигде не прерывался, если не считать проблеска чистого неба на юге, означавшего, что там было еще одно ущелье. Сама долина очень напоминала огромную бутылку с двумя горлышками: сверху и снизу.

В той части, где оказался я, на протяжении нескольких сотен ярдов густо росли деревья, но потом эти заросли резко сменялись полем красных цветов. А дальше, за цветочным полем, воздвиглось какое-то странное сооружение.

Теперь я должен рассказывать не только как Ханвульф, но и как Джеймс Эллисон. Дело в том, что Ханвульф лишь смутно воспринимал увиденное и ничего не мог описать. Он понятия не имел об архитектуре. Единственными сооружениями, которые знал Ханвульф, и которые строились руками человека, были шатры из лошадиных шкур – их ставил его народ – и грязные соломенные хижины тех смуглых людей и, конечно, других столь же первобытных племен.

Поэтому я, Ханвульф, могу только сказать, что видел перед собой огромное строение, но никак не мог понять, что это такое. Но я, Джеймс Эллисон, знаю, что это была башня, высотой футов в семьдесят, из необычного зеленого камня, в высшей степени изысканная и казавшаяся воздушной. Башня имела форму цилиндра, и, насколько я мог видеть, в ней не имелось ни дверей, ни окон. Основная часть здания была, вероятно, футов шестьдесят в высоту, а выше поднималась вторая башенка, намного меньше в обхвате, окруженная галереей с резным парапетом. Ее украшали две двери с затейливой резьбой и густо зарешеченные окна.

Вот и все. Ничто не свидетельствовало о том, что там кто-то жил. Ни единого признака жизни во всей долине. Но мне стало ясно, что это и было то самое строение, которое пытался нарисовать старик из горной деревни; я был уверен, что именно здесь найду Гудрун, если она еще жива.

Вдалеке, за башней, голубело озеро; в него впадала река, протекающая вдоль изгиба западной стены. Спрятавшись среди деревьев, я разглядывал башню и окружающее ее цветочное поле, которое превращалось в сплошные густые заросли цветов возле стен. На другом конце долины, близ озера, стояли деревья, но на самом цветочном поле не было ни одного деревца.

Я никогда не видел таких цветов. Они росли тесно, почти касаясь друг друга, каждое фута четыре высотой, с одним цветком размером в человеческую голову на каждом стебле, с широкими сочными лепестками, прижатыми друг к другу. Синевато-багровый цвет лепестков напоминал цвет открытой раны. Стебли, толщиной с запястье человека, казались

бесцветными, почти прозрачными. Длинные и шаткие, они были укутаны ядовито-зелеными листьями странной формы – вроде наконечника копья. Зрелище было устрашающим, и мне очень захотелось узнать, что скрывается за этими зарослями.

Во мне сразу же пробудились мои дикие инстинкты. Я почувствовал скрытую опасность, как часто чувствовал сидящего в засаде льва прежде, чем мои органы чувств давали мне знать о нем. Пристально разглядывая густые заросли, я задавался вопросом, не свилась ли там клубком какая-нибудь огромная змея. Раздувая ноздри, я принохивался, но ветер дул мне в спину. Во всем этом огромном саду было что-то неестественное. Несмотря на довольно сильный северный ветер, ни один листок не шевелился, ни один лепесток не шелестел – цветы стояли недвижимо, зловещие, словно мертвые птицы со свисающими головами. У меня вдруг возникло странное чувство, что они наблюдают за мной, что они живые...

Все это казалось фантастическим сном: по обеим сторонам голубые утесы, чернеющие на фоне закрытого облаками неба; вдалеке спящее озеро; в середине синего с багрянцем поля эта непонятная башня...

Одно обстоятельство насторожило меня: хотя ветер дул мне в спину, я совершенно явственно почуял запах цветов – затхлый запах смерти, разложения и гниения, как будто исходящий из склепа.

Вдруг я уловил в башне какое-то движение и плотнее припал к земле, скрывшись в траве. Там явно кто-то был. Подтверждая мои предчувствия, из двери верхней башенки вышло странное существо, приблизилось к парапету, оперлось на него и стало смотреть вдаль. Это был человек, но такой, который не мог бы мне присниться даже в страшном сне!

Он был высоким, могучим, с кожей цвета полированного черного дерева; но ужаснее всего были крылья, сложенные у него за спиной. Я знал, что это крылья – это было очевидно и неоспоримо.

Я, Джеймс Эллисон, много размышлял о феномене, который увидел глазами Ханвульфа. Был ли этот крылатый человек просто уродом, единичным капризом природы, с незапамятных времен живущим в одиночестве? Или же он был представителем забытой расы, появившейся, правившей и исчезнувшей до того, как пришел человек, такой, каким мы его знаем? Маленькие смуглые люди с холмов, должно быть, пытались рассказать мне об этом, но я их не понял. И все же я, Джеймс Эллисон, склонен верить последней теории. Крылатые люди часто встречаются в мифологии и в фольклоре многих наций и рас. Читая мифы, хроники и легенды, всегда находишь в них упоминание о гарпиях и крылатых богах, ангелах и демонах, а ведь легенды представляют собой искаженные тени доисторических реалий. Я верю, что когда-то раса черных крылатых людей правила в доадамовом мире, и что я, Ханвульф, встретил последнего, оставшегося в живых из этой расы, в долине багровых цветов.

Этим мыслям я предаюсь как Джеймс Эллисон, с высоты моих новых знаний, которые столь же ничтожны, сколь велико мое невежество.

Я, Ханвульф, не тратил время на размышления. Современный скептицизм не был частью моей натуры, и я не пытался рационально объяснить то, что казалось мне странным. Я не признавал никаких богов, кроме Аймира и его дочерей, но не сомневался в существовании – только как демонов – других божеств, коим поклонялись другие расы. Сверхъестественные создания органично вмещались в мои представления о жизни и вселенной. В существовании драконов, призраков, демонов и дьяволов я сомневался не более, чем в существовании львов,

буйволов и мамонтов. Я воспринимал этого уroda как демона и не утруждал себя мыслями о его происхождении. Меня не охватила паника, не сковал суеверный страх. Я был сыном Эзира, который не боялся ни человека, ни дьявола и больше верил в сокрушительную силу своего топора, нежели в заклинания жрецов и чары колдуний.

Однако нападать на открытую всем ветрам башню я не стал. Осторожный, как и все дикари, я предпочел не покидать своего укрытия до тех пор, пока не нашел способа попасть внутрь. Сам крылатый человек не нуждался в дверях в нижней части башни, потому что он, очевидно, входил в нее с верхней галереи. Гладкая вертикальная поверхность стен вряд ли была доступна даже для самого искусного скалолаза. Правда, кое-какие идеи у меня появились, но природная осторожность заставила подождать: я должен был убедиться, что там нет еще одного демона, хотя мною и владело необъяснимое чувство, что он единственный в своем роде в долине, а может быть, и во всем мире. Припав к земле в зарослях суховатой травы, я увидел, как он поднял с парапета локти, гибко потянулся, словно огромный кот, широкими шагами прошел по круглой галерее и вошел в башню. В воздухе вдруг раздался сдавленный крик, от которого я окаменел, хотя и понял, что кричала не женщина. Наконец черный хозяин башни появился вновь, таща за собой маленького, упирающегося, жалобно плачущего человечка. Мне показалось, родом он был из того самого племени, что мы с Гудрун повстречали в горной деревушке. «Попал в рабство, – подумал я, – как и Гудрун!»

Человечек был похож на ребенка, попавшего в лапы огромного зверя. Черный расправил широкие крылья и поднялся над парапетом, неся своего пленника, как кондор воробышка. Он парил над цветочным полем, а я, скрытый деревьями, удивленно следил за его полетом.

Вот крылатый человек, повиснув в воздухе, издал странный, жутковатый свист, и получил столь же ужасающий ответ. Багровое поле под ним внезапно всколыхнулось. Огромные сине-красные цветы затрепетали, раскрыв сочные лепестки, словно змеи свои мерзкие пасти. Их стебли, казалось, удлинились, жадно вытянувшись вверх. Широкие листья поднялись и мелко задрожали. Слабое, леденящее кровь змеиное шипение понеслось по всей долине. Цветы вздохнули. Крылатый черный человек, разразившись демоническим смехом, выронил своего корчащегося пленника.

С пронзительным криком несчастный полетел вниз и упал прямо в цветы. Они с тем же шуршащим сладострастным шипением склонились над ним. Их толстые гибкие стебли согнулись, будто змеи, и лепестки плотно укутали его. Сотни цветов нависли над человеком, душа и давя его. Его мучительные крики стали сдавленными; шипящие, молотящие листья скрыли его полностью. Те цветы, что находились в отдалении, неистово качались и корчились, словно горя желанием оторваться от корней и присоединиться к своим собратьям. По всему полю огромные багровые головы тянулись к месту, где продолжалась ужасающая неравная битва. Крики становились все тише и тише, пока не прекратились совсем. Над долиной воцарилась жуткая тишина. Черный человек лениво прошел по галерее и исчез в башне.

Наконец, цветы отступили от своей жертвы, которая лежала на земле, совершенно белая и неподвижная. Да, эта белизна была белее, чем белизна смерти; несчастный напоминал восковой портрет, пугающее изображение, из коего кровь высосана до последней капли. Зато цветы, что стояли прямо над ним, совершенно преобразились. Стебли больше не были бесцветными; они налились и стали темно-красными, как прозрачные трубки, до краев наполненные свежей кровью.

Движимый неудержимым любопытством, я вышел из-за деревьев и проскользнул к самому краю сине-красного поля. Цветы зашипели и потянулись ко мне раскрытыми лепестками. Не обращая на них внимания, я выбрал самый дальний цветок, ударом топора перерубил стебель, и он упал на землю, словно обезглавленная змея.

Я склонился над ним, рассматривая его внимательно и с удивлением. Странно, но стебель не был полым, как, например, у сухого бамбука. Он весь был заполнен нитевидными жилами, некоторые из которых были сухими, а из других сочилась какая-то бесцветная жидкость. Места соединений листьев со стеблями были удивительно крепкими и гибкими, а сами листья по краю были усеяны изогнутыми шипами, похожими на острые крюки.

Если такие шипы вонзятся в тело, то жертве, убегая, придется вырвать с корнем все растение.

Каждый лепесток был размером с мою руку и остер, как колючая груша, а на внутренней стороне покрыт бесчисленными крошечными дырочками, размером не больше ушка иголки. В центре, где должен был быть пестик, выступало нечто вроде шипа, а между четырьмя зазубренными краями пролегли очень узкие каналы.

Прекратив рассматривать эту пародию на растительность, я поднял взгляд и увидел, что крылатый человек снова появился у парапета. Казалось, он не очень удивился моему появлению. Он что-то крикнул мне на незнакомом языке и сделал насмешливый жест, а я стоял, как статуя, сжимая в руке топор. Тогда он повернулся и вошел в башню, как прежде. И как прежде, появился с пленником. Мои ярость и ненависть были почти затоплены потоком радости – оттого, что Гудрун жива.

Несмотря на ее гибкую силу, сравнимую лишь с силой пантеры, черный человек справлялся с ней так же легко, как и со смуглым человечком. Подняв маленькое, извивающееся тельце над своей головой, он показал ее мне и снова что-то сказал с насмешкой. Золотые волосы Гудрун рассыпались по белым плечам; она тщетно вырывалась из его рук, неистово крича мне. Не так-то легко заставить женщину из племени Эзира испытать рабелепный ужас. Глубину дьявольской силы ее тюремщика я измерял по ее отчаянным крикам.

Но я стоял неподвижно. Если бы это спасло ее, я бы нырнул в адскую красную трясику, чтобы демонические цветы зацепили или пронзили меня и высосали всю мою кровь. Но моя смерть ей бы ничем не помогла. Моя смерть просто лишила бы ее защитника. Я был вынужден неподвижно стоять в то время, как она корчилась и плакала, а смех черного человека разрывал мне душу! Один раз он чуть не бросил ее в цветы, и мое железное самообладание почти изменило мне – я был уже готов нырнуть в этот ад. Но дальше жеста дело не пошло. В конце концов он подтащил ее обратно к двери и швырнул внутрь. Вернувшись к парапету, он положил на него локти и принялся разглядывать меня. Он словно играл со мной, как дикая кошка играет с мышью прежде, чем погубить.

Пока он наблюдал, я повернулся и уверенным шагом направился к лесу. Я, Ханвульф, не был мыслителем в современном понимании этого слова. Я жил в том веке, когда эмоции выражались скорее взмахом кремниевого топора, нежели проявлениями интеллекта. И, тем не менее, я не был неразумным животным, каким меня, наверное, считал черный человек. У меня был человеческий мозг, отточенный вечной борьбой за существование и превосходство над другими.

Я знал, что не смогу живым пересечь красное поле, опоясывающее башню. Не успею я сделать полдюжины шагов, как добрых два десятка шипов вопьются мне в тело, а их жадные

рты будут сосать кровь из моих жил, чтобы утолить свою демоническую жажду. Даже моей тигриной силы было бы недостаточно, чтобы прорваться сквозь них.

Крылатый человек не шевелился. Оглянувшись, я увидел, что он по-прежнему стоит в той же самой позе. Когда я, Джеймс Эллисон, снова вижу сны как Ханвульф, этот образ всегда бывает отпечатан в недрах моей памяти – фантастическая фигура с локтями на парапете, подобная средневековому дьяволу, нависшему над адскими битвами.

Пройдя по узкому ущелью, я вышел на ту долину, поросшую редкими деревцами, где вдоль берега реки расхаживало стадо неуклюжих мамонтов. Я остановился за их спинами, вытащил из сумки пару кремней, наклонился и высек искру. Сухая трава быстро загорелась. Перебегая с места на место, я всюду поджигал траву. Северный ветер подхватил огонь и погнался к югу. Через несколько мгновений огонь несся по всей долине.

Мамонты прекратили жевать, подняли огромные уши и затрубили тревогу. На всем белом свете они боялись только одного – огня. Они стали отступать к югу; самки гнали перед собой детенышей, самцы трубили отчаянно, как в день Страшного Суда. Ревя, словно буря, огонь завоевывал все новые позиции, и мамонты бросились врассыпную, спасаясь бегством, сметая все на своем пути. Деревья раскалывались и падали перед ними, а земля тряслась от их тяжелого топота. Их настигал мчащийся огонь, а по следу огня бежал я, и раскаленная земля почти прожигала мои сандалии из лосиной шкуры.

Гиганты с шумом пробивались сквозь узкий перешеек, сметая густые заросли, вырывая деревья с корнями. Казалось, что по долине прошелся торнадо.

С оглушительным грохотом и ревом они пронеслись по морю красных цветов. Эти дьявольские растения, может быть, и могли бы погубить одно животное, но под мощными ногами целого стада они гибли так же, как обычные, хрупкие цветы. Обезумевшие титаны проносились по ним, растапывая и вбивая в землю, пропитанную их соком.

На какое-то мгновение меня охватила паническая дрожь: я испугался, что эти скоты повернут к башне, которая может не выдержать их мощного натиска. Очевидно, крылатый человек разделял мои страхи, потому что он резко взмыл в воздух и полетел по направлению к озеру. В это время один из самцов наткнулся головой на стену, отскочил назад, и все стадо с ревом пронеслось мимо башни, задевая ее стены волосатыми боками. Теперь мамонты мчались к отдаленному озеру.

Дойдя до красного поля, огонь остановился: растоптанные сочные клочки красных цветов не загорались. Упавшие и еще стоящие деревья дымились и тлели, и горящие ветки дождем падали вокруг меня, но я продолжал бежать, петляя, как заяц, пока не оказался на гигантской дороге, которую проложило на синевато-багровом поле обезумевшее стадо.

Подбегая к башне, я позвал Гудрун. Она ответила мне каким-то сдавленным голосом; одновременно я услышал стук и тогда понял, что крылатый человек запер ее в башне.

Прямо по остаткам красных лепестков и змеевидных стеблей я подбежал к стене башни, размотал кожаный канат, завязал его петлей и бросил вверх, чтобы зацепиться за один из зубцов резного парапета. Потом, перебирая руками и ногами, я вскарабкался по нему, обдирая колени и локти о шероховатую стену.

Когда я был уже в пяти футах от цели, меня что-то ударило по голове. Это черный человек вернулся, приземлился на галерею и, согнувшись над парапетом, глядел на меня. Я сумел внимательно рассмотреть его. Черты его лица были прямыми и правильными, без малейшего намека на негроидную расу. Сверкающие, немного раскосые глаза, торжествующе оскаленные зубы – я остро почувствовал исходящую от него застарелую злобу и

ненависть. Он долго, очень долго правил долиной красных цветов, взимая с несчастных племен, живущих за горами, дань человеческими жизнями, чтобы эти плотоядные полурастения-полуживотные, подданные и защитники, питались кровью корчащихся жертв. А теперь и я оказался в его руках, и ни к чему сейчас были и мои умения, и моя сила.

Один удар его кинжала означал бы мою мгновенную смерть. А где-то в глубине башни Гудрун, чувствуя мою гибель, заходила в бешеном крике! И вот в этот жуткий для нас обоих момент вдруг раздался треск ломающейся деревянной двери.

Черный человек, злорадно хохоча, уже коснулся острым лезвием кожаного каната, на котором болтался я, но сильная белая рука схватила его сзади за шею. Он отпрянул назад, и над его плечом я увидел прекрасное лицо моей Гудрун. Волосы у нее стояли дыбом, а глаза расширились от ужаса.

Крылатый заревел, развернулся, оторвал от себя ее руку и с такой силой отшвырнул девушку к стене, что она чуть не лишилась чувств. Потом он снова повернулся ко мне, но я уже успел подтянуться, вскочить на парапет и, выхватив топор, прыгнуть на галерею.

Он на мгновение заколебался, чуть приподняв крылья и держа наготове кинжал, словно раздумывая, бороться со мной или поднять меня в воздух. Он был гигантского роста, мускулы переливались по всему его телу, но он раздумывал, как раздумывает человек, сталкиваясь с диким зверем.

Я же не колебался. С низким гортанным ревом я прыгнул на него, замахнувшись топором. Он со сдавленным криком взметнул руки вверх, но сейчас же между ними опустилось лезвие топора, превратив его голову в красное месиво.

Я повернулся к Гудрун. Она, поднявшись на ноги, обвила меня руками в отчаянном жесте любви и ужаса, со страхом глядя туда, где в луже крови и мозгов лежал крылатый властелин долины...

Я часто жалел, что нельзя соединить две мои столь разные жизни в одном теле, совместить в одно опыт Ханвульфа и знание Джеймса Эллисона. Если бы это можно было осуществить, Ханвульф прошел бы в дверь из черного дерева, которую недавно Гудрун ломала и трясла изо всех своих сил, в таинственную комнату, обставленную странной мебелью, с полками, забитыми свитками древних пергаментов. Он бы развернул эти свитки и постарался бы расшифровать иероглифы; он бы прочел хронику этой фантастической расы, последний представитель коей только что покинул грешную Землю. Конечно, та история оказалась бы поинтереснее наркотических снов и увлекательнее сказок о потерянной Атлантиде.

Но Ханвульф не был столь любопытен. Для него башня, комната из черного дерева и свитки пергамента ничего не значили. Он полагал их лишь необъяснимыми проявлениями колдовства, смысл которого понимал только сам крылатый дьявол. Хотя разгадка тайны была, можно сказать, в руках Ханвульфа, он был так же далек от нее, как и Джеймс Эллисон, рожденный через многие тысячелетия.

Мне, Ханвульфу, башня показалась всего лишь чудовищной ловушкой, и, находясь внутри нее, я испытывал только одно чувство: желание как можно скорее убежать.

Гудрун вцепилась в меня; я соскользнул по канату на землю, отвязал его и смотал. Потом, взявшись за руки, мы пошли по дороге, протоптанной мамонтами, вдаль, к голубому озеру на южном конце долины, к ущелью между возвышающимися утесами.

Повелитель мертвых

Нападение было внезапным, как бросок кобры из засады. Только что Стив Харрисон спокойно шагал по темному переулку – и вдруг ему пришлось схватиться не на жизнь, а на смерть с каким-то рычащим, орущим невестью что чудовищем, налетевшим на него, словно коршун. Он явно дрался с человеком, хотя в первые мгновения усомнился даже в этом. Нападавший действовал с какой-то иступленной яростью, по-звериному, поражая своими приемами даже видавшего виды Харрисона, привычного к лютым дракам, которые нередки в мире подонков.

Детектив почувствовал, как зубы неизвестного разрывают его плоть, и отчаянно взвыл от боли. Но у того был еще и нож, которым он полосовал его куртку и рубаху, покрывая тело кровотокающими бороздами, и не мог по-настоящему пырнуть его только потому, что по счастливой случайности Харрисону удалось схватить бандита за кисть и хоть как-то сдерживать движения его натренированной, мускулистой руки. Было темно, как в преисподней. В кромешном мраке нападавший казался Харрисону всего лишь расплывчатым сгустком мглы, пятном, чуть более черным, чем окружающая его со всех сторон непролазная тьма. Мышцы врага под его судорожно стиснутыми пальцами были напряжены, как рояльная струна, а его собственная хватка грозила вот-вот ослабнуть, и это приводило Харрисона в отчаяние.

Атлетически сложенный, Харрисон редко сталкивался с людьми, способными соперничать с его хваткой. Это же исчадие тьмы не только не уступало, но и превосходило его в ловкости, проворстве и какой-то первобытной выносливости, с которой давно расстались люди, живущие в цивилизованном обществе.

Кусаясь и лягая друг друга ногами, они катались в грязи переулка, и хотя невидимый враг утробно ухал всякий раз, когда кулак Харрисона кувалдой вцеплялся в его тело, не чувствовалось ни малейших признаков того, что он начинает уставать. Его запястье казалось стальным многожильным тросом, грозившим в любое мгновение вырваться из обхвативших его пальцев Харрисона. Чувствуя, как все его тело покрывается мурашками от ужаса перед холодной сталью, детектив стиснул это запястье уже обеими руками, пытаясь заставить врага бросить нож. Кровожадный вопль был ответом на эту тщетную попытку, и голос, ранее бормотавший что-то на непонятном языке, просвистел прямо в ухо полицейскому по-английски: «Собака! Ты подохнешь в этой грязи, как я сгинул в песках! Ты бросил мое тело на растерзание стервятникам! А твою сожрут крысы, которыми кишит эта дыра! Так-то!»

Словно сотканный из мрака, большой палец противника норовил впитаться Харрисону в глаз, и он всей своей тяжестью откинулся назад, нанеся при этом врагу чудовищный удар согнутым коленом. Неизвестный, у которого перехватило дыхание, отлетел в сторону, визжа, как ошпаренная кошка. Харрисон не сумел удержать равновесие и, пошатнувшись, ударился о какую-то стену. С воплями и проклятиями противник вновь накинулся на него, стараясь подмять под себя. Харрисон услышал, как мимо просвистело лезвие, кляцнувшее по кирпичной кладке где-то прямо у него за спиной, и наугад саданул кулаком в темноту, вложив в это движение все свои силы. Чувствуя, что удар достиг цели и враг, как подкошенный, со всего маху шмякнулся в грязь, Стив с трудом удержался от такого же стремительного падения. Прежде он никогда не пасовал перед противником, когда приходилось драться один на один, но теперь он впервые отступил от этого правила и, преодолевая боль и усталость, быстро побежал к началу переулка.

Его дыхание было тяжелым и частым, под ногами то и дело хлюпали какие-то помои или грохотали пустые консервные жестянки. На мгновение ему почудилось, что в спину ему вонзается нож. «Хоган!» – истошно заорал он. Позади слышался быстрый топот бегущих ног, означавший приближение гибели.

Пулей вылетев из переулка, он со всего маху наскочил на полицейского Хогана, который, услышав его отчаянный зов, помчался на подмогу напарнику. У Хогана перехватило дыхание, и они вдвоем повалились на тротуар.

Харрисон не стал тратить времени на то, чтобы подняться на ноги. Выхватив «кольт» Хогана из кобуры, он выстрелил в тень, которая на мгновение мелькнула на фоне черного провала переулка.

Поднявшись, с еще дымящимся револьвером в руке, он направился к темному зеву между домами. В его стигийском угрюмом мраке царило полное безмолвие.

– Дай фонарь, – попросил он, и Хоган, поднимаясь и поддерживая солидный живот, исполнил его просьбу. Луч белого света скользнул по покрывающей переулок грязи. Тела не было видно.

– Смылся, – сердито буркнул Харрисон.

– Кто? – довольно кисло поинтересовался Хоган. – Что хоть случилось-то? Сперва орешь, как чумовой: «Хоган!» – а затем бодаешь меня, словно бык матадора. Как...

– Заткнись, и давай-ка осмотрим этот переулок, – грубо оборвал его Харрисон. – Я вовсе не собирался врезаться в тебя. Что-то меня подбросило...

– Вот и я об этом. – Полицейский рассматривал напарника в тусклом свете далекого уличного фонаря. Куртка Харрисона свисала с него рваными лохмотьями, рубашка была изрезана в клочья, а через прорехи видно было, как тяжело вздымается и опускается широкая волосатая грудь. Пот градом катил по шее, смешиваясь с кровью из глубоких порезов, покрывавших плечи, руки и грудь. Волосы Харрисона были перепачканы грязью, а одежда казалась пропитанной ею насквозь.

– Наверное, целя банда налетела, – предположил Хоган.

– Один человек, – сказал Харрисон, – человек или горилла, только говорящая. Ты идешь?

– Нет. Кто бы там ни был, его уже след простыл. Посвети фонариком. Видишь? В переулке ни души. Так они и будут ждать, когда мы их сцапаем за хвост. Займись лучше собой. Говорил я тебе, нечего срезать углы по темным закоулкам. Слишком многие имеют на тебя зуб.

– Пойду к Ричарду Бренту, – сказал Харрисон. – Он приведет меня в порядок. Пошли

вдвоем?

– Ладно, но лучше бы ты позволил мне...

– Только не это! – возопил Харрисон, испытывая муки не только от ран, но и от уязвленного тщеславия. – Кстати, Хоган, ни слова об этом, понял? Я хочу разобраться сам. Дело тут непростое.

– Да уж, непростое, если какой-то тип так отделал Железного Харрисона, – ехидно свернул Хоган, заставив Харрисона отчаянно выругаться про себя.

Дом Ричарда Brenta стоял в непосредственной близости от участка Хогана, эдакий последний оплот респектабельности на фоне всеобщего запустения, грозившего захлестнуть всю округу, но совершенно не интересующего поглощенного своими исследованиями Brenta.

Brent сидел в своем изобилующем всевозможной экзотикой кабинете и рылся в таинственных фолиантах, то есть занимался делом, которое одновременно являлось и его профессией, и любимым занятием. Обладавший характерной внешностью человека науки, он резко отличался от своих гостей. Но за лечение он принялся без излишней суеты, призвав себе на помощь познания, приобретенные во время не полностью пройденного курса медицины.

Удостоверившись, что раны Харрисона немногим серьезнее обыкновенных царапин, Хоган откланялся, и теперь широкоплечий Харрисон сидел напротив хозяина дома, держа в своей могучей руке бокал виски.

Ростом Стив Харрисон был выше среднего, но казался ниже за счет очень широких плеч и мощной грудной клетки. Его могучие руки казались излишне длинными, а голова всегда была угрожающе наклонена вперед. Низкий широкий лоб, над которым росли жесткие черные волосы, предполагал в Харрисоне скорее человека действия, нежели мыслителя, но холодные голубые глаза выдавали неожиданно глубокий интеллект.

– «Как я сгинул в песках», – повторил он. – Вот что он сказал. Шизик какой-то, иначе какого черта...

Brent покачал головой, обводя рассеянным взором стены, словно спрашивая ответа у декорировавшего их старинного и современного оружия.

– Ты понимал язык, на котором он сперва говорил?

– Ни единого слова. Единственное могу сказать – это не был ни английский, ни китайский. А сам тип был весь, как стальная пружина, и гибкий, как китовый ус. И драться с ним было все равно, что со стаяй диких кошек. Теперь я без пушки не хожу. Никак не думал, что она может понадобиться, последнее время все было так спокойно. Всегда считал, что со своими кулачищами сумею разобраться хоть с целой компанией обычных людей. Но этот черт – не из их числа, он хуже дикого зверя.

Полицейский с шумом отхлебнул виски, отер рот тыльной стороной ладони и подался вперед, поближе к Brentу. В его холодных глазах бегали странные огоньки.

– Я бы не решился высказать это предположение никому, кроме тебя, – произнес он с непонятым колебанием в голосе. – Может, ты решишь, что у меня крыша поехала, но за свою жизнь мне пришлось послать кое-кого на тот свет. Как ты думаешь... китайцы же верят во всяких там вампиров, оживших мертвецов... он ведь болтал что-то о том, что его убили, а я – его убийца... Тебе не кажется, что...

– Глупости! – воскликнул Brent, недоверчиво улыбаясь. – Мертвец – он и есть мертвец. Покойники не оживают.

– Я тоже всегда так считал, – пробормотал Харрисон. – Только что он имел в виду, говоря, будто я бросил его на растерзание стервятникам?

– Я тебе объясню! – раздался резкий и беспощадный, как острие ножа, голос, прервавший их беседу.

Харрисон и Brent обернулись на звук, и Brent едва усидел на своем кресле. В противоположном конце комнаты находилось окно, приоткрытое для того, чтобы впустить в дом ночную прохладу. Возле него стоял высокий, мускулистый человек в плохо сидевшем на нем костюме, который, однако, не мог скрыть ни опасную гибкость его конечностей, ни ширину плеч. Дешевая одежда совсем не гармонировала со злобным выражением его ястребиного лица, пламенным взором его темных глаз. Харрисон шумно сглотнул слюну при виде ожесточения и ярости, которыми горел взор незнакомца.

– В темноте ты от меня ушел, – пробормотал этот человек, по-кошачьи упругими шагами приближаясь к Харрисону. В руке у него сверкало ужасное кривое лезвие. – Болван! Думал, я от тебя отстану? Здесь светло, и больше тебе от меня не уйти.

– Кто ты такой, черт бы тебя побрал? – рывкнул Харрисон, инстинктивно готовясь к обороне.

– Надо же, память отшибло! – прозвучало в ответ. – Забыл Амира Амина Иззедина, убитого тобой тридцать лет назад в Долине стервятников! Но я-то все помню! Только вся правда открылась мне через много лет позора и долгих странствований. Я обрел ее в клубах Дыма Шайтана! Ты вселился в другую телесную оболочку, Ахмед-паша, грязный ты бедуинский пес, но от меня тебе не уйти. Клянусь Золотым Тельцом!

С кошачьим воплем он метнулся вперед, сжимая кинжал в занесенной для удара руке. Харрисон отскочил в сторону, проявив при этом поразительную для человека его комплекции быстроту, и сорвал со стены древнее копьё. Исторгнув из груди некое подобие боевого клича, он ринулся на врага, выставив перед собой копьё, словно винтовку с примкнутым штыком. Амир Амин неуловимым, гибким, как у дикого зверя, движением отклонился от нацеленного на него острия и оказался прямо перед Харрисоном. Тот слишком поздно понял свою оплошность – удар не достиг цели, и теперь полицейский летел прямо на лезвие убийственного кинжала. Но молниеносно пульсирующая мысль namного опережала движения тела, продолжавшего нестись навстречу смерти. И тут нога Амира Амина поехала на частично покрывавшем пол паласе. Наконечник копьёя вспорол его грязную куртку, полоснул вдоль ребер, и из открывшейся раны бурным потоком хлынула кровь. Потеряв равновесие, он все же постарался наотмашь полоснуть кинжалом своего врага. В этот миг Харрисон налетел на него своим могучим телом, и от сильнейшего толчка при ударе оба повалились на пол.

Амир Амин вскочил первым, но у него уже не было ножа. Пока он дико озирался в поисках своего оружия, Brent, не привыкший к сценам насилия и в начале драки опешивший на несколько секунд, пришел в себя. Ученый сорвал со стены дробовик, и лицо его выражало мрачную решимость. Видя, что он прицеливается, Амир Амин вскрикнул и бесстрашно выпрыгнул в ближайшее окно. Звук бьющегося стекла смешался с раскатом ружейного выстрела. Бросившись к окну и отчаянно моргая в клубах едкого порохового дыма, Brent увидел, как по темной лужайке перед домом стрелой чиркнула тень и скрылась за деревьями. Он обернулся к Харрисону, который поднимался с пола, изрыгая витиеватые проклятия.

– Два раза за один вечер, многовато будет, черт его побери! Знать бы хоть, что он за

птица. Никогда прежде его не видел!

– Он – друг! – промолвил Brent. – Его говор... упоминание о золотом тельце, ястребиное лицо... Уверен, он – друг.

– Какой такой друг, мать его? – раздраженно рывкнул Харрисон. С него съехали все марлевые повязки, и царапины на теле опять начали кровоточить.

– Они живут в сирийских горах, – пояснил Brent, – воинственное, не ведающее жалости племя...

– Это точно, – хмыкнул Харрисон. – Меня еще ни разу так не отделявали. Этот черт чуть меня не зарезал. По крайней мере, хоть знаешь, что он живой человек. А вот мне, чтобы тоже остаться живым, придется, кажется, поостеречься. Если у тебя найдется комната, где можно запереть окна и двери, я бы заночевал у тебя. Завтра у меня встреча с Уун Саном.

Посетители нечасто заглядывали в скромный антикварный магазинчик на Ривер-стрит. Нечасто проходили они в спрятанный за занавесом таинственный дверной проем, чтобы полюбоваться скрывавшейся внутри роскошью: бархатными с золотым шитьем драпировками, диванами с шелковыми подушками, чашками из расписного фарфора на казавшихся игрушечными столиках из лакированного черного дерева; все это богатство было залито светом электрических лампочек, вставленных в позолоченные светильники.

Широкоплечий Стив Харрисон явно не вписывался в подобную экзотическую обстановку; низенький, аккуратненький, одетый в облегающий костюм из черного шелка, Уун Сан, напротив, казалось, был создан специально для нее.

Китаец учтиво улыбался, но под этой улыбчивой маской скрывался лед неприязни.

– Итак... – вежливо произнес он, приглашая собеседника продолжать разговор.

– Мне требуется ваша помощь, – без обиняков заявил Харрисон. Он не умел разводить дипломатию, вести разведку булавочными уколами тонкой рапиры и предпочитал сразу брать быка за рога: сказал – как молотом припечатал.

– Мне известно, что вы знаете всех азиатов, живущих в нашем городе. Я описал вам, как выглядит этот тип. Brent утверждает, будто он друг. Не может быть, чтобы вы его не встречали. Такой человек всегда бросается в глаза. Это вам не какое-нибудь крысиное отродье с помойки Ривер-стрит. Настоящий волчара.

– Совершенно верно, – негромко откликнулся Уун Сан. – Нет смысла скрывать, что я знаю этого молодчика. Его зовут Али ибн-Сулейман.

– Он называл себя как-то иначе, – нахмурился Харрисон.

– Вполне вероятно. Но для своих он – Али ибн-Сулейман. Как сказал ваш приятель, он действительно друг. Его племя живет в пещерных городах сирийских гор, в том числе и в окрестностях горы Джебель-Друз.

– Они мусульмане? Арабы? – поинтересовался Харрисон.

– Нет. Видите ли, это племя существует само по себе. Они поклоняются отлитому из золота тельцу, верят в переселение душ и отправляют языческие ритуалы, вызывающие осуждение среди мусульман. Их пытались прибрать к рукам турки, теперь это пробуют сделать французы, но по-настоящему еще никто не сумел принудить их к повиновению.

– Верю, – буркнул Харрисон. – Только почему он называл меня Ахмед-пашой? За кого он меня принял?

Уун Сан беспомощно развел руками.

– Ну, ладно, – со вздохом сказал полицейский. – По крайней мере, я не хочу, чтобы меня

прирезали в каком-нибудь закоулке. Мне нужно, чтобы вы помогли мне встретиться с ним. Может, он скажет хоть что-нибудь дельное, когда я его сцапаю. Может, удастся отбить у него желание расправиться со мной. Он больше похож на одержимого, чем на преступника. В любом случае хочу разобраться, в чем тут дело.

– Как мне это устроить? – тихо отозвался Уун Сан, скрещивая руки на пухленьком животике. Глаза китайца злобно поблескивали из-под полуприкрытых век. – Я мог бы продолжить и спросить, с какой стати я должен что-то устраивать для вас?

– Переселившись сюда, вы никогда не переступали рамки закона, – сказал Харрисон. – Мне известно, что антикварный магазин – только прикрытие, он не приносит доходов. Я знаю и то, что вы ни в чем плохом не замешаны. Сюда вы перебрались, получив свою долю, я бы сказал, весьма солидную, в некоем деле, а как она вам досталась, – меня не касается. Кстати, Уун Сан, – Харрисон придвинулся к китайцу и перешел на шепот: – Помните ли вы молодого метиса Жозефа Ла Тура? Я первым обнаружил его труп в тот вечер, когда его убили в игорном притоне Осман-паши. При нем была записная книжка, и я ее приберег. Уун Сан, в ней было и ваше имя!

В воздухе повисла напряженная тишина. Ни один мускул не дрогнул на гладком желтом лице, но в угольной черноте глаз китайца забегали красноватые искорки.

– По всей видимости, Ла Тур собирался донести на вас, – продолжал Харрисон. – Он собрал много интересных фактов. Читая его записи, я выяснил, что вы не всегда носили ваше нынешнее имя. Да и откуда у вас взялись деньги, я тоже догадываюсь.

Красноватые искорки в глазах Уун Сана погасли; казалось, его взор застыл, а желтизна кожи сменилась серо-зеленым оттенком.

– Вы хорошо замели следы, Уун Сан, – тихо, но внушительно сказал детектив. – Однако какая это подлость – надуть своих ближних и удрать со всеми деньгами. Если они когда-нибудь доберутся до вас, то быть вам сожранным крысами. Не знаю, может, мне действительно нужно написать мандарину кантона...

– Замолчите! – голос китайца изменился до неузнаваемости. – Замолчите, во имя Будды! Я сделаю все, о чем вы просите. Я пользуюсь доверием этого друга и легко смогу все устроить. Сейчас только начинает смеркаться. Приходите в полночь в переулочек, который китайцы с Ривер-стрит называют Переулком Тишины. Понимаете, о чем я говорю? Так вот.

Спрячьтесь в углубление между каменными стенами в конце переулочка, и вскоре мимо вас пройдет ни о чем не подозревающий Али ибн-Сулейман.

– На сей раз возьму с собой пушку, – ухмыльнулся Харрисон. – Устройте это для меня, и я забуду о записках Ла Тура. Но смотрите, без фокусов, не то...

– Моя жизнь – в ваших руках, – отозвался Уун Сан. – Как я могу вас обмануть?

Харрисон недоверчиво хмыкнул, но молча поднялся и вышел через скрытую портьерами дверь на улицу. Уун Сан с загадочным выражением лица наблюдал, как широкоплечий полицейский решительно прокладывает себе путь в толпе низеньких, суетливых выходцев с Востока, мужчин и женщин, заполнявших Ривер-стрит в этот час; затем запер магазин изнутри и юркнул за драпировки, закрывавшие проход в нарядную заднюю комнату. Открывшаяся перед ним картина заставила его остановиться, как вкопанного.

Сизоватые змейки дыма извивались над обитым шелком диваном, а на нем удобно устроилась молодая женщина. На ней была дорогая модная одежда, но стройное, гибкое тело, смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, пухлые алые губы и сверкающий взор выдавали ее экзотическое происхождение. Алый рот незваной гостьи сложился в зловещую

усмешку, но поблескивание глаз выдавало присущее ей чувство юмора, пусть даже едкого, равно как и живость ее взгляда указывала на наигранность внешнего безразличия, выраженного неподвижно застывшей в руке сигаретой.

– Джоэн! – От нахлынувших подозрений глаза китайца превратились в узкие щелочки. – Как ты сюда вошла?

– Через коридор и дверь, выходящую в переулок за домом. Она была заперта, но я давно научилась обращаться с любыми замками...

– Но зачем же ты...

– Увидела, как к тебе заглянул бравый полицейский. Я уже некоторое время слежу за ним, хотя он об этом и не догадывается. – На мгновение глаза девушки вспыхнули еще ярче.

– Ты подслушивала под дверь? – властным тоном спросил Уун Сан. Лицо его стало пепельно-серым.

– Я такими вещами не занимаюсь. Да мне и подслушивать не нужно. Догадываюсь, что его сюда привело и в каком деле ты обещал ему помочь.

– Не понимаю, о чем ты, – отозвался Уун Сан, тайком испуская вздох облегчения.

– Врешь! – Девушка выпрямилась. Ее нервные пальцы мяли сигарету, а лицо на мгновение передернуло судорога. Затем она снова взяла себя в руки. Ее холодная решимость была страшнее клокочущей ярости. – Уун Сан, – хладнокровно продолжала она, извлекая из складок одежды черный пистолет с коротким стволом, – я с легкостью и наслаждением прикончила бы тебя на месте, но в этом нет необходимости. Мы должны остаться друзьями. Видишь, я прячу эту игрушку, но не искушай меня, приятель. Не пытайся выставить меня за дверь или применить насилие. Давай-ка садись и бери сигарету. Обсудим все спокойно.

– Не знаю, что ты собираешься обсуждать, – сказал Уун Сан, опускаясь на диван и механически принимая протянутую ему сигарету, словно загипнотизированный магнетическим блеском ее черных глаз – и сознанием того, что она прячет при себе пистолет. При всей своей восточной невозмутимости он не мог отрицать, что боится этой юной пантеры, – боится больше, чем Харрисона. – Детектив заходил просто перекинуться словом, – сказал он. – У меня много друзей в полиции. Если бы меня убили, то они бы сделали все, чтобы поймать и вздернуть на виселице виновного.

– А кто говорит об убийстве? – возразила Джоэн, чиркая спичкой по острому окрашенному хной ноготку и поднося маленький огонек к сигарете Уун Сана. Когда он прикуривал, их лица почти соприкоснулись, и китаец отпрянул, напуганный странным блеском ее темных очей. Он нервно пыхнул сигаретой, глубоко втягивая в себя табачный дым.

– Я всегда был твоим другом, – заявил он. – Не стоило тебе приходить, угрожая мне пистолетом. Я не последний человек на Ривер-стрит. Возможно, твое положение не так прочно, как тебе кажется. Может статься, придет время, когда тебе понадобятся такие друзья, как я...

Внезапно он осознал, что девушка не только не отвечает ему, но даже не обращает внимания на его слова. Сигарета продолжала куриться у нее в пальцах, а сквозь струйки дыма его прожигали глаза хищника, наметившего себе жертву. Он судорожно выдернул сигарету изо рта и поднес к носу.

– Дьяволица! – Его голос звенел настоящим страхом. Отбросив окурок, он вскочил на ноги, которые вдруг отказались повиноваться ему. Пальцы его продолжали тянуться к девушке, словно хотели задушить ее. – Отравы... наркотик... черный лотос...

Она поднялась и легким толчком открытой ладонью в грудь заставила его опуститься на диван. Китаец неуклюже раскинулся на сиденье. Тело его было совершенно безвольным, широко распахнутые глаза остекленели и были бессмысленно уставлены в никуда. Дрожа от возбуждения, она склонилась над ним.

– Ты – мой раб, – прошептала она, словно гипнотизер, покоряющий волю своего пациента, – у тебя нет собственной воли, только моя. Твой разум спит, но язык говорит правду. Только правда живет в твоём одурманенном мозгу. Зачем к тебе приходил полицейский Харрисон?

– Он хотел разузнать о друге по имени Али ибн-Сулейман, – лишенным жизни, протяжным голосом пролепетал китаец.

– Ты пообещал сдать ему друга?

– Да, но я его обманул, – отозвался бесцветный голос. – В полночь детектив будет в Переулке Тишины, откуда идет дорога к Повелителю. Многие прошли по ней вперед ногами. Там легче всего избавиться от трупа. Я скажу Повелителю, что он пришел присмотреть за ним. Я заслужу его благодарность и одновременно избавлюсь от всех врагов. Этот белый громила будет стоять в углублении между стен, поджидая друга, как я ему посоветовал. Он не знает, что там есть потайная дверь. Именно из нее высунется рука, которая ударит его кинжалом. Моя тайна умрет вместе с ним.

Джоэн определенно не интересовало, о какой тайне шла речь, поскольку она прекратила допрос одурманенного китайца. Однако выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

– Нет, мой желтый приятель, – прошипела она. – Пусть белый громила идет в Переулок Тишины, только встретится он там не с каким-нибудь желтобрюхим. Его желание исполнится. Он увидит Али ибн-Сулеймана, а затем и червей, которыми кишит темнота!

Вынув из-за пазухи крохотный агатовый флакончик, она высыпала его содержимое в янтарный кубок и плеснула туда вина из фарфорового кувшина. Затем вложила кубок в безжизненные пальцы Уун Сана и резким тоном приказала выпить, помогая ему поднести ободок к губам. Он подчинился, словно автомат, и тотчас же, повалившись на бок, застыл в неуклюжей позе на диване.

– Ночью тебе будет не до кинжала, – тихо промолвила она. – Когда ты очухаешься, мое желание уже будет исполнено. И тебе больше не придется опасаться Харрисона – на каком бы крючке ты у него ни сидел.

Внезапно ее осенила какая-то мысль. Уже по пути к выходу в коридор она остановилась.

– «Не так прочно, как тебе кажется...» – едва слышно повторила она. – Что он хотел этим сказать? – На лицо девушки набежала тень, словно она о чем-то догадалась. Затем она пожала плечами. – Сейчас бессмысленно выколачивать из него ответ. Неважно. Повелителю ничего не известно – а если даже он и знает, то я – не его человек. Впрочем, я теряю здесь слишком много времени...

Она вышла в коридор, закрыла за собой дверь и только тогда заметила три зловещие фигуры – высокие, поджарые, в черных рубашках. Наголо обритые головы делали их похожими на хищных птиц.

В этот миг, скованная леденящим предчувствием неотвратимого конца, она забыла о своем пистолете. Ее губы раскрылись, но прежде, чем с них слетел крик, рот зажала костлявая рука, и истошный вопль страха захлебнулся в глухом мычании.

ПЕРЕУЛОК, БЕЗЫМЯННЫЙ ДЛЯ белых, но среди многочисленных уголовников с Ривер-стрит известный как переулок Тишины, был извилистым и таинственным, под стать

характерам, присущим расе, к которой принадлежали его постоянные обитатели. Отходя от Ривер-стрит, он петлял между высокими мрачными постройками, которые поверхностному наблюдателю могли бы показаться жилыми домами, складскими помещениями или же заброшенными развалюхами, предоставленными на откуп крысам.

На первый взгляд Переулок Тишины казался заброшенным и пустынным, но на самом деле здесь билось сердце Ривер-стрит, которая, в свою очередь, являлась сердцем всего Восточного квартала. По крайней мере, так считал Стив Харрисон, хотя и не располагал ни одним веским доводом, оправдывавшим то значение, которое он придавал темному, грязному, вилиющему между стенами проходу, заканчивавшемуся, казалось бы, тупиком. В отделении посмеивались над Харрисоном, полагая, что, проработав так долго в трущобных лабиринтах одолеваемой крысами Ривер-стрит, он попросту рехнулся на этих китайских кварталах.

Он размышлял на эту тему, в нетерпеливом ожидании притаившись за последним поворотом отвратительного переулка. Светящиеся стрелки его наручных часов уже перевалили за полночь. Стояла тишина, нарушаемая только возней крыс. Треугольная ниша, образованная двумя покосившимися стенами, служила надежным укрытием. Архитектура сооружений по сторонам переулка была столь же дикой, как и некоторые истории, имевшие отношение к его промозглому, смрадному мраку. В нескольких шагах от укрытия переулок заканчивался, упираясь в черную громаду глухой стены, в которой была лишь одна заколоченная досками дверь.

Харрисон разглядел ее в тусклых отсветах, слабые блики которых проникали в переулок откуда-то сверху. За выступами стен царила непролазная тьма, а заколоченная дверь казалась единственным грязным пятном, едва выделявшимся на отвесной плоскости стены. Харрисону подумалось, что это заброшенный склад, который уже много лет находится в запустении. Вероятно, фасад здания выходил к реке, вдоль берега которой тянулись обветшавшие, много лет назад заброшенные причалы – торговый порт давно сместился поближе к новым городским кварталам.

Видел ли кто-нибудь, как он нырнул в переулок? Он попал в него не прямо от Ривер-стрит с ее таинственными пешеходами, неприметные тени которых продолжали сновать по ней в течение всей ночи, а из бокового прохода, пробравшись в петляющий переулок сквозь щели между покосившимися стенами и выступающими углами ветхих построек. Имея дело с Восточным кварталом, он поневоле позаимствовал скрытность и осторожность, присущую его обитателям.

Полночь миновала, однако нужный ему человек так и не появился. Вдруг в темном переулке послышался звук приближающихся шагов. Шаркающая походка незнакомца никак не вязалась в голове полицейского с образом Али ибн-Сулеймана. Высокая сутулая фигура, еле различимая в царившей вокруг темноте, прошлепала мимо укрытия, в котором притаился Харрисон. Наметанный глаз полицейского даже в столь густых сумерках определил, что прохожий вовсе не был тем, кого он поджидал.

Неизвестный направился прямо к заколоченной двери и три раза постучал, выдерживая долгую паузу между ударами. Внезапно на двери появилось красноватое пятно. Раздалась негромкая китайская фраза. Пришедший также ответил по-китайски, и напряженно прислушивавшийся полицейский явственно разобрал слова: «Эрлик-хан!» Неожиданно дверь отошла внутрь, и незнакомец проник в дом. Его силуэт хорошо просматривался в красноватом свете, исходявшем из глубины помещения. Затем, когда дверь встала на свое

место, над переулком вновь сомкнулась крошечная мгла и нависла гробовая тишина, так соответствовавшая его названию.

Но у скрючившегося в своем укрытии Харрисона бешено заколотилось сердце. Он узнал того, кто вошел в дом. Китаец, находящийся в розыске убийца, за поимку которого была обещана награда. Однако не это усилило пульсацию крови в его жилах. Дело было в пароле, названном зловещим посетителем – «Эрлик-хан». Казалось, сбывается какой-то нелепый кошмарный сон, становится явью пугающая легенда.

Уже более года из мрачных закоулков, из-за дверей обветшавших лачуг, населенных таинственными и непостижимыми, словно призраки, представителями желтой расы, просачивались кое-какие слухи. Впрочем, слухи – вещь вполне определенная и конкретная, не подходящая в качестве определения для бессвязного бормотания наркоманов, нечленораздельных завываний сумасшедших, стонов умирающих, отрывочных, еле слышных шепотов, разносимых полночным ветром. Однако во всем этом разноголосом, нестройном и отрывистом лепете то и дело проскальзывало наводящее ужас сочетание слов, произносимое с бесконечным страхом, с внутренней дрожью: «Эрлик-хан!»

Это выражение неизменно всплывало в связи с самыми жуткими преступлениями, черным вихрем стеноло в кронах ночных деревьев – призрак, миф, которого нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Никто не знал, что кроется за этими словами: были ли они именем человека, девизом, жизненным кредо, проклятием, наваждением. Связанные с ним кошмарные ассоциации превратили его в синоним чего-то ужасного: тихого плеска темной воды у прогнивших свай, крови, по каплям сочащейся на осклизлые камни, предсмертных воплей в темных закоулках, тихих, шаркающих шагов, бредущих в зловещей ночи навстречу неизвестной судьбе.

В отделении смеялись, когда Харрисон начинал клясться, что чувствует, будто между разрозненными преступлениями существует некая связь. Как всегда в таких случаях, ему говорили, что он слишком долго работает в извилистых лабиринтах Восточного квартала. Однако именно это обстоятельство и заставляло его чувствовать те тонкие, скрытые нюансы, которые ускользали от внимания его коллег. А временами он чуть ли не физически ощущал присутствие некой неясной, расплывчато зловещей фигуры, возникавшей из хитросплетения миражей.

И теперь во мраке, словно свист бича, прозвучало сказанное шепотом: «Эрлик-хан!»

Выбравшись из своего укрытия, Харрисон быстро направился к заколоченной двери. Выяснение отношений с Али ибн-Сулейманом отошло на второй план. По складу характера великий сыщик был склонен к импровизациям: он никогда не отказывался от подвернувшегося случая, даже если ради этого приходилось перекладывать намеченные дела на более поздний срок. А инстинкт подсказывал ему, что он стоит на пороге больших событий.

Начал накрапывать дождь. Над головой, в разрывах между высокими черными стенами он увидел густые темные тучи. Они висели так низко, что, казалось, цепляются за устремленные в небо крыши, тускло отражая сияние мириад городских огней. Откуда-то издали доносился звук проезжающих по улицам автомобилей. Все вокруг него казалось до странности незнакомым, чужим и враждебным. Словно он пробирался по мрачным трущобам Кантона, по Запретному городу в Пекине или же очутился в Вавилоне или египетском Мемфисе.

Подойдя к двери, он осторожно ощупал ее и доски, которыми, как казалось, она была

заколочена. И обнаружил, что многие вбитые в них гвозди были фальшивыми. Гениальная мысль – сделать так, чтобы снаружи дверь казалась наглухо заколоченной!

Стиснув зубы и чувствуя себя так, словно он ныряет в неведомую тьму, Харрисон трижды постучал в дверь, подражая манере убийцы, Фэнг Йима. Почти в тот же миг в двери открылось круглое отверстие, и в нем, еле различимое в скупом красноватом свете, появилось желтое монголоидное лицо. Резко прозвучала сказанная по-китайски фраза.

Шляпа Харрисона была нахлобучена на лоб, а поднятый для защиты от измороси воротник скрывал нижнюю часть лица. Но маскировка не понадобилась. Харрисон никогда прежде не встречался с человеком, который сейчас стоял по ту сторону двери.

– Эрлик-хан! – тихим, невнятным голосом произнес детектив. В раскосых глазах не промелькнуло ни тени подозрения. Ясно, что ранее через эту дверь проходили и белые. Дверь отворилась, и Харрисон, ссутулившись и засунув руки в карманы – ни дать ни взять – хулиган с набережной, – протиснулся сквозь образовавшийся проем. Он слышал, как закрылась за ним дверь, и, миновав узкий коридор, оказался в маленькой квадратной комнате. Про себя он отметил, что дверь запиралась огромным железным ломом, который китаец засовывал теперь в могучие железные проушины, торчавшие по обеим ее сторонам, а круглый глазок в ней закрывался поворотной заслонкой из куска листовой стали. У входа лежала подушка, на которой сидел привратник. Никакой мебели в помещении не было.

Проводя эти попутные наблюдения, он чувствовал, что привычному посетителю не пристало задерживаться в комнатухе. Она освещалась подвешенным к потолку маленьким красным светильником, но отходивший от нее коридор был совершенно темным, и ориентироваться в нем можно было только в чахлах отсветах этого единственного фонаря.

Харрисон шагал по коридору, ничем не выдавая невероятного напряжения нервов. Боковым зрением он отметил, что стены здесь новые и прочные. Тут явно совсем недавно закончились большие ремонтные работы, хотя внешне здание выглядело совершенно заброшенным.

Как и ведущий к дому переулоч, коридор оказался коленчатым. Из-за поворота падал мягкий поток света, и за углом раздались приближающиеся шаркающие шаги. Харрисон толкнул ближайшую дверь, которая беззвучно отошла и так же беззвучно закрылась за ним. В крошечной тьме он оступился и чуть не скатился с оказавшейся под его ногами лестницы. Мысленно он проклинал себя за произведенный шум. Он слышал, как шарканье ног приблизилось к двери. Невидимая рука толкнула ее. Но Харрисон изо всех сил налег на дверь плечом. Пальцы нашарили засов и плавно задвинули его, заставив детектива болезненно поморщиться от еле слышного скрежета. Послышалась свистящая китайская фраза, но Харрисон не ответил. Отойдя от двери, он начал ощупью спускаться по лестнице.

Наконец, он поставил ногу на ровную поверхность и в тот же миг врезался в дверь. У него в кармане лежал фонарь, но воспользоваться им он не рискнул. Потянув за ручку, Харрисон понял, что дверь не заперта. Вся она, даже ее порог и косяки, была обита чем-то мягким. Ощупав стены чуткими пальцами, Харрисон понял, что и они обиты все тем же мягким материалом, и с внутренней дрожью подумал, какие крики и шумы пытались заглушить с помощью подобной звукоизоляции.

Распахнув дверь, он зажмурился от мягкого красноватого света и в испуге схватился за пистолет. Однако все было по-прежнему тихо – ни криков, ни выстрелов, и по мере того как глаза его привыкали к свету, он увидел, что находится в большом подвальном помещении, совершенно пустом, если не считать трех огромных упаковочных ящиков. В дальнем и

ближнем концах помещения, а также вдоль его стен находились двери, но все они были закрыты. Харрисон явно пребывал где-то под землей.

Он приблизился к ящикам, которые, по всей видимости, недавно подверглись вскрытию, но еще не были разобраны. На полу рядом с ними лежали отодранные крышки, охапки тонких стружек и веревки.

– Спиртное? – пробормотал он себе под нос. – Наркота? Контрабанда?

Он бросил хмурый взгляд на ближайший ящик. Его содержимое было прикрыто лишь одним слоем мешковины, и он озадаченно уставился на очертания того, что скрывалось под ней. Затем, чувствуя, как у него по телу забегали мурашки, он сорвал тканевый покров и отшатнулся. От ужаса у него перехватило дыхание. Из ящика на слегка покачивающуюся лампу невидящими взорами уставились три застывших, неподвижных желтых лица. Под ними, кажется, был еще ряд...

Зажимая себе рот и покрываясь испариной, Харрисон продолжал свое ужасное занятие, чтобы удостовериться в том, во что едва мог поверить. А затем стер капли пота.

– Три ящика, набитые мертвыми китайцами! – с содроганием прошептал он. – Восемнадцать трупов! Черт подери! Прямо оптовое убийство! Чего только я в жизни ни повидал, думал, уже ничто не сможет выбить меня из колеи. Но это уже слишком!

Еле уловимый шорох открываемой двери заставил его отвлечься от своих неприятных размышлений. Охваченный страшным напряжением, он повернулся на шум. Перед ним раболепно склонилась отвратительная, зловещая фигура, словно воскресшая из ночного кошмара. Полицейский отметил массивный полуобнаженный торс, гладкую, как пушечное ядро, бритую голову, лицо, искаженное ухмылкой, обнажавшей зубы, слюну, стекавшую из уголков рта, – и вот это чудовище набросилось на него.

Харрисон не принадлежал к тем, кто сразу хватается за оружие. Прежде всего, повинувшись инстинкту, он пускал в дело могучие кулаки. Вместо того чтобы выхватить пистолет, он правой рукой нанес сокрушительный удар прямо по этой оскаленной физиономии и удовлетворенно отметил, как по ней побежали струйки крови. Голова гиганта откинулась назад, но жилистые пальцы продолжали цепко держаться за лацканы куртки детектива.

Левый кулак Харрисона с размаху врезался в солнечное сплетение противника, от чего бронзовое лицо нападавшего приобрело зеленоватый оттенок. Однако он не ослабил хватку и упрямо пытался стянуть куртку с плеч полицейского. Харрисон догадался, что этим приемом бандит пытается обездвижить ему руки, и, притворяясь, будто уступает его намерениям, изо всех сил ударил желтолицего в грудь пригнутой головой, одновременно освобождаясь от сковывавшей его движения одежды.

Гигант, пошатываясь, попятился назад, судорожно пытаясь глотнуть воздуха и держа бесполезную теперь куртку Харрисона перед собой наподобие щита, а неумолимый в атаке полицейский прижал его к стене и обеими руками поочередно нанес зубодробительные удары под челюсть противника. Глаза желтокожего великана подернулись пеленой, и он начал медленно оседать. Ударившись головой о стену, он рухнул наземь, заливая пол вокруг себя алой кровью и содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

– Душегуб монгольский! – выдохнул запыхавшийся Харрисон, свирепо оглядывая свою жертву. – Что за ужасы здесь творятся, хотел бы я знать?

В этот миг сзади на его голову обрушился удар дубинки. Свет померк в глазах Харрисона.

Его нынешнее положение породило в мозгу детектива какие-то туманные ассоциации с

испанской инквизицией. Он, наконец, пришел в сознание. Возможно, эти ассоциации были порождены звяканьем стальных цепей. Выплывая из бездны галлюцинаций, он первым делом почувствовал, как болит у него голова, бережно дотронулся до нее и разразился яростными проклятиями.

Он валялся на бетонном полу. На поясе у него был стальной обруч, замкнутый за спиной на замок и прикрепленный к цепи, приковывавшей его к вмурованному в стену кольцу. Помещение, в котором не было ни одного окна и всего одна дверь, освещалось висевшим под потолком тусклым фонарем. Дверь была заперта.

В комнате находились какие-то предметы, и по мере того как глаза Харрисона привыкали к чахлому свету, предметы эти приобретали все более конкретные очертания, а его охватывало ледящее душу предчувствие, казавшееся слишком фантастическим и жутким, чтобы довериться ему. И все же то, что предстало перед ним, было поистине невероятным. Тут находился какой-то механизм, оснащенный рычагами, воротами и цепями. С потолка свисала цепь. Были здесь и еще какие-то железные штуковины, напоминавшие по форме языки пламени. В одном из углов стояла массивная, изборожденная зарубинами плаха, а к ней был прислонен тяжелый широколезвенный топор. Детектив невольно содрогнулся, спрашивая себя, уж не снится ли ему все это средневековое в каком-то кошмарном сне. Он не сомневался в предназначении этих предметов, потому что видел точно такие же в музеях...

Почувствовав, что дверь отворилась, он изогнулся и увидел в проеме неясный силуэт – это был высокий, похожий на призрака человек, одетый во все черное. Человек вошел в комнату, словно сама Смерть, и притворил за собой дверь. Из-под капюшона на желтом лице ледяным блеском сверкнули глаза, выражение которых вселяло ужас.

Несколько мгновений царило молчание, но его нарушил сердитый окрик сыщика:

– Где я, черт побери, нахожусь? Кто вы? Снимите с меня цепь!

Ответом ему было лишь презрительное молчание, и под немигающим, пронзительным взглядом этих призрачных глаз Харрисон почувствовал, как лоб и тыльные стороны ладоней у него покрываются холодным потом.

– Болван! – Харрисон нервно содрогнулся при звуке этого ледяного, бесстрастного голоса. – Ты нашел свой конец!

– Кто вы? – продолжал вопрошать полицейский.

– Люди зовут меня Эрлик-хан, что означает Повелитель мертвых, – ответил человек в черном. По спине Харрисона пробежали ледяные мурашки, не столько от испуга, сколько от неприятного волнения при мысли о том, что он наконец-то видит перед собой того человека, о существовании которого подозревал.

– Итак, Эрлик-хан – всего лишь человек, – хмыкнул детектив. – Я уж начинал думать, что это понятие именуется целую банду китайцев.

– Я не китаец, а монгол, – ответил Эрлик-хан, – прямой потомок Чингиз-хана, великого завоевателя, перед которым склонялась вся Азия.

– А мне что за дело? – проворчал Харрисон, стараясь скрыть желание узнать больше.

– Затем, что скоро ты умрешь, – последовал спокойный ответ, – и мне хочется, чтобы ты понял, что попался ты не в лапы какой-нибудь обыкновенной бандитской шайки.

Я был настоятелем монастыря ламаитов в горах Внутренней Монголии и, если бы мне удалось осуществить свои намерения, возродил бы утраченную империю, да-да, древнюю империю Чингиз-хана, но разные кретины мешали мне и чуть не лишили меня жизни.

Я прибыл в Америку и здесь поставил перед собой новую цель – сплотить все тайные восточные общества в единую могучую организацию, чтобы иметь возможность осуществлять через нее все свои желания и опутать невидимыми щупальцами весь мир. Здесь, в месте, не вызывающем подозрения у таких недоумков, как ты, я построил свой замок. Я уже многого добился. Те, кто препятствует мне, внезапно погибают, или с ними происходит кое-что еще худшее – ты же видел болванов в упаковочных ящиках, стоящих в подвалах. Это члены банды «Ят-Сой», пытавшиеся пренебречь мною.

– Душегуб! – пробормотал Харрисон. – Целый тонг отправленных на тот свет!

– Они живы, – поправил его Эрлик-хан. – Просто находятся в состоянии каталепсии, вызванном неким веществом, которое надежные слуги подсыпали им в питье. Их доставили сюда, чтобы я имел возможность убедить их в бессмысленности сопротивляться мне. Я располагаю несколькими подобными подземными склепами, где есть устройства, способные переубедить даже самых упрямых.

– Камеры пыток под Ривер-стрит! – прошептал детектив. – Черт меня побери, если этот кошмар мне не снится!

– Ты так долго разгадывал секреты кварталов Ривер-стрит. Неужто тебя поражают тайны, господствующие над их тайнами? – тихо промолвил Эрлик-хан. – По правде говоря, ты лишь слегка прикоснулся к их тайнам. Многие подчиняются моим приказам – китайцы, сирийцы, монголы, индийцы, арабы, турки, египтяне.

– Почему? – спросил Харрисон. – Почему столько людей, принадлежащих к разным, зачастую враждебным, религиям служат вам?..

– За всеми расхождениями в вопросах вероисповедания, – сказал Эрлик-хан, – стоит вечное Единство, главная сущность Востока. До того как появились Мухаммед, Конфуций или Гаутама, существовали общие для всех сынов Востока знаки и символы, такие древние, что их история теряется в веках. Есть культы, которые влиятельнее и старше ислама или буддизма, – древнейшие культы, возникшие до того, как был построен Вавилон или затонула Атлантида. Для посвященного все эти религии и верования – только новые одеяния, за которыми скрывается единая внутренняя сущность... Даже мертвому я не могу сказать больше. Достаточно знать, что я, которого называют Эрлик-ханом, имею власть над миром ислама и буддизма, но она простирается и за его пределы.

Лежа на полу, Харрисон молча размышлял над словами монгола, который через некоторое время нарушил молчание:

– Ты один виноват в том, что с тобой случилось. Я убежден, сегодня ты явился сюда не для того, чтобы шпионить за мной, – глупый, слепой кретин, даже не подозревавший о моем существовании. Я думал, что ты опрометчиво решил арестовать моего слугу, друга Али ибн-Сулеймана.

– Вы подослали его, чтобы убить меня, – прорычал Харрисон.

Презрительный смех заставил его стиснуть зубы.

– Неужто ты мнишь себя такой важной персоной? Я бы не стал сворачивать со своего пути, чтобы раздавить слепого червя. Тебя подставили иначе – нашлось ничтожное, самонадеянное, глупое существо, ставшее жертвой собственных заблуждений и ныне расплачивающееся за свое безумие. Подобно многим моим слугам, Али ибн-Сулейман – отщепенец, отверженный своим народом, и жизнь его поставлена на карту. Из всех добродетелей самой ценной друзы почитают простейшую – физическое мужество. Если друз проявляет трусость, никто не насмехается над ним, но когда воины собираются за чашкой кофе, кто-нибудь проливает содержимое чашки на его одежду. Для него это равносильно смертному приговору. При первой возможности он обязан идти в бой и как можно дороже продать свою жизнь. – Эрлик-хан помолчал. – Али ибн-Сулейман не смог выполнить задание, которое было неосуществимым. Он был молод и не понимал, что фанатичные соплеменники заклеймят его как труса, и поэтому, потерпев неудачу, не покончил с собой. Однако чаша позора пролилась на его рубаху. Али был молод и не хотел умирать. Он нарушил обычай, соблюдавшийся тысячелетиями, бежал из родных мест и стал скитальцем на этой земле. В прошлом году он примкнул к моим людям, и я был доволен его отчаянной храбростью и исключительными бойцовскими качествами. Однако не так давно то безмозглое существо, о котором я уже говорил, решило использовать его для разрешения одной старинной междоусобицы, никоим образом не связанной с моими делами. Это было неблагоприятно. Мои люди живут только для того, чтобы служить мне, независимо от того, осознают они это или нет. Али часто ходит курить опиум в некий дом, и там эта безмозглая дрянь одурманила его порошком черного лотоса, погружающим человека в транс и делающим его внушаемым. Если повторять эти внушения многократно, то они удерживаются в мозгу жертвы даже тогда, когда он освобождается от действия наркотика.

Эрлик-хан снова умолк. Так это было или нет, но Харрисону показалось, что он к чему-то прислушивается. Потом Эрлик-хан спокойно продолжил.

– Друзы верят, что после смерти их душа тотчас же переселяется в тело младенца из их племени. Их национальный герой Амир Амин Изедин был убит арабским шейхом Ахмед-пашой в ночь, когда родился Али ибн-Сулейман. Али всегда считал, что в нем живет душа Амира Амина, и страшно печалился, что не может отомстить за свою прошлую жизнь Ахмед-паше, который погиб через несколько дней после того, как убил вождя друзов. Узнав обо всем, это самонадеянное ничтожество с помощью черного лотоса, известного так же как Дым Шайтана, убедила друза, что ты, детектив Харрисон, являешься реинкарнацией его старого врага, шейха Ахмед-паши. Понадобилось немало времени и хитрости, чтобы внушить ему, даже под воздействием наркотика, что душа арабского шейха могла переселиться в американского полицейского, но дрянь действовала очень настойчиво, и в конце концов Али поддался внушению и послушался моих приказаний – я всегда запрещал досаждать полицейским, если они не лезли в мои дела, а уж когда требовалось принимать какие-то меры, то все делалось исключительно под моим руководством. Ибо я не стремлюсь к известности. Друза следует проучить. Теперь мне пора уходить. Я и так провел с тобой слишком много времени. Скоро сюда придет тот, кто избавит тебя от земных забот. Утешься мыслью, что по соседству с тобой виновная в твоей гибели дура искупит свой грех ценой собственной жизни. Фактически ее отделяет от нас только одна звукопоглощающая переборка. Прислушайся!

Где-то рядом раздался женский голос. Нельзя было разобрать, что именно он говорил, но звучал он настойчиво.

– Дура сознается в своей ошибке, – благодушно улыбнулся Эрлик-хан. – Звуки ее раскаяния долетают сюда даже сквозь эти стены. Что ж, не она первая сожалеет о совершенных ранее глупостях. А теперь я ухожу. Эти кретины из «Ят-Сой» скоро очухаются.

– Подождите вы, сатана! – рявкнул Харрисон, борясь со своей цепью. – Что вы собираетесь...

– Довольно, довольно! – В голосе монгола послышалась нетерпеливая нотка. – Ты меня утомил. Соберись с мыслями, времени у тебя мало. Прощайте, мистер Харрисон, но не до свиданья!

Дверь беззвучно затворилась, и детектив остался один на один со своими невеселыми мыслями. Он проклинал себя за то, что попался в эту ловушку, за то, что старался всегда работать в одиночку. Никто не знал, куда он направился; он никому не сообщил о своих намерениях.

Из-за переборки по-прежнему доносились приглушенные рыдания. У Харрисона по лбу заструились капельки пота. Нервы, не дрогнувшие перед лицом постигшей его беды, затрепетали от сострадания к чужому, заходящемуся от страха голосу.

Затем дверь вновь распахнулась, и, изогнувшись, Харрисон с парализующим чувством обреченности понял, что видит перед собой палача. Это был высокий, мрачного вида монгол, облаченный в сандалии и доходящую до колен накидку из желтого шелка. Она была подвязана поясом, с которого свисала связка ключей. С собой он принес большой бронзовый сосуд и какие-то предметы, похожие на ароматические палочки. Он поставил свою ношу на пол неподалеку от Харрисона и, присев на корточки на недоступном для пленника расстоянии, стал возводить внутри сосуда своего рода пирамиду из источающих отвратительный запах палочек. А Харрисон, наблюдая за его действиями, припомнил полустершуюся в памяти страшную историю, один из многих тысяч жутких рассказов о Ривер-стрит: когда-то в какой-то наглухо закупоренной комнате, где над бронзовым котлом с головнями еще курился едкий дым, он обнаружил ссохшийся, сморщенный, как старый лоскут кожи, труп индийца, мумифицированный смертоносным дымом, убившим и иссушившим свою жертву, словно отравленную крысу.

Из соседней камеры раздался вопль, такой пронзительный и страдальческий, что Харрисон подскочил на месте и выругался. Монгол застыл, держа наготове спичку. Его пергаментное лицо расплылось в понимающей ухмылке, обнажившей сморщенный обрубок языка. Этот человек был нем.

Крики становились все громче и отчаяннее, казалось, в них было больше страха, чем боли, но вместе с тем звенела и боль. Охваченный пугающим весельем немой поднялся и подошел поближе к стене, весь обратившись в слух, словно боясь пропустить хотя бы единый стон, долетавший из соседней камеры пыток. Из уголков его безъязыкого рта капала слюна. Он жадно задерживал дыхание, помимо воли все ближе и ближе подходя к стене, – и в этот момент Харрисон, исхитрившись описать ногой немислимую кривую, изо всех сил ударил его под обнаженные колени. Монгол неуклюже повалился назад и рухнул прямо в объятия полицейского.

Захват, благодаря которому Харрисон сломал палачу шею, не был описан ни в одном руководстве по единоборству. Долго сдерживаемая ярость уничтожила в детективе все, кроме нечеловеческого желания душить, терзать и рвать в клочья, повинувшись голосу необузданной страсти. Словно гризли, он душил и ломал тело врага, чувствуя, что под его напором позвонки монгола хрустят, как подгнившие сучья.

Испытывая головокружение от переполнявшей его ярости, он с трудом поднялся на ноги, по-прежнему сжимая, как тисками, безвольное тело и изрыгая бессвязные проклятия. Его пальцы сомкнулись на связке ключей, болтавшейся на поясе убитого. Завладев ею, Харрисон в припадке все еще бушевавшей в нем ярости зло пнул ногой труп, повалившийся на пол с глухим стуком. Застывшее лицо с невидящими глазами зловеще скалилось из-за желтого плеча.

Харрисон методично подобрал ключ к замку на своем поясе. Мгновение спустя, освободившийся от оков, он уже стоял посреди камеры, обуреваемый захлестнувшими его неистовыми чувствами – надеждой, ликованием, ощущением свободы. Он подхватил топор, прислоненный к покрытой темными пятнами плахе, и с трудом сдержал кровожадный радостный вопль, ощутив успокаивающую тяжесть этого массивного оружия и видя, как тусклый свет играет на его блестящем и остром как бритва лезвии.

Секунду повозившись, подбирая ключи к замку, он отворил дверь и оказался в тускло освещенном узком коридоре, по обеим сторонам которого тянулись запертые двери. Из-за той, что находилась рядом, доносились душераздирающие крики, приглушенные звукопоглощающей обивкой двери и стен.

Клокоча от ярости, он не стал терять времени на подбор ключа. Стиснув топором обеими руками, Харрисон что есть силы рубанул по двери. Он не думал о произведенном им грохоте, повинувшись лишь безумной потребности творить насилие. Под градом ударов дверь раскололась и вдавилась внутрь, и через образовавшуюся рваную щель он влетел в камеру. Глаза его яростно сверкали, рот раздвинулся в рычащем оскале.

Он оказался в камере, как две капли воды похожей на ту, в которой держали его самого. Здесь тоже была дыба – надежное средневековое дьявольское приспособление, – и на ней жалобно белела женская фигурка. Это была девушка, тело которой прикрывала лишь коротенькая сорочка. Мрачного вида монгол склонился над рукоятками воротов, медленно приводя их в движение. Другой тем временем раскалял на маленькой жаровне заостренный железный прут.

Все это мгновенно отпечаталось в его мозгу. Завидев Харрисона, девушка повернула голову в его сторону и издала отчаянный крик. Затем монгол с железным прутком безмолвно ринулся на него, выставив раскаленное добела железо перед собой наподобие копья. Даже в обуревавшем его нечеловеческом приступе ярости Харрисон не потерял головы. Ощерив тонкие губы в зверином оскале, он рванулся в сторону и со всего маху опустил топор на голову нападавшего, расколовшуюся под ударом, словно спелый арбуз. Бездыханное тело рухнуло в лужу крови и выбитых мозгов, а Харрисон упругой кошачьей походкой двинулся навстречу второму монголу.

Тот действовал так же беззвучно, как и его напарник. Оба они тоже были немыми. Второй палач оказался не столь безрассудным, как первый, однако осмотрительность не уберегла его от разящего удара. Монгол выставил для защиты левую руку, и кривое лезвие рассекло мускулы и кости. Отрубленная плоть повисла на клочке мяса. В неистовой ярости заплечных дел мастер, словно умирающая пантера, рванулся вперед, норовя пырнуть Харрисона ножом. И тут же окровавленный топор вновь обрушился на него. Лезвие ножа вспорол рубашку Харрисона и полоснуло его самого вдоль ребер, и поскольку при этом он невольно отшатнулся, топор в его руках повернулся и ударом обуха сокрушил череп монгола, словно яичную скорлупу.

Матерясь, как последний извозчик, детектив озирался по сторонам, ожидая новых

нападений. Затем вспомнил о девушке на дыбе.

Он наконец узнал ее.

– Джоэн Ла Тур! Что вы здесь...

– Освободите меня! – прорыдала она. – Ради всего святого, освободите!

Справиться с дьявольским приспособлением было для Харрисона делом одной минуты. Но лодыжки и запястья девушки были прикручены крепкими веревками. Разрубив их, полицейский подхватил пленницу на руки и стиснул зубы при мысли о возможных переломах, вывихнутых суставах и разорванных сухожилиях, о перенесенных ею страданиях, но пытка, видимо, только началась и не успела нанести девушке непоправимого ущерба. Учитывая выпавшие на ее долю испытания, физическое состояние Джоэн могло бы оказаться намного хуже, однако она была охвачена безраздельной истерикой. Глядя на съежившуюся от страха, сотрясающуюся от рыданий и дрожащую в своей жалкой одежонке фигуру, он припомнил вызывающе гордую, самоуверенную и независимую красавицу, какой знал ее, и в изумлении покачал головой. Разумеется, Эрлик-хан умел заставить повиноваться своей деспотической воле.

– Бежим, – умоляла Джоэн в промежутках между бурными всхлипываниями. – Они вернутся – они же слышали шум...

– Бежим, – буркнул он, – только хотел бы я знать, где, черт подери, мы находимся?

– Не знаю, – прохныкала она. – Где-то в доме Эрлик-хана. Его немые монголы притащили меня сюда сегодня вечером по подземным ходам и тоннелям, соединяющим это место с разными частями города.

– Вот и славно, – откликнулся он, – значит, и мы могли бы убежать по ним куда-нибудь.

Схватив девушку за руку, он вывел ее в коридор и, неуверенно озираясь по сторонам, заметил ведущую вверх винтовую лестницу. Они бросились по ней, но вскоре оказались перед обитой незапертой дверью. Пройдя через нее, он попробовал закрыть ее на ключ, но попытка оказалась безуспешной. Ни один из ключей в связке не подходил к этому замку.

– Не знаю, слышали они нашу потасовку или нет, – пробормотал он, – разве что кто-то из них находился поблизости. Думаю, мы где-то в подвале.

– Нам никогда не выбраться отсюда живыми, – всхлипнула девушка. – Вы ранены, у вас на руках кровь...

– Подумаешь, царапина, – хмыкнул атлетически сложенный сыщик, украдкой ощупывая пальцами отвратительную рваную рану, сочившуюся кровью, пропитавшей насквозь и разодранную рубаху, и пояс брюк. Теперь, когда ярость его поостыла, он почувствовал боль.

Прекратив возиться с дверью, он ощупью побрел в кромешной тьме, ведя за собой девушку, присутствие которой ощущалось только по трепету нежной руки, вложенной в его ладонь. Затем он услышал ее судорожные всхлипывания.

– Это все я виновата! Я вас в это втравила! Друз, Али ибн-Сулейман...

– Знаю, – буркнул он, – Эрлик-хан рассказал. Но я никогда не подозревал, что именно вы напустили на меня этого безумного язычника с кинжалом. Или Эрлик-хан солгал?

– Нет, – простонала она. – Жозеф – мой брат. До сегодняшнего вечера я считала, что его убийца – вы.

Он сильно вздрогнул.

– Я? Я не убивал! И не знаю, кто его убил. Кто-то застрелил его – пуля, предназначавшаяся мне, пролетела у меня над плечом и попала в него. Это было во время облавы на банду Осман-паши.

– Теперь я знаю, – пролепетала она. – Но раньше все время считала, что вы говорите неправду. Думала, вы убили его, лично вы. Многие так говорили, понимаете. Я хотела отомстить. Выбрала способ, казавшийся абсолютно надежным. Друз меня не знает. Он ни разу меня не видел – когда был в сознании. Я подкупила содержателя притона наркоманов, где часто бывает Али ибн-Сулейман, чтобы тот окурил его черным лотосом. Затем за дело взялась я. Это очень похоже на гипноз. Должно быть, хозяин притона проболтался. Во всяком случае, Эрлик-хан узнал, как я использовала Али ибн-Сулеймана, и решил наказать меня. Возможно, он боялся, что друз наговорил много лишнего, пока был в угаре. Я тоже знаю слишком много для человека, не примкнувшего к организации Эрлик-хана. Я – мелкая рыбешка из Восточного квартала и крутилась подальше от сетей Ривер-стрит, пока сама не запуталась в них. Жозеф тоже играл с огнем и поплатился за это жизнью. Сегодня вечером Эрлик-хан назвал мне имя его настоящего убийцы. Это Осман-паша. И целился он тогда не в вас, а в Жозефа. Я вела себя, как последняя дура, и жизнь моя теперь не стоит ни цента. Эрлик-хан – властелин Ривер-стрит.

– Недолго он им останется, – прорычал детектив. – Мы уж как-нибудь отсюда выберемся, а потом я вернусь с ребятами из нашего отделения и очищу эту проклятую крысиную нору. Я покажу Эрлик-хану, что здесь Америка, а не Монголия. Когда я с ним разделаюсь...

Он остановился на полуслове, потому что пальцы Джоэн судорожно впились в его руку. Откуда-то снизу доносился неясный гул. Харрисон не знал, что находится под их ногами, но от одной мысли оказаться в западне на этой темной виляющей лестнице у него по коже побежали мурашки. Он зашагал быстрее, почти волоча за собой девушку, и, наконец, добрался до двери, оказавшейся также незапертой.

Именно в этот момент внизу зажегся свет, и он весь напрягся от долетевших до них пронзительных воплей. Далеко внизу виднелась толпа неясных теней, метавшихся в красноватых отсветах фонаря или факела. Можно было различить, как сверкали их белки, как поблескивала сталь.

Пулей влетев в дверь и с грохотом захлопнув ее за собой и Джоэн, он лихорадочно попытался подобрать ключ, чтобы запереть ее на замок, но, отказавшись от этой попытки, схватил девушку за руку и помчался по извилистому коридору, стены которого покрывали черные бархатные драпировки. Он не представлял, куда приведет их этот коридор. Он уже окончательно потерял ориентацию. Знал только, что на пятки им наступает смерть, страшная, неумолимая смерть.

Оглянувшись, он увидел, как озверевшая толпа заполняет коридор: это были желтолицые в шелковых куртках и мешковатых штанах, с обнаженными кинжалами наготове. Вдали перед ним маячила занавешенная портьерами дверь. Разметав тяжелые шелковые полотнища и волоча за собой девушку, он влетел в дверь, захлопнул ее и замер, охваченный леденящим душу отчаянием.

Они оказались в просторном зале, о возможности существования которого под заурядными крышами любого западного города Харрисон и подумать не мог. С резного потолка свисали позолоченные светильники, украшенные фантастическими фигурами драконов. Они отбрасывали золотистый свет на бархатные полотнища, которыми были завешены стены. По черному бархату повсюду змеились другие драконы, вышитые золотом, серебром и пурпурным шелком.

В нише подле двери располагался громоздкий, выше человеческого роста идол. Ноги

изваяния были подогнуты по-турецки. Статую наполовину скрывала тяжелая лаковая ширма. Изваяние казалось самой непристойной, вульгарной пародией на человека, которую только могла породить человеческая фантазия.

Перед идолом находился низкий алтарь, над которым курилась спиральная струйка благовоний.

Однако Харрисону было не до идола. Его глаза были прикованы к фигуре, облаченной в длинное черное одеяние с капюшоном и восседавшей по-турецки на бархатном диване в противоположном конце зала. Они влетели напрямик в осиное гнездо. Вокруг Эрлик-хана в подобострастных позах сидели азиаты – китайцы, сирийцы и турки.

На мгновение находившиеся в зале тоже опешили, но их вывел из остоленения злобный окрик Эрликхана, который вскочил со своего места и схватился за пояс. Другие, поднимаясь и крича, также хватались за оружие. За дверью, прямо у себя за спиной, Харрисон услышал шум погони. В этот миг он осознал и принял единственную отчаянную альтернативу немедленному плену. Метнувшись к идолу, он втолкнул Джоэн в пространство за ним, а потом и сам протиснулся в нишу. Теперь он оказался припертым к стенке. Отступить было некуда – оставалось ждать, держа наготове страшный топор. Он не надеялся, что ему удастся спастись, но, как загнанный охотниками в угол раненый волк, решил мужественно принять последний бой. Зеленая каменная глыба идола почти полностью блокировала проход в нишу. Лишь с одной стороны оставался узкий просвет между стеной и его уродливыми бедром и плечом. С другого бока щель была настолько маленькой, что в нее не прошла бы и кошка. Через щели в стоявшей перед идолом лаковой ширме Харрисону была видна вся комната, куда уже ворвалась толпа их преследователей. Ими руководил вооруженный топором Фэнг Йим – полицейский сразу узнал его.

Поднявшийся неистовый гвалт перекрыл властный голос Эрлик-хана, который говорил по-английски, на единственном общем для всей этой пестрой смеси народов языке:

– Они прячутся за богом; заставьте их выйти.

– Надо дать по ним очередь, – предложил смуглый, могучего телосложения громила. Харрисон узнал в нем турка Ак-Богу, феска которого никак не вязалась с остальным его одеянием. – Если мы останемся стоять здесь, то рискуем отправиться на тот свет. Он может перестрелять всех нас из-за ширмы.

– Болван! – Монгол чуть не задохнулся от ярости. – Он давно бы сделал это, будь у него оружие. Я запрещаю стрелять. Они могут спрятаться за изваянием, и понадобится слишком много выстрелов, чтобы выкурить их оттуда. Здесь вам не Камеры Тишины. Пальба произведет слишком много шума, одного выстрела на улице могут и не услышать, но одним здесь не обойтись. Он вооружен только топором; набросьтесь на него и изрубите на куски!

Ак-Бога, не раздумывая, бросился вперед. Остальные устремились за ним. Харрисон перехватил топорище поудобнее. Нападающие могли добраться до них только поодиночке.

Турок находился в узкой щели между идолом и стеной, когда Харрисон бросился к нему из-за огромной зеленой глыбы. Ак-Бога завизжал в предвкушении победы и занес для удара нож. Он закрывал собой весь проход, и из-за его плеча стоявшие за ним могли разглядеть только мрачное лицо Харрисона с бешено сверкающими глазами.

Харрисон ударил обухом прямо в лицо Ак-Боги, круша ему нос, зубы и подбородок. Турок пошатнулся, захлебываясь собственной кровью, и, полуослепленный ею, все же попытался ударить полицейского ножом, точно смертельно раненная пантера. Острое лезвие раскроило лицо Харрисона от виска до челюсти, но в то же мгновение опустившийся

топор сокрушил грудную клетку турка. Отшатнувшись назад, умирающий повалился на спину.

Стоявшие за ним попятились от неожиданности. Харрисон, окровавленный, словно заколотый боров, снова спрятался за идола. Они не видели белого великана, притаившегося наготове под сенью божества, но видели Ак-Богу, испускающего последнее дыхание в луже крови по их сторону ширмы. Турок казался принесенной идолу кровавой жертвой, и зрелище это отрезвило даже самых неумолимых.

И теперь, когда дело зашло в тупик и сам Повелитель мертвых, казалось, пребывал в нерешительности, на сцену разыгравшейся трагедии выступил еще один персонаж. Открылась дверь, и в зал ворвалась экзотическая фигура. Харрисон услышал, как за его спиной испуганно охнула Джоэн.

Это был Али ибн-Сулейман. Он прошествовал по залу так, словно находился в собственном замке в загадочных окрестностях Джебель-Друза. Он сменил свой западный наряд. Теперь виски его опоясывала шелковая повязка с широкой золотой полосой. Его торс прикрывала просторная рубаха с поясом, из-под которой виднелись расшитые узорами туфли на серебряных каблуках. Его веки были покрашены сурьмой, отчего блеск глаз казался еще более жестоким, чем обычно. В руке друз сжимал длинную кривую саблю.

Харрисон отер кровь с лица и пожал плечами. Ничто больше не могло удивить его в доме Эрлик-хана, даже эта живописная фигура, которая, казалось, только что выплыла из восточного сна, навеянного опиумным дурманом.

Внимание всех было приковано к другу, который шел по залу и казался еще более высоким и грозным в своем национальном костюме, чем в западном платье. Он не испытывал ни малейшего страха перед Повелителем мертвых, точно так же, как ранее – перед Харрисоном.

– Почему мне не сказали, что мой враг – узник в этом доме? – остановившись перед Эрлик-ханом, дерзко спросил он по-английски, на том единственном общем наречии, которым владели и он, и монгол.

– Тебя здесь не было, – грубо оборвал его Эрлик-хан, которому явно не нравилось поведение друза.

– Да, не было, но я недавно вернулся и узнал, что собака, которая прежде была Ахмед-пашой, сидит в западне в этой комнате. Ради такого случая я облачился в подобающее мне платье. – Повернувшись к Повелителю мертвых спиной, Али ибн-Сулейман подошел к идолу.

– Эй, неверный! – крикнул он, – выходи и прими удар моей стали! Вместо ожидающей тебя собачьей смерти, которую ты заслужил, я предлагаю тебе благородный поединок – твой топор против моего меча. Выходи, или я выведу тебя оттуда за бороду!

– У меня нет бороды, – насмешливо отозвался детектив. – Подходи и попробуй достать меня!

– Даже тогда, когда ты был Ахмед-пашой, ты был мужчиной, – нахмурился Али ибн-Сулейман. – Выходи сюда, где мы можем как следует воспользоваться оружием. Если ты убьешь меня, то уйдешь отсюда живым. Клянусь Золотым Тельцом!

– Могу ли я довериться ему? – пробормотал Харрисон.

– Друзы держат свое слово, – прошептала Джоэн, – но есть еще Эрлик-хан...

– Кто ты такой, чтобы раздавать обещания? – крикнул Харрисон. – Здесь распоряжается Эрлик-хан.

– Только не в вопросах моей личной мести! – последовал высокомерный ответ. – Клянусь честью, ни одна рука, кроме моей, не коснется тебя, а если погибну я, то тебя отпустят на свободу. Так я говорю, Эрлик-хан?

– Пусть будет, как ты желаешь, – ответил монгол, разводя руками в знак отказа влиять на развитие событий.

Джоэн судорожно стиснула руку Харрисона и горячо зашептала:

– Не верьте ему! Он не сдержит своего слова! Он предаст и вас, и Али, обоих! Он никогда не стремился к тому, чтобы друз вас убил, – и теперь он хочет наказать Али, сделав так, чтобы вас убил кто-то другой! Не надо, не надо...

– В любом случае нам крышка, – тихо сказал Харрисон, стирая пот и кровь, заливавшие ему глаза. – Пожалуй, стоит попытаться. Если я откажусь, они скоро опять полезут на нас, а из меня кровь хлещет так, что скоро я ослабею и не смогу драться. Воспользуйся случаем, девочка, и попытайся удрать, пока все наблюдают за мной и Али. – И он громко крикнул: – Со мной здесь женщина, Али. Отпусти ее, прежде чем мы начнем сражаться.

– Чтобы она привела тебе на выручку полицейских? – спросил Али. – Нет. Она умрет с тобой или останется жить, если ты победишь. Ты идешь?

– Иду, – ответил, скрежеща зубами, Харрисон. Перехватив поудобнее топор, он выскользнул из ниши, мрачный, мертвенно-бледный, с залитым кровью лицом и одеждой, мокрой от бурых кровавых пятен.

Али ибн-Сулейман пружинистой, упругой походкой начал приближаться к противнику. В его руке голубым огнем сверкало широкое лезвие кривой сабли. Борясь с внезапно навалившейся на него слабостью, Харрисон занес топор – но в этот момент раздался негромкий хлопок и что-то ударило его по голове, разом отняв у него способность двигаться. Он не заметил, как упал, но почувствовал, что лежит на полу. Сознание продолжало работать, но язык и тело отказывались повиноваться ему.

Словно через пелену до него долетел отчаянный вопль, и стрелой подлетевшая к нему фигурка в белом – Джоэн Ла Тур – упала на колени подле него и принялась судорожно ощупывать его тело.

– Собаки, собаки! – рыдала она. – Вы его убили! – Голос ее сорвался на крик: – Где же твое слово, Али ибн-Сулейман?

Со своего места на полу Харрисон видел над собой Али. Его кривая сабля все еще была занесена для удара, глаза метали искры, рот был широко раскрыт. Вся его фигура выражала одновременно удивление и ужас. А позади друга стояла безмолвная толпа, сбившаяся в кучу вокруг Эрлик-хана. В руках Фэнг Йима еще дымился уродливый пистолет с насаженным на ствол глушителем. На улице никто не услышал бы одиночного приглушенного выстрела. Из груди Али ибн-Сулеймана вырвался неистовый крик ярости.

– Мое слово! Моя честь! Клятва именем Золотого Тельца! Из-за тебя я ее нарушил! Ты опозорил меня перед неверным! Украд у меня и отмщение, и честь! Разве я пес, чтобы так обращаться со мной? Айя-Маруф!

Его вопли сменились кошачьим визгом, и он вихрем налетел на Фэнг Йима, сверкнула голубая сталь, и предсмертный вопль китайца захлебнулся в ужасном бульканье. Голова убитого скатилась с плеч и, фонтанируя струйками крови, глухо шмякнулась об пол и застыла в отвратительной ухмылке, казавшейся особенно зловещей в заливавшем помещение золотистом свете. С победным боевым кличем Али ибн-Сулейман рванулся к фигуре в длинном одеянии, сидевшей на диване. Люди в фесках и тюрбанах бросились врассыпную,

освобождая друзу дорогу. Вновь полыхала голубая сталь, лилась кровь, раздавались отчаянные вопли.

Харрисон видел, как сабля друза, ярко блеснув отсветами золотых огней, обрушилась на прикрытую капюшоном голову Эрлик-хана. Повелитель мертвых скатился на пол. Пальцы его конвульсивно сжимались и разжимались.

Остальные обступили обезумевшего друза, нанося ему колющие и рубящие удары. Кольцо вокруг него становилось все более плотным, но, несмотря ни на что, в гуще этой тяжело пыхтящей, ревущей, матерящейся толпы продолжали метаться всполохи голубого огня, а окровавленная голубая сабля упорно продолжала рубить плоть, сухожилия, кости, и под топочущие ноги валились все новые изувеченные тела. Под напором сражающихся алтарь был опрокинут, и тлеющие благовония попали на ковры. Через мгновение пламя уже лизало настенные драпировки. Набирая силу и гудя, огонь охватил целую стену комнаты, но в пылу битвы никто не обращал на это внимания.

Харрисон почувствовал, как чьи-то тонкие руки тащат его по полу. Всхлипывая, судорожно переводя дыхание, но ни на минуту не ослабляя усилий, Джоэн упорно волокла неподвижное тело могучего полицейского в клубах удушающего, разъедающего глаза дыма. Вдруг детектив ощутил дуновение свежего ветра и почувствовал под собой не устланный коврами деревянный пол, а асфальт.

Он лежал в переулке, сверху на него лениво моросил дождь, а впереди поднималась стена, ставшая багровой в свете разбушевавшегося пожара. Сбоку от него тянулись развалины старых причалов, а на речной глади разгоралось алое зарево. До него донесся вой пожарных сирен, и он понял, что вокруг собирается возбужденная, шумящая толпа.

Жизнь, способность к движению медленно возвращались к его оцепеневшим членам. Он приподнял голову и увидел склоненную над ним Джоэн Ла Тур, не обращающую внимания ни на капли дождя, ни на то, что тело ее было едва прикрыто полупрозрачной одеждой. По лицу девушки струились слезы. Увидев, что он пошевелился, она вскрикнула.

– Живой! Я чувствовала, что вы все-таки живы, но боялась, что они догадаются...

– Это контузия, – глухо отозвался он, – меня просто долбануло по голове. Пуля прошла по касательной. Вырубил меня на несколько минут – я прежде видел, как такое бывает... А вы меня вытащили...

– Пока они дрались между собой. Думала, что никогда не смогу отыскать выход... А вот и пожарные!

– Ят-Соиты! – с трудом проговорил он, силясь подняться. – В подвале восемнадцать китайцев. Господи, они же сгорят!

– Ничего не поделаешь! – печально откликнулась Джоэн Ла Тур. – Хорошо, что хоть мы сами спаслись. Ой! – Толпа отпрянула, поскольку крыша начала оседать внутрь строения, вздымая при этом снопы искр. И тут из охваченных пламенем стен показалась ужасающая пошатывающаяся фигура. Это был Али ибн-Сулейман. Одежда свисала с него дымящимися, окровавленными лентами, не скрывая чудовищных ран. Он был буквально изрублен в куски. Его головная повязка куда-то исчезла, волосы вились тугими, влажными кольцами, а кожа, в тех местах, где ее не заливала кровь, была опалена или покрыта копотью. Он потерял свою кривую саблю, но рука его все еще сжимала кинжал, и стекавшая по нему кровь капала на землю.

– Эй! – преодолевая себя, хрипло крикнул он. – Ахмед-паша, я вижу тебя через огонь и дым! Несмотря на предательство монгола, ты жив! Это хорошо!

Ты умрешь лишь от руки Али ибн-Сулеймана, который прежде был Амир Амином Иззедином! Я пролил свою кровь во имя чести, но она ничем не запятнана! Я – сын Маруфа, живущего на священной горе. Когда мой меч ржавеет, я заставляю его сверкать вновь, погружая его в кровь моих врагов!

Еле держась на ногах, он двинулся вперед, но у самых ног Харрисона рухнул лицом вниз, напорвшись при этом на собственный кинжал. Последним усилием перевернувшись на спину, он затих, устремив невидящий взор к небесам, обогненным заревом пожара.

